

Электронный журнал «Пашня» — ежемесячное издание литературных мастерских Creative Writing School. Тексты, представленные в «Пашне», написаны в рамках работы очных мастерских и онлайн-курсов Creative Writing School или созданы специально для литературных конкурсов школы. «Пашня» — это возможность встречи текста и его автора с читателем, возможность посмотреть на мир глазами современных литераторов.

Выпускающий редактор Юлия Виноградова

Художественное оформление Евгения Буравлева, Елена Авинова, Юлия Виноградова

@Creative Writing School, © 2023

@Евгения Буравлева, © 2023

@Елена Авинова, © 2023

Практика

Как найти издателя для своей нон-фикшн книги

Елена Манина

Путь героя: как рождались персонажи российских современных романов

Раиса Ханукаева

Сюжет

Энн Ламонт

Доска почета

Роман Ильи Мамаева-Найлза «Год Порно»

Роман Константина Куприянова «Музей „Калифорния“»

Конкурс

Возвращение

Анна Леонтьева

Выживший

Нелли Шульман

Голоса

Софья Коломийцева

Золушка в темноте

Анастасия Каледина

Мамин яр

Анна Чайка

Место силы

Екатерина Казраманова

Море

Татьяна Андреева

На реке

Ирина Виноградова

Наташин Колобок

Николай Золотов

Писательский марафон «Выйди из комнаты». Шорт-лист

Повзрослела

Оля Продан

Предназначение

Наталья Кривохвостова

Прозрение

Екатерина Суханова

Сага о Федоре

Алла Гугель

Сыр на троих

Ольга Жукова

Проза

Богу одному. Фрагмент романа

Анна Леонтьева

Воспоминание в Аптекарьском

Елена Мацан

Далеко-близко

Елена Тянь

Даля

Алтын Джанаева

Зуб Липавского

Дарья Кириллова

Когда папа

Леонид Борисенко

Лес внутри меня. Фрагмент романа

Ирина Ястребова

Лимончики

Маргарита Русакова

Мои связи

Дарья Ротенберг

Незаконченный рассказ

Мария Фадеева

Опять ведьма

Анна Кузнецова

Подопечные. Фрагмент романа

Любовь Абрамова

Прогулка в осень

Татьяна Костакова

Руками не трогать

Мария Маурис

Свалка. Фрагмент романа

Анна Ри

Фрагмент романа

Елена Степанова

Фрагмент романа

Ольга Кухаркова

Ча-ча-ча

Ольга Федорова

Молодые авторы

Вообще-то я собиралась покрасить забор

Анна Сысоева

Два рассказа

Раффи Клим

Два рассказа

Александр Васильев

Коробочка с письмами

Ян Розенблат

Лучший груз

Юра Яценко

Такие разные елки

Дарья Богданова

Автофикшн

«Somebody To Love»

Таня Ильина

И трубы воспоют

Алла Михайлова

Июнь бюджет

Дуня Беляева

На связи

Елена Алферова

Секрет

Дарья Фомина

Сториз

Антон Егоров

Третий

Татьяна Климова

Ты же моя подруга

Виктория Григорьева

Эйфория

Екатерина Морозова

Как найти издателя для своей нон-фикшн книги

Елена Манина

Многие начинающие авторы мечтают о публикации. Как же найти издателя для нон-фикшн книги? Сегодня делимся пошаговой инструкцией с комментариями писательницы Лены Бук. Ее книга «50 “можно”, с которыми маме станет легче жить» в начале года вышла в издательстве АСТ.

Походите по магазинам и посмотрите книги схожей тематики. Проанализируйте, чем они отличаются от вашей: на какого читателя рассчитаны, насколько раскрывают тему, каким языком написаны. Возможно, ваш труд глубже и веселее. А возможно, вы где-то недожали и повторились. Тогда вернитесь к тексту и подумайте, что поменять. Издатели ищут уникальность, и это всегда конкурентное преимущество.

1. Запустите проект

Есть ли шанс заключить договор с издательством до того, как сесть за текст, — предложить только идею? Увы. Мало кто купит желание что-то написать, пусть страстное и непреодолимое, и даже клятву приняться за работу прямо сейчас. Издателю нужно «мясо» — материал.

Минимальный «мясной набор», с которым можно приступать к поискам, — четко сформулированная тема, продуманная структура, понятная аудитория и отрывок текста — хотя бы 30%.

«Я занялась поиском издательства, когда поняла, что большая часть книги готова, — рассказывает Лена Бук. — Я еще не вычистила все, но у меня было 30 глав, введение и синопсис».

2. Изучите рынок

Первое, о чем подумает редактор, открыв рукопись: смогу ли я это продать? Чтобы найти ответ раньше, изучите конкурентов.

Быть уникальным не значит говорить о том, о чем никто не говорил. Уникальными могут быть подача, угол зрения и даже компиляция.

«Главное — не бояться, — говорит Лена. — Знать, что на каждую книгу найдется читатель. Избегать мысли, что все уже написано, все кругом талантливые, а я нет. Надо работать и относиться к этому ответственно, но в то же время спокойно. То есть просто делать свое дело».

3. Составьте список издательств

Чем он будет длиннее, тем лучше — больше шансов на публикацию. Но не включайте туда всех подряд. Есть гиганты, универсальные издательства, которые берутся почти за все — от романов до раскрасок. Есть жанровые редакции — детской, образовательной, научной литературы и т. д. Обращайтесь и в одни, и в другие. Главное — адресно: если ваша книга о медицине, странно рваться туда, где занимаются нотами.

Листая книги конкурентов, смотрите титульные листы — там указан издатель. Как вариант: найдите список издательств в интернете и отметьте подходящие. Не удивляйтесь, если ваше найдется в Сибири или на Камчатке. В России сотни издательств, а расстояние значения не имеет. Выбрав, изучите сайты: там часто есть аннотации к выпущенным книгам. Убедитесь, что вы пришли по адресу, и снова поищите конкурентов

«Я отправила рукопись в 12 издательств, — делится Лена. — Все они выпускали книги о родительстве и саморазвитии. Это были и столичные, и региональные редакции — благо сейчас можно сотрудничать, даже находясь за тысячи километров».

4. Узнайте требования к рукописи

Хорошая новость: некоторые издательства нехудожественной литературы принимают на рассмотрение не всю рукопись, а только часть. Например, три главы или 30% от объема. Если редактору понравится тема и подача, если он увидит в вас потенциал, он подскажет, в каком направлении двигаться. Вы вместе сможете пересмотреть объем, структуру, стилистику и другие параметры книги. Сразу писать, как надо, гораздо эффективнее, чем сделать все, а потом переделывать. И гораздо приятнее.

Смотрите и на другие требования: в каком виде высылать текст, сколько файлов должно быть и т. д. Не пренебрегайте мелочами. Некоторые издатели пишут прямо: «Рукописи, оформленные неверно, мы не рассматриваем».

«Чтобы отправить все заявки, я потратила примерно полдня, — вспоминает Лена. — Каждую нужно было адаптировать под специфические требования: от объема текста до размера шрифта».

5. Напишите синопсис

Синопсис — важный документ, который нужно выслать с рукописью. Важный настолько, что, например, в «Эксмо» есть платный онлайн-курс для авторов, где учат его составлять.

Синопсис — содержание книги и описание ее особенностей. Он может быть кратким и расширенным. В краткий должны входить аннотация с темой и читательским адресом; отличия от изданий схожей тематики, фишки; польза книги; сведения об авторе. В расширенный — еще и подробный план; источники информации; сроки готовности и примерный объем; способы и каналы продвижения — например, 500 знакомых, готовых купить книгу; наличие экспертов, которые смогут написать отзыв.

По сути, синопсис — презентация для редактора. Посмотрев ее, он будет решать, читать рукопись или нет. Поэтому не жалейте на него времени и сил.

Лена Бук: «Я почитала синопсисы к книгам, похожим на мою по тематике, посмотрела, что мне нравится, что нет, и составила свой. Отправила его знакомым молодым мамам — моей целевой аудитории, с вопросом “Было бы вам интересно прочесть такую книгу?” За несколько дней у меня получилось около 40 вариантов синопсиса. И наконец, я утвердила финальную версию».

6. Обратитесь к наставнику

Есть люди, которые помогают авторам достичь цели. Чаще это писатели и сотрудники книжной индустрии. Они знают, как проходит редакционно-издательский процесс, как работает рынок. Консультации ментора стоят денег, но сильно упрощают жизнь автора. Наставник может дать советы о концепции, оценить рукопись, проверить синопсис и даже поделиться контактами издателей.

Ищите такого волшебника в школах литературного мастерства. Например, Creative

Writing School предлагает коучинг у писателя, редактора или критика. Некоторые издательства и их представители также организуют курсы, где можно закончить книгу, довести ее до ума и грамотно представить редакциям.

«Я работала с писателем Ларисой Парфентьевой, автором нескольких бестселлеров, вышедших в “МИФе”, — рассказывает Лена Бук. — Лариса задавала вектор движения, подсказывала, что усилить в тексте, как удержать баланс между его эмоциональной и практической составляющими, как выстроить структуру. Но при этом давала полную свободу самовыражения. Она не писала за меня, а была опытным наставником».

7. Проверьте материал

Итак, главный текст и синопсис готовы. Не спешите отправлять заявку. Как следует проверьте все. Перед публикацией книгу будут править, и не раз. Но это не значит, что вам не нужно вычитывать рукопись.

Опытный редактор уже с первых абзацев отличит «причесанный» материал от наброска, который ни разу не пересматривали, а ответственного автора — от человека, которому все равно. Уважайте редактора. Уважайте себя. И не лишайте книгу шанса на издание только потому, что в тексте не на месте «о» и запятые.

Бойтесь не справиться сами — сходите на сайт, где ошибки проверяет робот, или обратитесь к корректору.

Таким путем пошла Лена Бук: *«Я попросила знакомого корректора вычитать введение и первые несколько глав, чтобы убрать опечатки, проверить орфографию и пунктуацию. Мне очень повезло: мой корректор выполняла еще и роль редактора. Если она замечала, что какая-то мысль повторяется или что-то нелогично, то обращала на это внимание. В издательство я отправила практически идеальную рукопись»*

8. Отправьте заявку

В требованиях к оформлению рукописи найдите, куда ее высылать. Могут быть варианты: заполнить форму на сайте; отправить материалы на общую почту; написать в конкретную редакцию или конкретному человеку. Делайте как указано. Заявки, скинутые не туда, с вероятностью 99% никто не рассмотрит.

Сделайте шаблон сопроводительного письма и правьте его для каждого издательства, учитывая его требования.

А еще знакомьтесь с издателями и редакторами в социальных сетях, на книжных выставках, курсах для писателей и т. д. Наладив контакт, вы сможете обращаться к ним напрямую — как минимум за советом.

«Старайтесь узнавать имена тех, кому пишете, — рекомендует Лена Бук. — Ни в коем случае не делайте массовую рассылку, тем более с адресами в копии. Это большущая ошибка. И будьте вежливы и дружелюбны».

9. Ответьте на вопросы

Издательства рассматривают заявки от месяца до трех. Крупные — до полугода. Сроки обычно указаны на сайте. Будьте готовы к безмолвным отказам: если ответ не пришел в течение названного срока, рукопись не принята. Не стоит атаковать редакцию, пытаясь выяснить, в чем дело. Тот, кому ваша книга понравится, свяжется с вами обязательно.

«Ответы приходили в среднем через месяц, — вспоминает Лена. — Я получила два предложения о сотрудничестве и два отказа».

Бывает, что редактор сомневается. Тогда он может позвонить или написать, чтобы

задать вопросы. Отвечайте как есть: обмануть издателя — потерять издателя.

«Один небольшой издатель спрашивал, какие есть каналы продвижения. Прощупывал почву — может, я блогер-миллионник или инфлюэнсер. Таких авторов охотнее приглашают к сотрудничеству. Я честно описала свои скромные возможности. Тогда он сказал, что у книги спорная тематика и узкая аудитория. По сути, причина отказа была одна, а издатель озвучил другую».

10. Сотрудничайте

Свершилось — ваша книга нужна! Что делать после минут ликования?

Если ответ пришел быстро, но не от издательства вашей мечты, скажите, что ждете письма из других редакций. Оговорите время, в течение которого определитесь.

Внимательно читайте договор, особенно пункты об обязанностях сторон. Смотрите, на какой срок издатель покупает права на книгу, исключительные они или нет; каков гонорар — конкретная сумма или отчисления от продаж.

Будьте готовы выполнить требования издательства, например, доработать рукопись в срок или участвовать в продвижении.

«В АСТ сказали, что книгу надо “дорастить” до определенного объема, —

делится Лена, — попросили мои 30 “можно” превратить в 50. Мы оговорили сроки и подписали договор. У меня было два месяца, чтобы все доделать. Во время работы над книгой я прописывала ТЗ на иллюстрации для каждой главы, прямо буквально: “Растерянная мама держит в одной руке кружку с кофе, в другой ребенка, на заднем плане беспорядок”. И художник сделал забавные, легкие, ироничные картинки в виде комиксов — как я хотела».

И в заключение. Помните: для издательства книга — это не просто текст. Это проект, в который придется вложить много денег и сил. Издатель должен видеть в этом смысл. Так что относитесь к книге, как к проекту, и вы.

Лена Бук: «Обсуждение каждого этапа работы над книгой с редактором, утверждение макета — все это невероятно интересно и немного волнительно. Я желаю молодым авторам испытать эти эмоции и однажды вдохнуть типографский запах своей только что отпечатанной книги!»

Путь героя: как рождались персонажи российских современных романов

Раиса Ханукаева

Персонажи романов порою тоже имеют биографию. Кто-то «рождается» сразу, а кто-то меняется, развивается, «взрослеет». Кто-то «послушен» автору, а кто-то своенравен и живет своей жизнью.

Мы расспросили современных писателей о том, как они создавали своих героев и с какими трудностями столкнулись во время работы над текстами. Все книги выходили в издательстве «Редакция Елены Шубиной».

Лиза Карманникова, «Вечная жизнь Лизы К». Автор — Марина Вишневецкая

«Я потерялась — между странами, между детьми, между родителями, между тремя языками, летом вдруг показалось, что между любовями...» — говорит себе героиня. Действие романа разворачивается в 2012-2015 годах, и это, пожалуй, один из немногих текстов, где эпоха митингов и события за пределами страны отражены наиболее ярко. Писательница Марина Вишневецкая рассказала нам о том, как роман вырос из рассказа, как менялась Лиза, и кто был ее прототипом.

Об идее романа

Сначала казалось, что пишу рассказ. Как это часто со мной бывает: пишу, чтобы избавиться от голоса, поселившегося внутри, чтобы дать этому голосу выход, а себе — покой (голос был на удивление многословен). И в дневниковых записях того времени вижу: «рассказ пишется», «рассказ застрял». Героями рассказа, начатого то ли в конце 2012-го, то ли в 2013 году, должны были стать девушка Лиза и бушевавшее вокруг нее время. События на Болотной 6 мая, свидетельницей которых я оказалась, просились в кульминацию этого текста... Но потом случился 2014 год. И стало понятно, что без новых, куда более судьбоносных событий, если уж пишешь портрет на фоне эпохи, не обойтись. Рассказ в дневниках стал называться повестью. И рядом замелькали вопросы: «будет ли финал?», «закончу ли ее когда-нибудь?». Плохо писать роман без плана. Своим студентам в CWS всегда говорю: смотрите, как мучалась я, и сделайте наоборот! Говорю с улыбкой, потому что каждый по-своему пробивает дорогу к финалу.

О прототипах

Лиза Карманникова отпочковалась от реальной девушки. Без прототипов сложно. Но когда она стала самостоятельным ростком — внутри меня, внутри романа, — она стала питаться и моими соками, и чертами других людей. Так что спустя несколько лет, когда жизнь снова свела меня с «прототипом», я была поражена их несхожестью: моя Лиза этого бы не сказала, моя Лиза так бы не

поступила... И это, я думаю, классический путь от прототипа к образу.

О характере героя и его изменениях

Когда текст пишется медленно и с паузами (почти весь 2005 год я складывала первый «Словарь перемен» и в роман почти не заглядывала), важнее следить за тем, чтобы характер героя не менялся. Чтобы читатель чувствовал его стержень и очертания. Менялись интересы Лизы, менялись люди вокруг, радикально менялись взгляды. Мне было интересно смотреть — когда ты уже расписалась, а текст покатылся и кажется, что пишет себя сам, — это так захватывающе, смотреть и фиксировать, как героиня реагирует на каждое новое обстоятельство (бегство из страны, появление второго ребенка, гипотетическую измену мужа, гибель сводного брата на Донбассе, связанное с этим расставание родителей), как из вполне инфантильного существа она впадает в зрелость — и, по созвучию с «ересью», — в неслыханную простоту.

О трудностях работы над образом героя и романа

Когда текст пишется долго (в моем случае слишком долго), главная трудность — не утратить целостность образа. Когда много лет назад, в середине 90-х, на студии «Союзмультфильм» актеры записывали реплики к моей сказке «Лиса и заяц», а в аппаратной были какие-то технические проблемы и пауза затянулась, Ирина Муравьева (наша Лиса) страстно воскликнула: «Я начинаю терять хвост!» И я теми же словам думала о Лизе: ой, она начинает терять хвост...

О помощниках

В помощники я себе определила одну очень хорошую актрису, внешне с Лизой не схожую, но внутренне — может быть. И когда

мне казалось, что образ героини начинает терять очертания, я листала в Сети фотографии этой актрисы — и Лиза волшебным образом оживала. Так что если и были помощники, то как в сказе — волшебные. Кстати, о фотографиях и волшебстве. Закончив роман — раньше бы не рискнула — я забила в строку поиска одной социальной сети «Лиза Карманникова». И что же? Я увидела на фото свою Лизу! Не прототипа, а ту, которая написалась. И подумала: это хороший знак.

Герой романа «Угловая комната». Автор — Тимур Валитов

Личная трагедия вырывает персонажа этого романа из размеренной жизни. Ему приходится вернуться в родной город и снова встретиться с родственниками, которые давно стали чужими. Но и это не все: жизнь вытягивает его в странные и даже опасные ситуации...

О том, как в романе про персонажа-нижегородца появилась парижская линия, почему этот текст — синтез двух совершенно разных черновиков, и кто настоял на том, чтобы «Угловая комната» была дописана, рассказывает писатель Тимур Валитов.

Об идее романа

Она появилась не сразу. Я работал над ним пять лет, и изначально это был совсем другой текст. Начитавшись американских и французских авторов, я писал вычурный роман о двух влюбленных в Париже. В итоге текст похоронил себя под собственным весом. На какое-то время я его оставил, но постоянно о нем думал. Что-то в нем мне нравилось, но ни сил вернуться к работе, ни понимания того, как это сделать, у меня не было.

А потом у меня умер отец, и появилась необходимость превратить в текст мысли и переживания по этому поводу. Я планировал нечто документальное, хотел записать не только эмоции, но и всю хронологию событий: то, как я об этом узнал, как ехал на похороны, как мы с родными его хоронили. Но и это в какой-то момент перестало меня интересоваться: я понял, что если это не нужно мне (основному читателю), то оно не нужно никому. Так появилась и осталась не у дел вторая развалина романа.

В какой-то момент я решил соединить две наработки. Возможно это покажется неестественным, но я пытался найти силы для того, чтобы продолжить работу над большим текстом. В итоге это настолько ярко сложилось в моей голове, что я начал медленно, но верно писать этот роман.

О создании образа персонажа

Этот герой — производное от реальных людей. Я передал ему много своего, многое подсмотрел у своих друзей.

Первые главы текста я показывал в середине второго курса магистратуры литературной мастерской. Их читали и Майя Кучерская, и Марина Степнова, и тогдашние мои одноклассники. Обсуждение выходило довольно эмоциональным, в том числе и потому, что я люблю упаковывать в свой текст какие-то подслушанные истории. Что-то такое я в роман включил, чего, видимо, не следовало. Тогда Майя Александровна и Марина Львовна дали мне несколько важных советов по работе над текстом и образом героя, к которым я прислушался.

О помощниках

У романа был ангел-хранитель — это писатель Игорь Савельев, который не дал этому тексту забуксовать. Он читал каждую главу после того, как я ставил в ней точку, и доказывал, что оно того стоит, что роман

нужно дописать. Так, благодаря его прессингу, я закончил роман. Ведь одно дело — все придумать и удивляться тому, как прекрасно все сложилось в твоей голове, а другое — реализовать, тем более — с моей скоростью письма.

Туся Борятинская и доктор Мейзель, роман «Сад». Автор — Марина Степнова

Середина XIX века, в богатейшей семье Борятинских рождается поздний ребенок — девочка Наташа (Туся) — и одним своим появлением разрушает семью, меняет жизнь всей усадьбы и сельского доктора. Туся сама принимает все решения и стремится стать полноценной хозяйкой своей судьбы.

Писательница Марина Степнова рассказала о том, кто помог в создании этого образа и как в романе появился доктор Мейзель.

Об идее романа

Я много чего хотела, когда бралась за «Сад», и никакого сада, кстати, в нем не было тогда и в помине. Сначала я хотела роман о том, как человека уничтожают его неосуществившиеся мечты. И эта линия сохранилась. Потом я долго хотела роман о свободе и ее рамках. Это тоже осталось, хотя и ушло на второй план. Но в результате получился роман о воспитании — потому что я стала мамой. И это изменило все.

Туся, главная героиня, была задумана сразу. Девочка, родившаяся с серебряной ложечкой во рту, богачка, знатная, любимая

всеми. И, несмотря на все эти привилегии, она не может получить то, что она хочет. Только потому, что она женщина, живущая в определенных общепринятых рамках. То, что в тексте появился доктор Мейзель и тоже стал главным героем — это уже из разряда сюрпризов. Доктор пришел сам, сам занял свое место.

О создании образов

Прототипов у Туси и Мейзеля не было. Это выдуманные герои. Но в целом в романе прототипов у других героев много.

Из борца за свободу Туся довольно быстро превратилась в монстра. Это и в жизни так бывает, так что я не удивлена. Но злюсь на Тусю до сих пор. Мои герои всегда очень меняются и ведут себя исключительно независимо. Я привыкла и радуюсь любому сюжетному повороту, который герои совершили вопреки моей воле.

О помощниках

Помощников у меня всегда очень много — я очень люблю слушать и слышать других людей. Я советовалась с врачами, всадниками и владельцами лошадей, с родителями и музейными сотрудниками. Каждый из них сказал много важного. Каждому — огромное спасибо

Илья Руднев, роман «Выше ноги от земли». Автор — Михаил Турбин

Со смертью у героя личные счеты.

Потеряв жену и маленького сына, он старается

забыться в работе и ежедневно спасает чужие жизни. Заглушить чувство вины ему почти удается, пока в больницу не привозят ребенка, как две капли воды похожего на его собственного.

О появлении замысла

Идея — это первый шаг. В башке появляется некая мысль, с которой непросто разобраться, но еще сложнее ее сформулировать. Потому что, когда заключаешь идею в одно предложение, она тут же превращается в какой-то пафосный и банальный статус для ВК. В этом нет ничего страшного, потому что жизнь человека банальна сама по себе. Моя идея для книжки была из той же серии золотых статусов: «Спаси свою жизнь можно спасая жизни других». Но я поставил в конце не точку, а вопросительный знак. Потому что для меня будущая книга — это исследование, некое путешествие за ответом. И, конечно, герой-врач для этого подходил лучше всего.

О создании образа персонажа

У главного героя прототипов не было. У некоторых второстепенных персонажей они существовали. Но главным здесь, опять же, были не портреты конкретных людей, а образы и проблемы, которые они могли бы отразить в романе. Так, герой отца Федора, например, несет на себе целый ворох проблем, которые меня волнуют, но он имеет мало общего со своим прототипом.

Характер Ильи во время разработки сюжета не менялся, но креп. Когда я влюбляюсь в героя, он становится более независимым, я бы даже сказал, неуправляемым. Он сам начинает двигать сюжет, притягивать и создавать конфликты. Но в этом и есть удовольствие и путешествие писателя, о котором я уже говорил. Можно сколь угодно прописывать арки персонажей и выставлять сюжет, но если герой оживает — всё, выкидывай свои планы и синопсисы. По

крайней мере, так у меня. Знаю писателей, которые к своим героям более строги.

О помощниках

Конечно, были! Многие молодые коллеги читали мой роман в процессе создания, поэтому я про своего героя наслушался: алкаш, зануда, абьюзер. И это тоже было важно, потому что они говорили правду. Советы более опытных авторов и преподавателей CWS были не так прямы, но помогли увидеть путь героя более полно. Держите важный совет от меня: «Любите своих героев».

Серёжа, роман «Саша, привет!». Автор — Дмитрий Данилов

— Понимаете, советская литература была таким коллективным мороком. Что-то писалось, люди работали, даже иногда создавались выдающиеся произведения. Даже, может быть, великие.

Но в целом это было какое-то такое, понимаете, блуждание в темноте.

Кто-то из студентов тянет руку:

— Сергей Петрович, а можно вопрос? А правда, что вас к смертной казни приговорили?

Серёжа кладёт указку на стол.

— Да, правда.

Серёжа выходит из аудитории и слышит, как ему вдогонку звучат аплодисменты.

Роман-антиутопия Дмитрия Данилова — философская притча на тему жизни и смерти, стойкости и уныния. Главный герой — филолог, приговоренный к смертной казни.

Автор рассказал о том, как родился замысел и как шла работа над текстом.

Об идее романа

Я по случайной ссылке прочитал повесть Виктора Гюго «Последний день приговоренного к смерти». Это очень известный текст, но раньше я его не встречал. Повесть произвела сильное впечатление, и появилась идея написать текст на тему смертной казни. Постепенно в голове возник сюжет.

О рождении героя

Герой появился уже на раннем этапе. Филолог, который попал в странную ситуацию: сделал безобидное дело, которое привело его к смертному приговору.

Прототипов у персонажа нет, но у меня очень много знакомых филологов, в том числе — преподавателей. Я сконструировал его из черт известных мне людей.

О трудностях работы над образом героя и романа

Нельзя сказать, чтобы герой романа как-то менялся с момента замысла. Но в тексте меняется его состояние, он постепенно впадает в скорбное бесчувствие. И это единственное, что с ним происходит. Он не проходит «арку героев», которую так любят сценаристы. «Арка», конечно, добавляет

драматизма и динамики, и если она получается — хорошо, но если ее нет, то, как мне кажется, это не страшно. Во всяком случае, в жизни мы не очень часто замечаем перемены в людях, особенно на каком-то коротком этапе их жизни.

Трудностей с созданием персонажа у меня не было, но весь процесс работы над романом оказался непростым. Это эмоционально тяжелый сюжет. Да и вообще, в отличие от

стихотворения или малой прозы, роман — это довольно большой труд.

О помощниках

Свои тексты я обычно обсуждаю с женой, она обычно дает мне очень дельные и важные советы, в частности — она посоветовала мне назвать пулемет человеческим именем, и так появился тот самый Саша.

Сюжет

Энн Ламотт

Продолжая тему пути героя, мы решили обратиться к классической книге Энн Ламотт «Птица за птицей», которая выходила в издательстве «Манн, Иванов и Фербер». Это вдохновляющее пособие, написанное состоявшимися писателями на собственном опыте, должно быть на полке у каждого начинающего автора. Где найти вдохновение и как обрести свой стиль, как создать своего героя и организовать писательский процесс.

Предлагаем прочитать главу о сюжете, которая поможет связать действия героя и саму историю.

Сюжет — основная история вашей книги или рассказа. Если вам нужно блистательное обсуждение технических тонкостей, почитайте Эдварда Форстера и Джона Гарднера ¹. Они разбирают устройство сюжета так точно и вдумчиво, что вы вззоете от зависти. Я добавлю несколько мыслей, которыми делюсь со студентами, когда им становится совсем тяжело и непонятно, что делать.

Сюжет вырастает из персонажа. Если сосредоточиться на тех, о ком вы пишете, на их внутреннем мире, который вы будете все лучше узнавать день ото дня, что-нибудь обязательно произойдет.

Персонажи не должны стать пешками в истории, которую вы задумали. Сюжет нельзя навязывать им как приговор. Мой девиз: не беспокойтесь о сюжете, беспокойтесь о героях. Пусть их слова и поступки раскроют их внутреннюю суть, участвуйте в их жизни и все время спрашивайте себя: а что теперь? Развитие отношений и создает сюжет. В эссе «Тайны и обычаи» Фланнери О'Коннор вспоминает, как дала несколько своих ранних рассказов старушке-соседке, а та прочла и сказала: «Вот-вот, эти люди вечно такое вытворяют!»

Это и есть сюжет — поступки, которые люди совершают вопреки всему, что подсказывает: не делай так, лучше тихо отсидись на диване, глубоко дыши, позвони психологу или открой холодильник и ешь, пока зуд не уймется.

Так что думайте о персонажах. Например, все события в романах Фолкнера ² обусловлены природой его героев. И хотя среди них попадаются малопривлекательные личности, они все равно завораживают, потому что в них веришь, чувствуешь, что их поступки естественны для их характера. Фолкнера читаешь ради красоты его чудовищных порождений, и ради красоты самого текста, и ради того, чтобы увидеть жизнь с его точки зрения. Он выражает свое мировосприятие через персонажей. И это главное: дать другим людям возможность

посмотреть на мир твоими глазами. Жизнь ведь не подводная лодка, чтобы изобразить ее устройство со всех ракурсов и во всех разрезах. Тут чертежей не бывает.

Уясните для себя, что ваши герои любят сильнее всего. Тогда вы будете знать, что стоит на кону в каждом конкретном случае. Затем постарайтесь выразить это в их действиях, и пусть герои ищут, или хранят в душе, или активно защищают то, что им всего дороже. Так вы сможете провести их по пути от добра к злу и обратно, или от зла к добру, или от полной растерянности к обретению цели. Какая-то ставка нужна всегда, иначе не будет напряжения и читатель не станет переворачивать страницы. Представьте себе хоккеистов: когда они выходят на лед, там должна быть шайба. Иначе они будут выглядеть довольно-таки нелепо.

У меня обычно получается так: с утра я сажусь за стол и перечитываю написанное накануне. Затем ухожу в себя, глядя куда-нибудь в пространство или на чистый лист. Я представляю моих героев и фантазирую. У меня в голове как будто начинает прокручиваться ряд картинок, за которыми стоят эмоции; я смотрю этот «фильм» почти в трансе, пока слова не складываются вместе и не образуют предложения. Затем переключаюсь на ручную работу и записываю это, ведь я сама себе машинистка. И вообще я тот, кто держит фонарь, пока кладоискатель копает. Что он думает нарыть? Неважно; что-нибудь. Детали, подсказки, образы, находки, штрихи, свежие идеи, интуитивное понимание характера. Уверяю вас: тот, кто светит фонарем, далеко не всегда в курсе, что ищет напарник, — но узнает золото, если увидит его.

История постепенно выстраивается, если внимательно слушать своих персонажей и наблюдать, как они живут, говорят, сталкиваются друг с другом. Вы увидите, как одни начнут влиять на судьбу других, оцените, на что они способны и чем это может закончиться. Нащупать сюжет — дело долгое; оно часто движется рывками или буксует, но волноваться не нужно. Старайтесь

продвигаться вперед; «пригладить» и выправить текст можно и позже. Джон Гарднер писал, что автор творит сновидение, в которое приглашает читателя, и что оно должно быть ярким и последовательным. Я заставляю студентов занести себе в конспекты: «сновидение должно быть ярким и последовательным», потому что это жизненно важно. Писатель не преподаватель; он не может сесть рядом с читателями и объяснить нюансы, которые опустил в рассказе, или добавить детали, которые сделали бы происходящее более интересным и правдоподобным. Материал должен работать сам по себе; сон должен быть ярким и последовательным. Вспомните собственные сновидения — в них один эпизод плавно перетекает в другой, и вы при этом не закатываете глаза и не говорите: «Минуточку! Я же никогда не колослся в компании Розалин Картер³, и у меня вообще нет никаких лошадей, тем более карликовых аравийских размером с кошку!» Обычно вы смотрите сцену за сценой, потому что сон захватывает вас и не отпускает ни на миг. Вы просто не можете не узнать, что дальше. Именно так себя должен чувствовать читатель.

Неплохо найти кого-то, чтобы опробовать на нем ваш материал: друга, родственника, коллегу. Стороннему глазу легче увидеть, не просвечивают ли швы, не ушли ли вы слишком далеко в сторону, — а то и констатировать, что пока все получается и ваши первые сто страниц совсем не так плохи. Обязательно показывайте работу новым людям. Тяжело всегда быть собственным палачом. К тому же вы сами можете не разглядеть нестыковок, потому что в поисках персонажей и их истории обычно двигаешься на ощупь, а не на глаз. Так что найдите тех, кто взглянет на вашу работу трезво и отстраненно. У меня был знакомый по имени Эл — он время от времени относил чужих кошек на усыпление в клинику, потому что хозяева не могли заставить себя это сделать. Те кошки по разным причинам — из-за болезни или хронического недержания — утратили жизнеспособность и место в мире. Элу было плевать на самих животных; он воображал себя владельцем кошкоусыпительной компании с девизом «Сделаем мир немного чище!». Пусть кто-нибудь сделает это и с вашими рукописями: поможет избавиться от нежизнеспособных

сюжетных ходов, которые все равно не сработают, как бы вы ни старались.

Если я задам тридцати ученикам написать про мужа и жену, которые собираются разводиться, и вдруг случается что-то совершенно неожиданное, обязательно получится тридцать абсолютно разных версий — ведь за каждой стоит личность с уникальной историей и специфическим мировосприятием. Кто-то напишет про миг откровения, когда жена среди ночи смотрит в окно, видит в лунном свете летящую стаю диких гусей и решает дать мужу еще один шанс. Другой — о том, как муж на утренней пробежке начинает задумываться о примирении, спешит домой, чтобы поговорить с женой, но по дороге его сбивает неопытный водитель. А еще кто-то выберет местом действия Голливуд, потому что недавно читал Натанаэла Уэста ⁴, и рассказ получится прекрасным в своей абсурдности. Каждый автор по-своему понимает, что такое жизнь и любовь. Одни рассказы будут циничными, другие — горькими, третьи — полными надежды. Какие-то выйдут вязкими и ходульными, какие-то будут искриться от напряжения.

Межличностное напряжение — верный способ сохранить читательское внимание. Рецепт тут такой же, как у хорошей шутки: завязка, развитие, кульминация. В завязке мы расписываем участников игры и ее правила. Дальше игроки начинают делать ходы и продвигаться вперед; развитие — самая фактурная, «сочная» часть текста. В конце же мы должны ответить на вопрос: к чему все это было? Ради чего затевалась игра? Напряжение должно расти и прийти до высшей точки, иначе стулья, на которых сидит публика, станут очень жесткими и неудобными. И сама публика не подберет. В конце концов она разочаруется и потеряет терпение. Движение необходимо.

Пусть персонажи совершают какой-то путь, хотя бы медленно. Представьте, что они плывут в лодке по пруду с кувшинками. Если каждый цветок тщательно, любовно выписан, читатель проследует за вами до другого берега и ему будет достаточно даже пунктирной связи: ритма, тональности, настроения.

Возможно, вам понадобятся особые приемы, с помощью которых вы станете продвигать действие и напоминать нам, кто есть кто среди персонажей. Пусть, например, у героя будет неизменная сигара, а у героини — поросычьи глазки, заплывшие от пьянства. Но если что-то в тексте притянато за уши, это всегда видно. Если вы сознательно латаете прорехи в сюжете чем попало — например, берете героиню, чей характер так для себя и не уяснили, и приписываете ей чувства, которых не испытывали сами, — вам это вряд ли сойдет с рук. Читатель перестанет вам доверять, а то и вовсе обидится и разозлится. А это худшее, что может произойти в ваших с ним отношениях. Исходите из того, что читатели очень внимательны и умны (пусть в последние годы верить в это стало труднее). Так что, если их попытаются обмануть, они легко разоблачат мошенника.

Если вы поймали себя на подобных натяжках, возьмите паузу и еще раз хорошенько посмотрите на персонажей. Вам надо побыть в шкуре всех этих людей. А поскольку вы с ними незнакомы, надо заглянуть в себя любимого, со всеми своими проблемами и пунктиками, — и понять, что этим людям свойственно, а что нет и что они сделали бы в определенной ситуации. Как-то я читала интервью Кэролин Шуте ⁵ (автора «Египетских бобов») и нашла там прекрасное описание того, как происходит переделка собственных текстов. «Когда пишешь, у тебя как будто есть двадцать ящичков елочных игрушек, но нет самой елки. И вот сидишь и думаешь: куда же это все пристроить? А потом тебе вроде как говорят: ну ладно, так и быть, иди за своей елкой. Только мы тебе завяжем глаза и ты должна спилить ее чайной ложкой». Именно так я несколько раз добывала сюжеты для книг. У меня накапливалось множество прекрасных сверкающих шариков — и не на что было их повесить. Но я сживалась с персонажами, проникалась ими, узнавала все лучше и лучше, садилась за работу каждое утро и перебирала их в уме. И вдруг, как по волшебству, ко мне приходила их история. Порой кажется: герои сами прекрасно знают, кто они такие, что с ними происходит, где они были, куда отправятся и на что способны. Но им нужна я, чтобы записать все это. Может, у них просто очень плохой почерк?

Некоторые писатели утверждают, что знают кульминацию чуть ли не в начале пути, задолго до того, как дойдут до нее в тексте. Кульминация — главное событие, обычно ближе к концу, которое сливает все ваши ноты в один мощный аккорд, после чего как минимум в одном из героев происходят резкие перемены. Какой смысл в истории, где никто не меняется? В кульминационный момент должно произойти убийство, или исцеление, или порабощение. Убийство может быть как физическим, так и метафорическим: гибель духа или, напротив, уничтожение чего-то темного и страшного в душе, конец мертвящей пустоты, после которого начнется возрождение личности. Под исцелением может пониматься примирение, возвращение, спасение чего-то хрупкого и драгоценного. В любом случае мы должны чувствовать, что случившееся было неизбежно; даже если оно поражает нас, пусть оно будет естественным, вытекает из всех предыдущих событий, пусть станет их закономерным следствием.

Эффект неизбежности хорошо выходит тогда, когда сюжет открывается не сразу, а с течением времени. Поначалу может казаться, что с кульминацией все понятно. И конечно, план действий полезен всегда. Но я бы советовала не слишком заикливаться на изначальном замысле. Лучше сосредоточьтесь на том, что ваши герои чувствуют друг к другу, что говорят, чем от них пахнет, кого они боятся. Пусть они танцуют под собственную внутреннюю музыку, и пусть она сама приведет их, куда хочет. Подсматривайте за этим процессом, как ребенок, расковырявший шоколадное яйцо с сюрпризом. Возможно, ваши персонажи сами для себя придумают нечто более яркое и осмысленное, чем то, что вы пытались им навязать.

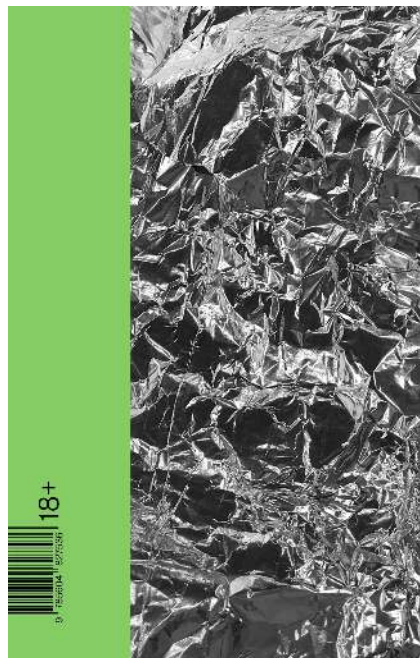
Словом, ставьте цель, но не связывайте себя ею. Когда кульминация наконец соберется и оформится у вас перед глазами, можете наваливаться на работу.

И последнее: как-то я слушала лекцию Алисы Адамс о малой прозе. Один ее рецепт

так взбудоражил публику, что теперь я все время делюсь им с учениками (и даже обычно не забываю упомянуть первоисточник). Адамс сказала, что в рассказах часто использует формулу ПФРКИ: Происшествие, Фон, Развитие, Кульминация, Итог. Начать надо с какого-то случая или происшествия, достаточно интересного, чтобы читателю захотелось узнать, что дальше. Фон — когда мы узнаем, кто эти люди, с которыми все случилось: откуда они взялись, как оказались вместе, что было до начала истории. Затем нужно добавить деталей, сделать образы объемными, показать, чем персонажи дорожат больше всего. Сюжет — внутренняя драма, поступки, напряжение — вырастет именно из этого. Ведите персонажей дальше и дальше, пока все линии не сойдутся в точке кульминации, после которой для главных героев многое всерьез изменится. А в конце нужно показать, какими они стали, с чем остались, что произошло и что это для них значит.

Формула — прекрасное подспорье на начальном этапе. Зайдя в воду, всегда чувствуешь себя замечательно: пусть даже сперва булькаешь и барахтаешься, но по крайней мере ты уже окунулся. Дальше пытаешься плыть любым стилем, какой помнишь, и пугаешься: осознаешь, как трудно перемещаться и как далеко твоя цель. Но все же ты окунулся, и держишься на плаву, и продвигаешься вперед.

1. Эдвард Форстер (1879–1970) — английский прозаик и драматург-либреттист; Джон Гарднер (1933–1982) — американский прозаик и литературовед. Прим. пер. [↑]
2. Уильям Фолкнер (1897–1962) — один из крупнейших американских прозаиков XX века, лауреат Нобелевской премии по литературе. Прим. пер. [↑]
3. Розалин Картер (род. 1927) — супруга бывшего президента США Джимми Картера, 41-я первая леди США. Прим. ред. [↑]
4. Натанаэл Уэст (1903–1940) — американский прозаик. Прим. пер. [↑]
5. Кэролин Шуте (род. 1947, урожденная Кэролин Пенни) — американская писательница и политическая активистка. По ее роману «Египетские бобы» в 1994 году был снят кинофильм (режиссер Дженнифер Уоррен). Прим. ред. [↑]

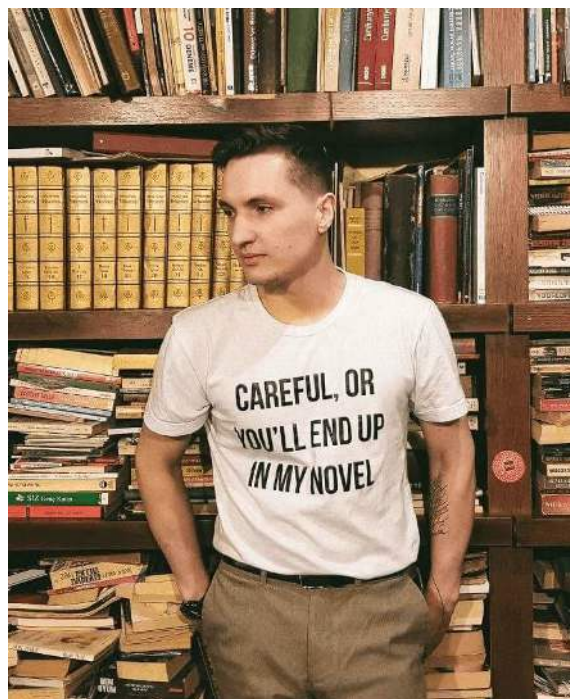

Роман Ильи Мамаева-Найлза «Год Порно»

Илья Мамаев-Найлз — выпускник мастерской автофикшн Ольги Брейнингер. Недавно у Ильи вышел дебютный роман «Год порно», основанный на личном опыте автора. Книга открыла совместный проект издательства «Есть смысл» и «NoAge». Мы поговорили с Ильей о книге, жанре автофикшн и впечатлениях молодого автора от первого писательского успеха. Предлагаем также прочитать фрагмент романа, выбранный автором.

услышать и понять друг друга у нас всех однажды получится.

Почему вы выбрали жанр автофикшн?

О чем ваша книга?

— Роман о Марке, молодом человеке, наполовину марийце, который после ссоры с родителями ушел из дома жить в машине. Он работает бариста в Йошкар-Оле и подрабатывает переводчиком порно. Вообще, я писал о поиске коммуникации между людьми разных поколений и мировоззрений. Это то, что беспокоило меня, кажется, всегда, а теперь беспокоит еще сильнее. А получилось не только и, возможно, не столько про поиск коммуникации, сколько о взрослении и поиске себя в современном мире. О моем поколении, которое росло вместе со страной, о людях, в которых я верю, которых люблю и тех, кто, наоборот, мне не близок. Ну и о надежде, что

— Мне, конечно, не поверят, если я скажу, что мой текст ближе к фикшну, чем к автофикшну. Там действительно многое взято из моего опыта: я переводил эротические фильмы, уходил из дома жить в машине, работал бариста. Много фактов из книги сойдутся с фактами из моей жизни. Но, во-

первых, в романе совсем другие таймлайны и бэкграунд героя, есть много того, что со мной не происходило или происходило по-другому. А во-вторых, герой нередко думает так и делает то, что не делал или не сделал бы я. Такой подход — автофикшн, в котором 2/3 фикшна, — позволил мне написать о том, что я хорошо знаю, что сам пережил, и в то же время выйти за пределы своего опыта и рассказать более универсальную историю.

Легко ли работать с личным опытом?

— И да, и нет. Личный опыт связан с другими людьми, поэтому одной из главных проблем для меня стал вопрос: как писать о тех, кого я знаю? Мне просто писать о себе, даже если это что-то компрометирующее, стыдное — если такие откровения работают на качество текста, то, я считаю, это того стоит. Но когда пишешь о других, все сложнее. Едва ли кому-то будет дело до качества твоего текста, если ты в нем говоришь о том, что они предпочли бы скрыть. А без деталей их историй и фактуры не получится добиться правдивости и сложности. У автора, по крайней мере, у меня, текст — это самое важное. Если есть реплика, поворот в истории, телесная характеристика — что угодно из реальной жизни моих близких и знакомых, что сделает текст лучше, — я это использую. Буду тревожиться, сомневаться, но все равно использую. А потом уже буду разбираться, как сделать так, чтобы не умереть в одиночестве. Например, в романе я постарался максимально скрыть реальных людей, смешав в персонажах по несколько людей, дополнив их вымышленными чертами и бэкграундом. Где-то это получилось прямо хорошо, и никто никогда не узнает, кто персонаж на самом деле. А где-то нет. Я успокаиваю себя тем, что они никогда не прочитают мою книгу. Ну и иногда надеваю футболку с надписью «Be careful or you'll end up in my novel», чтобы потом тоже было проще: типа, я предупреждал.

**Что такое для вас жанр автофикшн?
Где проходит грань между фикшном и автобиографией?**

— Ничего нового про автофикшн я сказать не могу, да и не хотелось бы ещё больше усложнять понимание и без того самого запутанного жанра литературы. Автофикшн — это смесь автобиографии и вымысла, где, как мне кажется, автобиографии количественно больше, но главная ценность произведения заключается в вымысле. То есть литература начинается именно тогда, когда ты, зная, как оно на самом деле было, принимаешься писать то, чего не было, не случилось, хотя и могло. И под «могло случиться» я понимаю все, что реалистично в том художественном мире, который создал автор. Для одного это, например, авария на дороге в день рождения (хотя в жизни автор спокойно отпраздновал в одиночестве с парой бутылок пива под сериал), а для другого — какие-нибудь бытовые разговоры с камнями, которые спокойно отвечают, так же, как и люди, ходят на работу и так далее.

Лично мне кажется, что для автофикшна не имеет значения, насколько вымысел достоверен привычной нам реальности. Если автор говорит про свой текст: это автофикшн — то все художественные допущения можно воспринимать как метафоры, попытки автора поговорить о болезненном опыте (или счастливом, или вообще эмоционально неокрашенном) тем способом, который ему или ей кажется наиболее точным и эффективным. Тут, конечно, уже начинает вестись фикшеном, но от него будет отличать куча биографических фактов. Автор как бы говорит: это я. А если точнее: это мог быть я.

Вообще, наверное, самое короткое определение такое: автофикшн — это жизнь автора в сослагательном наклонении. Думаю, что автор и отделяет себя от героя именно всеми этими «бы» и «мог бы». Например, он думает: на втором курсе университета мне предлагали героин, а я отказался и больше никогда с этим человеком не общался. А потом думает: а что, если бы я согласился? В этом месте жизнь героя начинает идти другим путем, он становится другим человеком и так далее. А читателю, ну или как минимум автору, интересно наблюдать не только за историей этого героя, но и за тем, что автор решил с ним сделать.

У книги достаточно провокационное название в нынешние времена, когда культуру все больше берут под контроль. Как оно появилось?

— Я долго не мог придумать название, перебирал разные варианты, но ничего удачного найти не мог. Все они описывали только какой-то один аспект, а книга затрагивает много всего. Потом я подумал, а что есть универсального для всех этих тем в тексте, и ими оказались время и переводы. Мы встречаем Марка прям перед тем, как он берется за перевод эротических фильмов, а оставляем, когда он это дело бросает. Так и получился «Год порно». Ещё мне нравится, что оно отсылает к другому, уже можно сказать классическому миллениальному роману, с которым мой текст в чем-то рифмуется. Так что да, название мое, но я до последнего не был уверен, что оно финальное. А редакция даже не ставила его под вопрос, им сразу понравилось.

Вы учились в мастерской автофикшн CWS, что дал этот опыт?

— Наблюдать за тем, как участники мастерской превращают свой личный опыт в художественное произведение. Получать обратную связь о своем тексте от участников и мастера. И делиться своим мнением о работах других. Сондерс говорит, что стиль автора проявляется в том, как он сокращает текст. В мастерской ты читаешь тексты других и думаешь, что бы ты оттуда убрал, что бы оставил, а что описал бы подробнее. Так и начинаешь подступаться к своему стилю. Плюс начинаешь любить литературу ещё сильнее, когда видишь, как она вмещает в себя самый различный опыт, осмысляет его, преобразует — и все это у тебя на глазах.

Каких авторов вы любите читать?

— Я обожаю Дениса Джонсона и собираюсь прочитать у него все, что он написал. А потом, возможно, и попробовать его попереводить просто для себя. Все, что я

люблю в литературе, есть в его текстах. Если говорить про влияние, то на меня влияет так или иначе все, что я читаю. Особенно я бы отметил Лорри Мур, Джоан Дидион, Салли Руни, Оксану Васякину, Женю Некрасову, Николая Кононова, Дениса Осокина, Андрея Платонова, Антона Чехова (можно ведь классиков без отчеств или это выглядит как панибратство?) — этот список не бесконечный, но очень длинный.

Как случилась ваша встреча с издательством NoAge?

— Финальный черновик я закончил в августе 2022 и отправил его Жене Некрасовой и Алесе Атрощенко, кураторкам Школы литературных практик. Они два года читали и комментировали мои черновики, поддерживали все это время. Мы решили, что текст готов для того, чтобы отправить его издательствам, и начали рассылать. Несколько месяцев я получал отказы, а потом мне написала Юлия Петропавловская, главный редактор издательства «Есть смысл». Ей очень понравился текст, и она предложила издать его в совместной серии издательств «Есть смысл» и «Поляндрия NoAge». Это произошло как раз в тот день, когда они договорились о коллаборации. Я сразу согласился, рассказал жене, и мы отпраздновали.

Вашу книгу очень тепло принимали на ярмарке NonFiction. Что ощущает молодой писатель, когда его текст не только выходит в свет, но и получает большой отклик?

— Я был просто в шоке, от которого до сих пор отхожу. Конечно, это невероятно приятно, но все же «невероятно» пока описывает ощущения лучше всего.

Планируете ли писать дальше?

— Да, конечно. У меня есть несколько идей. Уже начал готовиться к следующему

тексту. Осталось только определиться и сесть писать.

Ваш совет тем авторам, которые сейчас пишут свою первую книгу.

— Не слушайте советы начинающих писателей типа меня. Они тоже ничего толком не знают и не понимают.

Гог порно. Фрагмент. Часть 2

Леся сама всех убеждала, что по собственному желанию занялась сексом на стройке с тремя парнями. То же самое она доказывала и Марку, когда они наконец впервые смогли поговорить о произошедшем.

Она взяла из шкафа скомканную футболку и кинула на диван. Потом черные кружевные трусы и лифчик, которые Марк раньше тайком трогал и нюхал. Следом полетели штаны, рубашки, носки. Джинсы с заправленным ремнем сбили часть горки одежды на пол, но Леся не стала поднимать. Она избегала смотреть на Марка, а это все, чего он хотел. Ему казалось, загляни он ей в глаза — и тут же все узнает и ему станет легче. Но Леся стояла к нему либо спиной, либо боком.

Ты можешь мне рассказать, сказал он. Ты и так уже все знаешь. И это было правдой. Они с Лесей глупо поссорились из-за чего-то, чего он уже даже не помнил. Наговорили друг другу всякого, что в тот момент казалось правдой-маткой, а на самом деле было обычной жестокостью, которой они реза-ли друг друга, сами не зная зачем. Леся пошла с подругами в клуб, то ли назло Марку, то ли просто отдохнуть. И осталась там после того, как подружки ушли, а

вместо них подсели отбитые парни из школы, которые учились на класс старше. Они споили ее и отвезли на стройку. Марк знал все это с их слов, но хотел, чтобы Леся сама сказала. Даже нет: он хотел, чтобы она рассказала что-то другое. Чтобы эта история была просто байкой. Но Леся молчала.

Она приравнивала его к другим, и это было большее всего. Он попытался найти слова, которые восстановили бы доверие между ними, но вместо этого Марк с Лесей начали кричать и ссориться. И тогда она повернулась к нему, и внутри него что-то хрустнуло. Ее кофта сползла с плеча, обнажив выпирающую ключицу. Некогда облегающая одежда теперь свободно колыхалась из стороны в сторону, когда Леся размахивала руками. У нее выпирали сухожилия, глаза провалились.

Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала? Марк уже ничего не хотел — он все увидел и понял. Но Леся говорила и говорила, а потом заплакала. Он обнял ее. Она пробормотала что-то еще, уткнулась ему в грудь и просто стояла, иногда вздрагивая и всхлипывая. В школе ее теперь называли дырявой. Сначала это слово вызывало у Марка ассоциации с дыркой на джинсах между ног или с порванной игрушкой, из которой торчит наполнитель. Теперь же он ощущал ямку под ребрами Леси. Он нажимал на нее пальцами, кожа легко поддавалась давлению, и казалось, можно было вытянуть всю руку и так ни во что и не упереться.

Он приходил к ней чуть ли не каждый день, и они так много смеялись, что Леся быстро уставала и, хоть никогда и не говорила этого вслух, хотела, чтобы Марк ушел. Он уходил, а потом возвращался. Приносил ей фрукты и фитнес-батончики. Не отрывая взгляда от Марка, она понемногу ела, глубоко вдыхала и глотала воду, чтобы подавить тошноту.

Она была еще слаба, когда Марк отпросил ее у родителей и отвез на озеро. Они взяли у знакомых лодку. Было тепло. Пахло тиной. Греб по большей части Марк. Иногда Леся забирала у него весла и тоже гребла, пока хватало сил. Сверху озеро казалось зеленым,

но, когда оно стекало ручьями с весел, становилось прозрачным и блестящим.

О чем ты думаешь?

Марк вздрогнул и пожал плечами.

Мне кажется, ты думал обо мне.

Ага. Ты нас в болото завела.

Леся оглянулась. Они проплыли мимо пляжа и теперь приближались к зарослям. Ой. Прости.

Не хочешь заплыть внутрь?

Внутрь?

Там что-то типа заводи. Дед мне однажды показал.

Леся пересела на корму, а Марк — в середину.

Деревня исчезала за деревьями и кустами. Болотная вонь все больше резала нос.

Здесь как-то странно, сказала Леся.

Дед рассказывал, что здесь топили белогвардейцев. Привязывали булыжники к ногам и сбрасывали в воду.

То есть под нами, типа, трупы?

Марк убрал весла и развернулся к Лесе. Лодка качнулась в одну сторону и в другую.

Думаю, за столько-то лет их должны были достать.

Леся наклонилась, будто пытается разглядеть тела, веревки и камни. Марк тоже нагнулся. На поверхности воды лежало преломленное небо с темно-серыми облаками и темным кругом солнца, усыпанным пылью и тельцами мошек.

Видишь что-нибудь? — спросила Леся.

Себя.

Сбоку что-то булькнуло, и они обернулись. Что это была за хуйня?

Рыба?

Леся уставилась на точку, от которой кольцами шла рябь. Дышала сбивчиво, через рот.

Ты норм?

Представь, сказала она, мы сейчас над нашими мертвыми предками, которых убили другие наши предки. А мы дети и тех, и других.

Марк не нашел, что на это ответить, и предложил плыть обратно. Но Леся будто не услышала. Смотрела по сторонам и вниз. Марк закурил. Предложил Лесе, но та качнула головой.

Мне жарко. Я искупнусь.

Здесь?

У нее выпирали ключицы и ребра. Марк придержал ее за руку, когда она осторожными шагами пошла к задней части лодки. Ладонь была влажной и холодной. С обратной стороны чувствовались тонкие косточки пальцев. Ноги были кривоваты, лишь немного толще его рук. Леся собрала волосы, прихватила резинкой, повернулась к Марку и улыбнулась. Затем села,

окунула ступни, проматерилась и скользнула в воду. Лодка зашаталась.

Аккуратнее с водорослями.

Леся проплыла мимо. Белая кожа блестела и охлаждала этот жаркий день.

Интересно, сказала она.

Что?

Леся нырнула. На пару секунд Марк остался один. Он посмотрел вверх, и в глаза ударил солнечный свет. Марк зажмурился и ощутил его остатки под веками.

Что с тобой? — спросила Леся.

Она полезла обратно в лодку, и Марк помог, приподняв Лесю за подмышки. Ее тело покрывала прохладная липкая слизь.

Когда перестаешь плыть, ноги опускаются вниз. Притяжение или что это. И потом их

щекочут водоросли. А там, внизу, холодно. Знаешь, такой жутковатый холод? Как мороз по коже. И вот водоросли словно ласкают и тянут вглубь.

Марк и Леся уставились друг на друга и рассмеялись. По ее лицу с волос стекали капли, в них, как и в ее глазах, отражались лес, облака и Марк. А от зрачков расходились десятки, а то и сотни карих колец.

Что? — сказала Леся.

Ничего. Просто у тебя глаза похожи на срез дуба.

Я знаю, ты говорил.

Прости меня, сказала она через несколько секунд.

Нет, ты прости.

Сырая футболка липла к животу и груди. Марк почувствовал прохладу на плечах и шее. Затем на губах. И тут — жар.

Роман Константина Куприянова «Музей „Калифорния“»

Константин Куприянов пришел на занятия в Creative Writing School, уже имея несколько публикаций и даже премий. Однако, заинтересовавшись жанром автофикшн, он продолжил свое обучение в наших мастерских. Год спустя Константин написал свой первый текст в жанре автофикшн — роман «Музей „Калифорния“», который вышел в 2023-м в издательстве «Городец». Об этой книге, а также о том, чем хорош автофикшн, мы и поговорили с писателем Константином Куприяновым. А также предлагаем прочитать небольшой фрагмент романа.

из тех, кто вернулся из эмиграции, я — из тех, кто остался. Когда я начал готовиться к выступлению, то понял, что мою историю невозможно рассказать вкратце, даже если я опущу максимум юридических и технических нюансов. Колоссальные изменения, которые произошли со мной за шесть лет, — достаточный материал для романа.

Про жанр автофикшн сейчас много говорят. Но многие начинающие писатели, создавая художественное произведение, и так опираются на собственный опыт. Где для вас проходит грань между автофикшном и художественной прозой?

Как появился роман и о чем он?

— Роман «Музей “Калифорния”» посвящен моей эмиграции в Сан-Диего и шестилетнему (на момент написания книги) опыту жизни там. Идея пришла (как сейчас помню), в определенный момент — 6 апреля 2021 года. Я был в Питере, мы с другом готовили выступление на тему, что-то вроде «Эмиграция: возможно ли (не)возвращение» («не» была обыграна в скобках). Мой друг был

— В глобальном смысле, конечно, любой текст может быть написан лишь из своего сугубо личного опыта. На то мы и являемся людьми, что способны воспринимать мир только через свою личность, и откуда бы ни черпали знание о мире — только наше восприятие выступает фильтром, а значит, работа через собственный опыт неизбежна. В этом смысле любое произведение, будучи продуктом субъективного взгляда на мир, на

самом деле в широком смысле подпадает под определение автофикшна.

Тем не менее, в более прикладной плоскости под этим жанром определяется довольно специфический метод и набор подходов; одной из ключевых характеристик выступает желание авторов сфокусироваться на игре именно с собственным образом. Поэтому автофикшн очень располагает к постмодернистской игре (на уровне сюжета, конечно, и репрезентации текста), а также смешению жанров и видов искусства. Мне нравится думать, что автофикшн близко подходит к очень важной функции литературы: высвечиванию уникальной человеческой души и уникального опыта. Там, где более традиционные литературные методы стремятся к обобщению и воссозданию широкого мифа, автофикшн скорее склонен изучать преломление мифа в личной человеческой судьбе и искать изъяны в обобщениях, а значит, в определенном смысле, развивать и изменять существующий миф и архетип.

Другой важной особенностью, которая мне импонирует, является заведомо игровая форма. Игры, (само)ирония всегда полезны, а тут они становятся почти неизбежными, хотя бы в малых дозах, по их наличию в заведомо искреннем автофикшне можно многое сказать о мастерстве автора и его способности трезво судить о себе и своём творчестве.

Можно ли ваш роман определить как детектив?

— Роман определили детективом уже на этапе аннотации / анонсов издательства. Я однозначно не пытался вписать его в жанр. Если уж на то пошло, то изначально это должен был быть скорее краеведческий роман о Калифорнии. Необходимость придавать форму и динамику сюжету вынудила обрмить происходящее в формат условного детективного расследования.

Описывая ваш роман, журналисты постоянно используют слово «эмоциональный». Как писателю добиться эмоциональности в тексте?

— Моё мнение заключается в том, что автор работает только с самим собой. Уже результат его внутренней работы просвечивает в той или иной мере через написанное и задевает, если так сложится, читателей. Нельзя искусственно или насильно вложить эмоциональность или глубину в текст, если не нашёл их в себе. Поэтому с эмоциями я поработал «на берегу», а в плавание (писание) текста ушёл, уже держа в уме несколько вещей, которые желал сообщить граду и миру: о том, как взрослеет и меняется человек (мужчина — в случае с моим рассказчиком), как выглядит Калифорния из его бойницы в 2010-х–ранних 2020-х, как и почему случается духовный рост, а затем ему наследует духовный же упадок, как отпустить любимую женщину и т. д. и т. п.

Что было самым трудным в работе над романом? Были ли моменты ступора, когда хотелось все бросить?

— Самым трудным было подготовиться и начать работу. По сути, подготовка к написанию текста заняла годы, и не было никаких ясных признаков, что именно

итоговая попытка написать выльется в настоящий роман. До того, как он был написан, создана была череда черновики и набросков, включая тот, что писался во время и после учёбы на курсе CWS, но и тогда работа застопорилась и остановилась на почти на год. Наконец, именно попытка весной 2021 увенчалась успехом. Работа шла очень быстро, можно сказать, в режиме приступа, и ощутить серьёзный ступор не довелось. Иногда рациональная часть мозга спрашивала: «Что мы делаем? Разве это куда-то годится?», но нерациональная продолжала усаживать и принуждать к работе. В целом, работа над черновиком была завершена за несколько недель. Редактура и доведение текста до более reader-friendly состояния — это уже отдельная тема, но там уже ремесленные навыки включаются, не так критично, если застрянешь.

Как получилось опубликовать книгу?

— Благодаря моему питерскому другу (его зовут Илья Зыченко) год назад в издательстве «Городец» вышел сборник рассказов «Улица Некрасова». Илья выступил автором идеи и собрал несколько текстов, включая мой. Позже я снова обратился в издательство, предложил рассмотреть рукопись. Книгу одобрили и опубликовали.

Это не первая ваша книга. Меняется ли отношение писателя к публикациям с опытом?

— Это очень субъективно, сразу скажу. У меня однозначно поменялось отношение после череды публикаций и замера, скажем так, реакции на них. Если в начале «карьеры» публикация в толстом журнале виделась как самоцель, некий инструмент оценки / подтверждения статуса, то спустя 5-10-... таких публикаций встаёт вопрос: что, собственно, дальше? У нас устроено так, что публикации и даже премии в журналах мало влияют на доступ к широкому читателю. И даже

публикация книги этот доступ не гарантирует. Убедившись, что можешь быть изданным, сталкиваешься со следующим слоем проблемы: как и в чём нащупать идентичность, обосновать самому себе необходимость дальнейшей работы. У меня это вылилось в эксперименты и поиски новых форм и смыслов на стыке литературного творчества с другими видами искусства и наукой; начал интересоваться вопросами соавторства, больше времени посвящал участию в «литературном поле», т. е. общению и самопрезентации; в том числе это вылилось в сотрудничество с CWS в качестве рецензента, а также создание небольшой творческой артели («Контекстный инкубатор», он же «КОНКУБ», где мы в сезоне 2021–2022 обсуждали ряд рукописей романов).

Вы пришли учиться в CWS уже будучи автором с публикациями и даже премиями. Как литературные занятия могут помочь тем, кто уже пишет?

— В любом деле надо продолжать совершенствоваться, искать новые формы и содержания, не застаиваться — для этого следует соприкасаться с новыми людьми и иными подходами. Общение и обсуждение — инструменты, которые никогда не перестают помогать, и на все свои учёбы и курсы я приходил именно за этим. Только чувство собственной значимости (не самое полезное явление) может рано или поздно убедить автора, что ему не надо учиться или контактировать с другими, более «начинающими» писателями.

Над чем вы сейчас работаете?

— После первого автофикшна у меня написан еще один роман. Наверное, его тоже можно подтянуть под автофикшн, только более специфический. Сейчас я пишу на регулярной основе, продолжаю творческую деятельность постольку, поскольку приходят силы и вдохновение. Работаю над

фантастическим рассказом и над проектом романа, который, если удастся, напишем в соавторстве с коллегой.

Что вы любите читать?

— Я стараюсь читать вперемешку нон-фикшн и современную литературу, с упором на российскую, чтобы быть в курсе, так скажем, трендов. Автофикшн, конечно, читал и читаю, когда появляется что-то новенькое. Из наиболее впечатлившего за последнее время (как раз в процессе / вскоре после работы на «Музеем “Калифорния”») — роман «Выгон» Липтрот. Из нехудожественного — прямо сейчас читаю «Взломать Дарвина» Д. Митцеля, чтобы быть в курсе современных тенденций в области биологии и генетики; из художественного прямо сейчас — «Нацию прозака» в переводе Оли Брейнингер, моей коллеги и вдохновителя сотрудничать с CWS.

Ваш совет тем, кто только находится в начале писательского пути и работает над своей первой книгой.

1. Много читать, даже если вдруг кажется, что уже начитался.

2. Нащупывать своё, оригинальное, но не гордиться и не прекращать поиск и эксперимент, т. к. ничего подлинно «нового» не существует, требуется непрерывное движение и смешивание.

3. Быть осознанным, т. е. буквально отдавать себе отчёт в том, что делаешь: как в самом широком смысле (грубо говоря, «зачем этому миру еще одна книга?»), так и в частном — на уровне техники, языка, приёмов и т. д.

4. Работать последовательно и старательно, делать это на регулярной основе,

не ожидая, что вдохновение снизойдёт, будто божественная субстанция.

Музей „Калифорния“. Фрагмент

И я написал. Там, в Америке, я стал автором, действительно стал. Только еще не понял, не ощутил на языке это сладкое слово. Меня еще не рвало от парадокса, что главное, о чем можно сказать, всегда останется не названным, мои слова только очерчивают вокруг него формы-вместилища, тогда как *то самое*, ради чего все создается, не может быть поймано и уловлено... И максимум — на эту удочку можно ловить возвышенных девочек двухтысячного года рождения (в две тысячи шестнадцатом году — еще скучноватые, по-детски нелепые шестнадцатилетние, а сегодня уж самые лучшие взяты замуж или отданы в монастырь своему будущему), а я ловил женщину постарше себя. Даша была постарше, недели три не признавалась, я целовал ее, наугад, думал: хорошо я делаю или плохо? Смеялась — говорила только, что весьма нежно. Ну, значит, сойдет, для чего еще поцелуй? Нежностью следует гордиться, ей должна быть посвящена отдельная религия, когда-нибудь, когда будет больше жизненного пространства и меньше заботы о выживании; мы станем нежнее, мы построим алтарь богу нежности: пустую скамью, где любовники должны придаваться чувственному ласканию; нежность там будет священна, ею надо окружать то несказанное, что люди не могут поместить в форму, в структуру, в секс, требующий всегда насилия. Так и в доме — ценное только то, в чем существует человек, хотя человеку кажется, что ценное — это стены, предметы, картины и скульптуры или хотя бы жители. Нет. В пустой комнате я тщетно вспоминаю Дашечку и наши три попытки быть вместе.

Трижды пытались. Она давно не здесь, давно ее вернула себе черноземная Европа, но, благодаря попыткам и искренней любви, так и

осталась жительницей Сан-Диего, нимфой Оушен-Бич, героиней моей невинной не-зимы две тысячи шестнадцатого, где я остался мальчиком с ней, а она призналась мне. Увы, но настоящая попытка любить бывает у людей одна, дальнейшее — умственные подделки, желание выдать невозможное за все еще допустимое...

Заблуждения всегда будут сменяться, да и дома не вечны, сами города, где были мы счастливы, нежны, влюблены, когда-нибудь уйдут под землю; мы заблуждаемся, что будет новая попытка, археологи будущего назовут их диковинными, когда за нами вослед спустя десятки тысяч лет прорастет уж два-три слоя реальности. Кстати, тут, в Сан-Диего и в Оушен-Бич, все очень любят сходить с ума по экологии. Думают, это поможет удержаться на плаву, не уйти так рано в небытие... Меня даже не запихнули чуть было в самом-самом начале в департамент по защите окружающей среды, но вовремя очухались: вся эта свистопляска насчет человека, уничтожающего природу... Понимаешь, если он что и может уничтожить — то это самого себя. И то займет целый lifetime — весь этот кусочек от общего пирога, который тебе отрезали вначале, его на саморазрушение и трать. Зачерпнешь сколько-то материи и потратишь ее всю на обуздание пустоты и пространства. Окружающая среда будет в порядке, заверил я полицейский участок, дайте мне лучше разобраться со смертью. Смерть — это очень противоестественно, а еще это самый важный образчик формы, на втором месте после рождения. Пустите меня к ее подножию. Так я оказался в своей позиции. А природа (махнул рукой) как-нибудь разберется.

Природа невинна, в ней забываются вчерашние темные мгновения, вчерашняя ночь страсти. Да, боль зверя такая же настоящая, как и моя, но нет по ней рефлексии. Кстати, у меня был однажды ученик, я так ему и сказал: «Есть всего одна „настоящая“ вещь — это боль», — и потом я ударил его.

Ударю, доведется, и свою Дашечку (*не буквально ударит — примеч. соавтора-Д. — для современников-повесточников*). Всегда встречается кто-то слабее тебя, и вы временно, очень ненадолго распределяете роли: учитель,

ученик, любовник, проситель, жена, муж... Потом десять раз меняетесь местами, и когда все уроки выучены, расходитесь, как потухшие искры над огнем. Учитель не приходит раньше, чем готов ученик. Даша работала уборщицей на острове Коронадо, в доме, который стоит больше, чем все наши продовольственные пайки предков, вместе взятые. Помню вечер, когда я забрал ее с другой работы (как белка в колесе, крутилась между кучей работ и без устали, без ропота, скорее в шутку, приговаривала: «Зачем я все это делаю?..»), мы поехали на остров. Через синий мост, потом дорогой направо, в пустынный парк, оставили там машину и, взявшись за руки, забрались на задний двор дорожущего дома, внутри она смахивала пыль с никем не используемых часов, клавесинов, кресел, ковров, котов (из черного дуба) и так далее. Трудилась под строгим надзором глазниц видеокамер, выводящих изображение за тысячи миль отсюда, в бункеры и другие гостевые дома, где семейство старых денег коротало срок, а во дворе камеры давно ослепли: садовнику пожадничали заплатить, и листы магнолии закрыли глазки, и мы могли предаться страсти в тайне, ночью, невидимые, неслышимые. Там люди жили раз в году — один месяц между февралем и мартом, в сумме у них было двадцать четыре дома по всей Америке, треть из них здесь, в Калифорнии: в мегаполисах, в горах, в пустынях, на побережьях... и, говорят, тридцать или сорок домов в других странах мира, они даже по неделе в году не могли жить на одном месте — метались, как сумасшедшие, только бы заглотить побольше вещества перемен.

А у нас с Дашей на двоих не было и одного дома — я жил на диване, угол мне принадлежал в стремном районе, zip-код (индекс) 92102, там тогда еще оставалось неблагополучие, не добралась лапа левацкой (благословенной) джентрификации; а Даша жила в трейлере, в трейлерном парке, у друга по секте, который страшно гордился, что ему принадлежит клочок грязной земли, воняющей бензином, и полтора раскоряченных трейлера, которые никогда уж не уедут из этой ямы — в них он вселяет трех-четырёх работяг за сезон и тем кормится год от года, пребывая в праздном меланхолическом созерцании веры. У нас не было дома — нашим домом была странная влюбленность, которой я так и не доверился. И

я ударил ее: «Понимаешь, с тех пор, как Женья предала меня, никому я больше не могу доверять». Понимаешь, любовь же не к человеку, любовь — это просто огромное сердце, которое заманивает тебя в лоно, и ты узнаешь эту душу и понимаешь, что точно есть душа. Все остальное — это как моя похоть к Ведьме: ярко, взрывоопасно, но пустотело и на исходе дня остаются только проклятия. Их нельзя не произнести, подобие исповеди, чтобы вычиститься и заявить, что я невинен, и ждать следующую Ведьму, и заново превращать, и заново превращаться. А в общем сердце, как в общем доме, не остается проклятий.

Поцелуй похож на отдельный вид разговора, на самостоятельный язык, мы так и называли это — «наш язык» — и учились понимать, ласковыми, нащупывающими прикосновениями, мне хотелось ей объяснить:

«Видишь ли, это первый мир, требуются огромные жертвы, и я на них пошел. Я думал, нельзя мне больше сидеть во втором мире. Россия — это вчера, в рамках превращения цивилизаций — отнюдь немало, но в рамках скоротечного меня, умеющего только языком плести узоры, — недостаточно и поздно, поэтому надо сбежать оттуда. Еще немного они похорохорятся, но история всех расписала, а другую мне жизнь не скоро доведется примерить, да и легче не будет. И я все бросил, включая родной свой язык, и поехал. Я очень мечтал о первом мире. В любом крупном городе есть в него лазейки: Интернет, финансы, язык, литература. Но все-таки то, где ты засыпаешь, гуляешь, влюбляешься — имеет огромную значимость, это и есть твой мир».

Убедительно... Но Даша не осталась. Надо было просить остаться для себя, а я по дурости плел ей: «Останься ради жизни в первом мире, а мне не доверяй, как я не доверяю никому». Я тогда еще не понял, что любимые так и станут уезжать отсюда постоянно. Я тогда еще был шит в московское постоянство. Все-таки Москва — это предел русского мира, мозг и

сердце, и отсюда крайне редко уезжают, это великий имперский город. Без шуток и пафоса, это так. Сюда сходятся колониальными придатками неизмеримые версты русских земель, но вся эта земля в целом никакое не государство, это метрополия Москвы-Петербурга, двух имперских городов, с окружающей их сочной зеленоокой пустотой, обязанной сделаться пустой, чтоб напитать последние города. А Сан-Диего, Калифорния — это ветер, человеческая фантазия, предельный край мечты Запада о бессмертии, вне своих лабораторий и секретных бункеров — один из множества полупровинциальных городков, с налетом пижонства, культом серфборда и косяка, научного таинства в спокойном сердечке, но можно прожить там и не прикоснуться к великим тайнам ни разу, не узнать, что ты у порога вечной жизни, разыскиваемой хозяевами мира, можно прожить в своем саду, на грядках, и на волнах прокачаться. Никаких проблем.

Но мечтают люди недолго: час-два в день максимум, остальное — работа, способность твердо стоять на ногах; а Южная Калифорния не про это, тут тяжело дается труд, тут тяжело метаться и работать на трех работах, смахивать пыль с предметов, стоящих дороже, чем все твоё состояние и состояние твоего рода за последние пять — пятнадцать поколений. Тяжело... И тут, я писал уже вроде, не даешь корней — здешние корни обречены расти десятилетиями и пасть жертвой очередной восьмилетней засухи, не дотерпеть... А Даша была любовью, ей незачем было жить там, где тяжело.

Я понимаю, да и я ничем не позвал ее. Не сказал: «Пойдем со мной, пойдем в эту историю, ведь погляди на эти бесконечные цветы и цветения: цветет в саду этого дома, который мы теперь грабим своей любовью, розовый куст, и розовое цветение оплетает нас и остается на кончике языка». Я поцеловал ее в нижний край нижней губы, мол: «Позволь?» Даша была любовью, она склонилась ко мне голову, у нее были широкие плечи и радостные большие глаза. Она была любовью.

Возвращение

Анна Леонтьева

Он так и не понял, что произошло. Его вывели за территорию и заперли ворота. Он помнил, как лязгнул замок, но слов наряды вспомнить никак не мог. Это не сулило ничего хорошего. Оглянулся в поисках конвойного, но никого не нашел. Поймал слезящимися от ветра глазами ржавые ворота. Они расплывались, перетекая густым акварельным пятном в коричневый, затоптанный сотнями ног мартовский снег внизу и в буро-сиреневое утреннее небо — сверху. Снова лязг: из отворившегося окошка запах махорки и знакомый голос: «Что встал-то, гражданин поп? Обрати, что ль, захотел? Свободен, так топай давай отседа, пока не передумали и досрочное твоё не аннулировали. До станции, я чай, к вечеру дойдешь. А то свезет — подберет кто по пути, так ещё быстрее». Слов было много. Они уплывали куда-то мимо левого уха. Он поймал императив — *топай* — повернулся спиной к голосу и послушно потопал вперед, к жёлтой полоске у горизонта. Он и сам не знал, почему туда, а не направо — к лесоповалу, и не налево — в сугроб. Ноги повели, а может, Тот, заоблачный, которого он ещё любил.

Часа через два его подобрала попутка: лагерный завхоз ехал на станцию. Он и посадил в вагон, оформив все необходимые бумаги. «Домой ехай, слышь ты, домой. Всё. Понял, что ль? Молчишь? Ну, бог с тобой». Слова плавали в воздухе среди пылинок и запаха лука, нечистого белья и мазута, натыкались на него, толкали его то в бок, то в живот, то в спину. Он напрягся и поймал одно: «домой». Сел на лавку. Обнаружил в руках что-то мягкое. Оказалось, хлеб. Сунул в рот. Этот вкус он помнил отлично. Красивый мальчик в новом подряснике всегда отдавал ему свой кусок: привык только к белому. А он посыпал солью и уплетал за обе щеки. Ум отъешь! Как же его звали, этого мальчика? Пётр? Павел? Именины они справляли вместе — на Петров

день, было жарко, и отец Варфоломей благословил всех купаться. На воде плясали солнечные блики. Значит, Пётр?

Он открыл глаза. За окном проплывали по мутной белизне одинокие куриные лапки деревьев в снежных шапках. Мимо них ковылял к себе в келью отец Варфоломей, и вся эта белизна давила ему на плечи. Он знал, что у отца Варфоломея болит голова, и усилием воли забрал его боль себе: «Икота, икота, перейди на Федота...» А к мальчику, который отдавал хлеб, по воскресеньям приезжала девочка — Федота. Нет, не так, но как-то очень похоже. Девочка говорила «не тута, а здесь» и смеялась. Хорошо смеялась, не обидно. Она потом выросла и была рядом, и у них был мальчик, и, кажется, еще маленькая девочка. Он забывался, а когда открывал глаза, за окном светило яркое, неотвратимое, как меч Судии, солнце. Навстречу неслись огромные ели с твёрдыми, будто пририсованными гуашью снежными воротниками. До него донеслось «Урал!» И вместе с этим звуком он услышал вдруг стук колёс. Юродивый Иосиф, когда будил их к заутрене, стучал колотушкой. Этот Иосиф ещё что-то пел такое, по-русски, а не на своем непонятном.

Поезд стоял в небе. Или это было поле? Как понять, если линии горизонта не разглядеть? Посреди неба росло чёрное, будто прорисованное тушью дерево. На верхних ветках — несколько бурых, чудом уцелевших листьев. Он вдруг представил совершенно ясно, как рассыпается осенними листьями на холодном ветру его память, как кружатся вперемешку с мусором по земле обрывки той жизни, когда всё было понятно и на своём месте. Представил и подумал, что если удастся вспомнить слова той песни юродивого Иосифа, то жизнь эта вернётся и больше

никуда от него не уйдет. Стиснул зубы и зашевелил губами. И снова услышал стук колес в животе.

Когда он открыл глаза, поезд ехал медленно, почти беззвучно. На горизонте светилась жёлтая рассветная полоска. Она прерывалась бесформенной глыбой, которую издали можно было принять за руины античного храма. Он поднялся с лавки и, никем не замеченный, прыгнул из вагона в глубокий, с острыми льдинками снег. Он не чувствовал ни холода, ни боли. Он знал теперь, куда ему идти.

Берта Соломоновна шестой день наводила порядок во вверенном ей хозяйстве. Приспособить пустующие кельи под палаты дома инвалидов — идея хорошая, но одной идеи недостаточно, даже если она подкреплена тремя подписями и заверена

печатью. И даже если удалось собрать неплохой персонал, нужны же одежда, продовольствие. Где всё это взять? А тут еще этот, с деменцией, на её голову: ни имени, ни адреса. Где живёшь? — Тута. Вот тебе и весь сказ. И куда его погонишь такого?

За открытым окном надрывались зяблики. Новый пациент в рамках трудотерапии подметал двор и что-то бормотал себе под нос. Берта Соломоновна не сразу поняла, что пациент поет. Мотив показался ей знакомым: что-то из прошлой жизни, местечковое — совершенно невозможное здесь и тем более сейчас. А новенький пел всё громче, и метла задавала ему ритм. И квакали лягушки на пруду, и жужжал басом первый залетевший в окно шмель, и пахло черемухой и мокрой травой, и солнечные лучи за прикрытыми веками казались золотисто-розовыми. Он пел старый хасидский нигун: «Не боюсь никого и не верю никому — только Богу одному».

Выживший

Нелли Шульман

Над торосами простирался пурпур
полуночного неба. Хрустальные языки ледника
сползали с утесов, а на горизонте виднелись
тени подбирающихся к полынье медведей.

Эскимосы учили Вульфсона охотиться.
Когда Таян заносил над головой руку с
костяным гарпуном, Вульфсон пытался
повторить движения, но смуглое лицо
приятеля расплывалось в усмешке.

— Белые люди торопятся, — Таян цокал
языком, — а тюлень умное животное. Почувяв
твою спешку, он окажется быстрее. Ты должен
стоять тихо, пока тюлень не решит, что ты...

Затянувшись «Беломором», Вульфсон
смешливо сказал: «Торос».

— Торос, — согласился Таян, — поэтому
опускайся на колени и жди, Николай.

Превращаться в торос полагалось на
оленьей шкуре, которую Таян расстилал на
снегу в иглу. Отправляясь на остров Врангеля,
Вульфсон ожидал увидеть чумы, но эскимосы
строили жилища из ледяных блоков.
Кочевники часто навещали родню на востоке,
где тоже предпочитали иглу.

— Семенчук сказал бы, что граждане СССР
нарушают государственную границу, —
хмыкнул Вульфсон, — и превентивно
арестовал бы все стойбище.

Таян показал Вульфсону жестяные банки
из-под западных консервов. Эскимосы

никогда ничего не выбрасывали, путешествуя
со всяким, на первый взгляд, барахлом. Вещи
всегда использовались с умом.

Помешивая сытное рыбное варево,
бурлящее в одной из таких банок, Таян
заметил:

— Это старое, со времен, когда сюда
пришла канадская шхуна Стефансона.

Вульфсон отозвался: «Вроде бы никто из
ее экипажа не выжил?»

Таян отчего-то отвел глаза в сторону.

— Только одна женщина из наших людей.
Белые умерли от цинги или ушли на материк и
пропали. — Эскимос облизал ложку из
моржовой кости. — Доедай и продолжим
учиться, Николай.

Пошлепав губами, Вульфсон вынырнул из
забытья. Поднеся руку к виску, он нашупал
запекшуюся ссадину. Голова кружилась, но
сорокаградусный мороз сделал свое дело, и
смерть от кровотечения ему не грозила.
Вульфсону еще предстояло понять, где он
находится. Доктор плохо помнил случившееся
в нартах.

Попытавшись перевернуться, Вульфсон
застонал от боли, пронзившей левое колено,
но все-таки довершил задуманное. Острые
кристаллы льда кололи лицо. Снег не утолял
жажду, но Вульфсон упорно лизал
слежавшийся наст. Эскимосы учили его

растапливать снег. Таян объяснил Вульфсону, что иначе в тундре не напиться.

— Летом легче, — добавил эскимос, — а зимой всегда бери с собой спички и котелок, Николай.

Вульфсон отправился на выезд в нартах, но сейчас и спички, и котелок, и сухой спирт остались где-то в ледяном просторе острова. Доктор еще не мог поверить своей наивности.

— Я понимал, что Семенчук хочет от меня избавиться. — Он бессильно заплакал. — Гита просила меня не ездить, но больной есть больной.

Так называемый вызов из отдаленного стойбища застал врача врасплох. Жена Вульфсона свалилась с высокой температурой. Сначала доктор пытался отговориться тем, что в случае его отъезда на зимовке не останется ни одного врача, но Семенчук бесцеремонно заявил:

— Ерунда, товарищ Вульфсон. Ваша жена способна принимать больных, а вы следуйте долгу коммуниста.

Маленькие глаза начальника зимовки блеснули довольством. Расписавшись на бланке командировочного удостоверения, он добавил:

— Товарищ Старцев поможет вам с нартами. Ваша нация, — Семенчук со значением кашлянул, — не приспособлена к тяжелой работе, товарищ Вульфсон.

Доктор решил пропустить очередное оскорбление Семенчука мимо ушей.

— Я сообщил на материк о его беззакониях, — сказал Вульфсон жене. — Надеюсь, что его ждет тюрьма или расстрел.

Запретив эскимосам охоту, Семенчук обрек их на голодную смерть. Вульфсон понятия не имел, что за реляции начальник отправляет в Москву.

— Наверняка, победные, — он осмотрелся, — где нет ни слова о его самоуправстве.

Перед выездом Вульфсон нацарапал записочку жене, оставив ее в ящике рабочего стола. Он помнил торопливые строки.

«Всем, всем, всем. В случае моей гибели прошу винить в этом только начальника зимовки Семенчука...»

Вульфсон был уверен, что удар по голове он получил от Старцева, когда помощник Семенчука остановил нарты.

В неожиданно ясном небе кружились яркие огни арктических созвездий.

— Я посплю, — сказал себе Вульфсон, — я так устал, но потом я доберусь до зимовки.

Снег заскрипел, и Вульфсон вздрогнул. Чья-то рука коснулась его плеча. В темных глазах Таяна отражалось сияние неба. Поодаль маячили тени. Вульфсон насчитал три пары нарт.

— Мы привяжем тебя, — Таян наклонился, — и ты не упадешь. Не бойся, Николай, мы тебя не бросим.

Он обмотал веревку вокруг запястий Вульфсона. Распухший язык врача протолкнул в горло слова.

— Вы... — Вульфсон закашлялся. — Вы идете на зимовку?

Таян покачал головой в меховом капюшоне.

— Нет, Николай. Мы идем на восток. —
Эскимос протянул руку вперед. — Мы уходим
отсюда навсегда.

Вульфсон хотел закричать, но только что-
то заклекотал.

— Я не могу предать мою страну. — Он
вывернулся из веревки. — Я должен выжить и
вернуться в строй.

Постояв над корчащимся в врачом,
эскимос побрел к нартам, а Вульфсон пополз к
обрыву гранитных скал.

Голоса

Софья Коломийцева

— Суд удаляется для принятия решения.

Все встали, судья вышла и зал зашумел. Прокуроры тихо переговаривались, не выходя из-за стола. Выйти и покинуть зал значило оказаться в одном коридоре со множеством пришедших на последнее заседание. У тех было много вопросов.

Кто-то вышел, кто-то остался сидеть.

Она зашла в небольшую комнату позади зала судебных заседаний, села в кресло. Застежка, скреплявшая мантию у горла, никак не поддавалась. Приступ удушья усиливался. Перспектива задохнуться от собственной форменной одежды совершенно не радовала. Секретарь принесла кофе. Застежка поддалась.

— Окошко откройте, пожалуйста. Душновато. — Обращаться к девушке не хотелось, даже видеть ее, но никаких сил поднять себя из кресла не было. — Спасибо, можете идти, я позову.

Декабрьский воздух, все равно что московский, был свежим. За окнами шумно, десятки голосов. Не спасал шум машин, всегда заглушающий любые разговоры здесь, в центре города — отдельные слова долетали. Секретарь вышла, оставив ее одну.

Женщина закрыла глаза и попыталась отстраниться ото всех голосов разом: за окном, за дверью зала, внутри собственной головы. Эти двое что-то тявкали все реже и реже. Они давно были загнаны в дальние углы и сидели

там, покрываясь пылью, но сегодня почему-то вернулись к жизни и вели оживленную полемику.

— *А вот выйди сейчас и скажи «нет, отказать, прекратить процесс!»*

— *Ага, щас.*

— *Да ладно, можно же. Нужно даже.*

— *А больше тебе ничего не нужно?*

— *Ты галстучек-то застегни перед тем, как идти. Судья она, видеть ли.*

— *Судья, да, и получише некоторых!*

— *Что ж ты делаешь тогда, судья, а? Ты когда последний раз что-то реальное делала? Не стыдно, гражданочка?*

«Ишь разговорились... с чего бы?» Она открыла глаза и пожалела, что не попросила секретаря потушить свет в совещательной комнате.

— *Символично, не правда ли — глаза открыла и заболели сразу. Правда, что ли, заколола?*

— Ой, ну тебе бы только метафорами говорить. Лампочки плохие просто, жёсткие, свет плохой.

— Ну-ну. Лампочки.

Медленно потянулась к чашке кофе, оставленной на столе. Поймала ее ручку. Удивилась, что тяжелая. Конечно, налила полную... Да ещё с молоком. Пить будет, скорее всего, невозможно... Но надо попробовать. В горле стоял комок. Поднесла чашку ко рту. Собиралась сделать глоток...

В дверь постучали. Дернулась. Забыв о чашке в руке, повернула к себе запястье. На часы взглянуть не удалось: кофе, ещё горячий, выплеснулся на мантию.

«Да твою ж!» Она отставила чашку и посмотрела на дверь, в которую просунулась голова секретаря.

— Звали, продолжаем?

Она не звала. Но действительно нужно продолжать.

— Десять минут, зови всех.

— Это тебе карма такая!

— Метафоры...

— А это не метафора. В «Ведах» же написано, что делаешь добро — пожинаешь добро, делаешь зло — ...

— Да заткнись ты, индуст.

Она встала и пошла к зеркалу. Ничего, даже не сильно видны следы от кофе. Взяла со стола папку, пошла к двери. Секретарь уже там.

Народу в зале было мало, но, наверное, если приглядеться, можно было бы увидеть висящую в воздухе ненависть. Она не хотела приглядываться.

— Ты же можешь по совести! — взвизгнул последний раз один из голосов.

Она с силой тряхнула головой, голос укатился в дальний угол. Открыла папку.

— Решением такого-то суда... судья-такая-то... принимая во внимание... признать обоснованным... отказать... оставить без изменения... вступившим в законную силу... — пробубнила она написанное не ей, а кем-то выше.

По малочисленному залу прокатился вздох, застучали коготки по экранам телефонов.

— Смотри, и даже никакого «судью на мыло»! — ехидно проговорил Разум.

Совість молчала. 28 декабря 2021 она замолчала насовсем. Разум тоже вскоре умолк.

Золушка в темноте

Анастасия Калегина

Чёрт! Вот здесь, сейчас остановите! Лина схватила рюкзак и прыгнула в темноту. Маршрутка исчезла за углом, а Лина посмотрела в другую сторону. Вдалеке наискосок моргала красными глазками телевышка. Надо было выйти раньше, там.

Приложение такси как всегда тупило. Надо же! Последний раз она была здесь лет десять назад, когда они с дедом ходили на горку. Той зимой завод был полон света и шума, а теперь — лишь чёрные окна с огрызками стёкол. Из-за угла слышались хриплые голоса. Нет, здесь такси можно и не дожидаться. К тому же, идти не так уж далеко, и она почти наверняка помнила дорогу. Минут через десять будут уже дворы. Лина пошла к телевышке. Хорошо, что мама сегодня в ночь, а смс «я спать, люблю тебя!» Лина отправила ещё с танцев.

С каждым шагом голоса становились тише, пока совсем не смолкли. Лина убеждала себя, что здесь никого нет, но было в этой тишине и что-то хищное, выжидающее. Звук собственных шагов казался Лине слишком громким. Вдруг за ним она не расслышит чего-то ещё? Впереди была замороженная стройка. На таких обычно обнаруживают трупы, если местные бомжи догадаются вызвать ментов. Лина представила своё фото в оранжевой рамке Liza Alert, ускорила, вжав голову в плечи.

Девчонки с танцев её бы сейчас не узнали: каких-то два часа назад Лина выплясывала в новых красных стрипах на высоченных клиньях-каблуках. Маме такие не покажешь. Лина могла бы спокойно ходить в студию танцев напротив дома, там хорошая секция

стрип-пластики, но мама работает в том же здании...

Красные глазки телевышки заморгали чуть ближе. Лина повернула налево, к гаражам. Пройти их, и начнутся дворы. Возле гаражей земля была то ли в буграх, то ли на ней валялись какие-то мешки. Лина не стала разглядывать. Вдруг краем глаза она увидела, как один из бугров зашевелился, приподнялся и сложился в четвероногий силуэт. Хоть бы показалось. Лина ускорила шаг. Лохматый силуэт почти бесшумно двигался параллельно ей. Лина сжала в кармане ключи, старалась смотреть только перед собой.

Огромная собака обогнала Лину и, глядя на неё, встала посреди дороги. Лина застыла, в мыслях было только: «Может, не злая?» Собака оскалилась, зарычала. Лина вздрогнула, будто её ударило током, попятилась, чтобы не поворачиваться к зверю спиной. Спина уперлась в холодную дверь гаража. Со всех сторон Лину окружил мерный, прокусывающий тишину стук когтей о продрогший асфальт. Сжав дыхание, Лина огляделась. Тут их целая стая! Одеревеневшие ноги подкосились. Сердце билось на весь район. Чёрные тени рычали. Закусив губу, чтобы не заорать, Лина сделала шаг в сторону. Резко — боль. Где-то в районе ахилла. Она не представляла, насколько сильные челюсти у собаки. «Сапог не прокусила, но дальше будет хуже», — пронеслось в голове. Лина сделала ещё шаг, ещё. Зацепилась краем куртки за облезлую дверную петлю. Зацепить. Отвлечь. Она расстегнула рюкзак и швырнула чудовищам скомканные танцевальные шорты. Собаки бросились на них, и Лина, увидев узкую тропинку между гаражей, быстро свернула туда.

— Суки! Отстреливать вас надо!

Собак она боялась больше всего на свете.

Из гаражей пахло перегаром, сыростью и жареной картошкой. Кто-то включил «Аттестат в крови» и хрипло подпевал. Лина зажгла фонарик на телефоне. Телефон моргнул на прощание и почернел. Лай собак всё ещё звенел в ушах. Трясущиеся ноги несли Лину вперед, подальше от чудовищ.

— Эээ, посиди со мной, — донеслось сзади. Лина молча зашагала быстрее.

— Чё, оглохла?

Он подползал: Лина чувствовала.

«А если побегу? Заору? Чёрт, почему не могу?»

Она не оборачивалась.

Она не хотела слышать шаги за спиной.

Она их слышала.

Ближе.

Ближе.

Ближе.

Тяжелая рука упала ей на плечо, схватила и поволокла в чёрную дыру за гаражом. Лина стала беспомощной и покорной, как муха, в которую паук уже впрыснул яд. На неё будто навалилась гора и прижала к стене. В щёку впились ошметки старой краски. Лина боялась

поднять глаза. Она видела только засаленные карманы куртки и ботинки на липучках. Рука стащила с неё капюшон. Что-то мерзкое и влажное коснулось шеи. Лину затрясло.

— Отпустите, пожалуйста!

— Заорёшь — убью. — Он приставил ей нож к горлу. Просунул руку под куртку, стал растёгивать джинсы. Лина выпятила живот, чтобы пуговица поддавалась как можно медленнее. Не помогло. Она почувствовала его шершавые пальцы между ног. Что же делать? Что же делать? Его рука была уже у неё в трусах. Всё, чем она была, — тело, разум, душа и неизвестно, что ещё, — как будто взбунтовалось одновременно.

Лина сжала его руку ногами. Так она на танцах сжимала шест. Изо всех сил, чтобы не соскользнуть. Он дернулся, попытался освободить руку, Лина потеряла равновесие и, падая, потянула его за собой. Стук. Вскрик. Её горло больше не чувствовало нож. Есть секунда! Лина выхватила из рюкзака туфлю-стрип и с размаху воткнула каблук в его щёку. Он заорал. Лина вскочила и бросилась прочь. Она слышала, как он бежит следом.

— Ты попала, сука!

Даже пьяный, он был быстрее. Куда бежать? Кто поможет? Кругом — ни одного человека. Человека... Лина метнулась к тропинке, по которой пришла. Собаки, громко лая, неслись ей навстречу. Она бежала вперёд, крепко сжимая в руке туфлю. Ну всё, плевать. Не тяните, зубастые. Она решительно посмотрела на рычащих чудовищ, показала зубы. Пусть лучше они сожрут. Внезапно собаки умолкли, обнюхали её и дали пройти. Он так и не вышел из-за гаражей. Дворы были уже близко.

Дома Лина не стала включать свет и тихо пошла в свою комнату. Стрипы, как обычно, сунула под кровать.

Мамин яр

Анна Чайка

«Нам с мамой повезло. Мы были в третьей очереди. Уже темнело — торопились. Да и, наверное, им было не так удобно ходить по нам, как по первой очереди. Там кое-где еще была земля, и только один слой людей — людей из первой очереди. А сейчас первые, вторые и мы, третьи. Как это — ходить так, по людям? Как по топи. Где-то провалишься, да и люди все разные: высокие, толстые, мальши и старушки — штык промахивается. И непонятно, а вдруг ты опять тех, из первой очереди достал.

Нога застряла, тянет и сводит. У меня плоскостопие, как у папы. Чуть вытянешь ногу — сразу сводит. И повернуться нельзя, только начали песком присыпать — могут заметить. Буду терпеть. Песок, собаки — слышно плохо. И людей не слышно. Тут так глухо, вокруг-то тоже люди. Дышишь в людей, думаешь в людей, не видишь в людей. Все горячие, без одежды и так рядом-рядом.

Рядом, справа — мама. Лица я не вижу — она немного справа-сверху. Волосы — тёмные, даже не растрепались, обычная мамина причёска, снизу мне видно правое мамино ухо с растянутой дыркой. Она вдруг такая вытянутая, когда пустая, без сережек. Сзади полоска-перешеек на шее, как на контурной моей карте. Правое плечо порвано штыком. Было ли маме больно? А сейчас еще песок туда, в рану. На секунду мне даже кажется, что я вижу мясо, кость. Наверное, только кажется. Сложно, когда ты столько голых людей за день видел, как будто отменили правила — все разделись. Сложно и стыдно смотреть в лица, когда люди голые.

Мамина спина. И всё. Низа мамы нет, посмотреть туда я не могу. Но знаю, что нет и

что мама не дышит. Вот, сосед рядом, дед такой, живот большой, волосы везде, кроме головы, он рядом со мной летел-орал, дышал. До штыка. А мама сразу не дышала.

Гул, собаки, их крики-слова. Сейчас полетят люди. Смотреть не буду — мама так придумала.

Мы вышли из дома в семь десять. Мама не любит опаздывать. Наш дом на Подоле, а идти нужно было наверх, в город. Мы складывались с вечера. Мама совсем не понимала, что нужно брать с собой. А папы рядом не было, он на фронте. Мама сложила мои и свои вещи, теплые и много белья: трусы, носки. Что-то еще из драгоценностей — не знаю, что, не разбираюсь в этих побрякушках. И мы пошли. Отовсюду шли люди. Несли разное: шубы, подушки, книжки, чемоданы, дети — игрушки. Людей становилось больше и больше, и свои, с Подола, все растерялись по пути. «Переезд, гетто, железная дорога», — говорили всякое. Мама сказала: давай считать людей. И мы стали считать, по-настоящему, с умножением. — Сколько впереди нас рядов? — Около двадцати. — По сколько человек? — Мам, я не знаю. По-разному. — Давай по-разному. Если по восемь, сколько впереди нас? — Сто шестьдесят. — Так. А если по десять? Мы считали. Кучу вариантов.

Когда вышли из города, мы сбились. Перестали считать — мы почти не слышали друг друга. Люди кричали, спрашивали, их крики-слова, форма их и их собаки. Вещи у нас забрали. И одежду забрали. Я перестал видеть поле, город, небо, всё было голое. Я старался не смотреть, но не мог не смотреть. Еще сзади, прямо за нами, прилипла какая-то большая, вся немножко вниз — она тоже ведь была без

одежды — тетя. С маленькой девочкой. «Соня, смотри — там уже лес. А весной в лесу зацветут подснежники, медуницы...»

Мама держала меня за руку, я и на нее старался не смотреть. «...пролеска, крокус, белоцветник...» Я вообще не дерусь никогда — но тут так мне хотелось её треснуть. Правой рукой, со всей силы, куда попаду. Но руку держала мама.

Я спешил, заглядывал за голые головы и плечи. Было жарко и дымно от голости вокруг, и очень громко. Толпа немного качалась — её то били, то подгоняли, то придерживали.

Мама вдруг ухнула и резко встала за меня. Одна рука, правая, закрыла мне глаза, а вторая, левая, держала — липкой за липкое мое плечо. Я дернулся, но мама держала крепко и тихо что-то мне рассказывала, повторяя: «Марик, Марик». Больше я ничего не видел.

Кажется, все люди прилетели.

Стало тихо. И все повторилось с четвертой очередью в точности: крик, выстрелы, люди летят, падают, крик, ходят по всем нам, штыки, выстрелы, песок и тишина. И собаки, все время лают собаки — им, кажется, совсем страшно. Больше всех. Песка стало очень много, он везде, трудно дышать. Когда люди полетели, на меня больно упал человек. Голове трудно. На голову упал жестким — коленкой, локтем, своей головой. Люди, когда летят и падают, тяжелее, чем когда они просто идут и живут. Теперь я совсем не вижу маму. Вокруг голое, черное-липкое и песок.

Тихо. Жарко. Много всех. Плотно много. До мамы не дотянуться. Придётся так оставаться тут, просто рядом. Мама сильно

меня толкнула — «не шевелись там» — я полетел. Еще до выстрелов. А теперь все, лежу — не шевелюсь. Тихо и тепло. Если восемь, то сто шестьдесят, если десять, то двести, если двадцать, то четыреста.

Они ушли, собаки ушли. Прилетела птица. Маленькая, наверху где-то уселась. И так громко трещит, трещит. Зовёт-трещит. Нет, птица, я тут, с мамой. Мы же не на Подоле, гоняться за тобой. Да и песок, люди, я — в третьей очереди.

Трещи-трещи. Гуди-гуди. Мама, ты слышишь? Помнишь, ты мне говорила: «Марик, послушай, самолёты их? С твоим-то слухом». Мама, самолёт. Их самолёт. Чёрт, прости, мама, самолёт — это уже нельзя. Бомбить нас будет? Нас и их всех, и маму. Они и так не дышат. Как бомбить тех, кто не дышит. Я не хочу. Мама, мама, я убегу. Песок, человек, песок, песок, отпустило ногу. Распрямил ногу, наверх, наверх. Улетай, самолёт. Или наоборот, подожди, я выйду — и давай меня. Их-то не надо. Вот, я побегу. Догоняй. Я — в лес. Я там тебя буду ждать. Меня бомби! Догоняй».

Внуки мои говорят, как их научили родители, мои дети: «Не надо об этом! Дедушка не любит вспоминать». Наверное, да, я — дедушка, я не люблю вспоминать. Но ведь вспоминать можно то, что видел, то, что прошло. А я как шёл той дорогой с мамой — так и иду. Ладонь её на моих глазах, спину маятником из стороны в сторону задевает мамина грудь — я стараюсь незаметно выгнуть спину. Мне неудобно. Я — взрослый. Я хочу уже прийти, куда бы мы ни шли. А мама — наоборот, незаметно приобнимает меня: «Марик, ты не торопись. Скоро уже придём». Так и идём. Мама замедляет шаг, а я — тороплюсь. Мама идет медленно, а я — быстро, я хочу прийти.

Место силы

Екатерина Каграманова

Ехали на юбилей к дядь Коле. Это был родной дядя с отцовской стороны, и никакой ссоры между братьями в прошлом вроде бы не случилось, но виделись они редко, на Майкиной памяти — вообще никогда.

Как-то так повелось и казалось само собой разумеющимся, что мамина родня была рядом, и Майка всё про всех знала через маму, и про самую Майку тоже много чего знали — иногда, пожалуй, даже чересчур много. В дни рождения накатывала шумная волна гостей с той стороны, а с отцовской не было никого. Деда с бабушкой не стало еще до Майкиного рождения, а дядь Коля, как гласила легенда, жил себе в Краснодаре, больше сведений о нем никаких не было. И вот, смотрите, позвал на юбилей — пятьдесят лет, полвека. Вспомнил.

Родители собирались долго и напряженно. Решали, что надеть, что дарить. Майка, одуревшая от бесконечной зубрежки, недосыпа и страшного «если не поступлю», участия в сборах и обсуждениях не принимала. Она сперва и ехать не собиралась, но отец развыступался в своей манере: «Важное семейное мероприятие, что за эгоизм...», мама стала суетиться, волноваться. Ради мамы и согласилась. Торжество назначили на седьмое мая, день этот уверенно стоял в красной линейке праздников, так что, в общем, ничего страшного, учёба не должна была пострадать.

Выехали на машине рано утром. Майка сидела сзади, тупо пялясь в телефон. Абзацы жизненно необходимого «Тихого Дона» бестолково бились в её сознание и отлетали, рассыпаясь на кучки бесполезных слов.

— Ну что ты уткнулась в этот телефон? Оторвись ты от него, вон вокруг тебя реальная

жизнь, красота какая! Сидят в сетях своих...

Она подняла взгляд, наткнулась в зеркале на недовольное отцовское лицо. Мама как всегда попыталась сгладить:

— Майечка, ну правда, посмотри, как красиво.

Майка, с трудом усмирив раздражение, сунула телефон в сумку, демонстративно уставилась в окно. Ну что, что там такого, чего она не видела?! Да, весна. Да, зелень. Поля. Коровки пасутся. Ещё что?

И вдруг вспыхнуло впереди, засияло золотом — огромное, почти бескрайнее.

— Что это? — Майка обалдела.

Мама обернулась с улыбкой.

— Это рапс цветёт. Рапсовое поле.

Майка отдаленно вспомнила: да, есть же вроде какое-то рапсовое масло. Но это было неважно.

— Давайте остановимся? Пап, давайте?

Отец молча глянул в зеркало и отвел хмурые глаза, делая вид, что не слышит. Это значило «нет», и Майка хорошо знала, что просить дальше — себе дороже. Знала и не просила никогда, привыкла, а сейчас не

выдержала. Золотое это поле ударило ее в самое сердце, и просто проехать мимо, сделав вид, что ничего не случилось, было невозможно.

— Ну почему? Почему никогда ничего нельзя? Что здесь такого, если просто на минуту?!

Слезы вспыхнули, вырвались наружу, пробились в голосе. И мама не выдержала:

— Саш, ну правда, если на минуточку...

Отец по-прежнему ничего не отвечал, но машина замедлила ход, выруливая на обочину.

— Идите. Только быстро.

Мама предложила:

— Давай я тебя сфотографирую?

— Что? Нет, ничего не надо. Я сама, я посмотреть просто.

Мама осталась в машине, а Майка осторожно, бочком спустилась с дороги. Две вещи поразили её. Первая: цветочки были совсем простенькие, по отдельности сорняки, да и только — как они могли слиться в такое? И вторая: рапс оказался неожиданно высоким, мелкой Майке по плечи.

С десяток неуверенных шагов — и она оказалась посреди этой невероятной жёлтой глади. Если лечь, стебли сомкнутся над головой, укроют, спрячут, и можно будет не думать ни о чем, ни о чем... Густой душистый ветер тихонько гулял по полю, шевелил цветы, и не было никаких сомнений, что в них бьется, волнуется та же самая жизнь, что и в самой Майке. Она глубоко вдохнула, выдохнула. Облака разошлись, выпуская солнце. Поле будто загорелось, засияло ещё ярче. Светлой Майкиной макушки коснулось ласковое тепло.

Майка глянула вверх и замерла. Там сияло среди облачной белизны синее, чистое, высокое-высокое, и плыла, распахнув крылья, какая-то большая птица. А внизу, запрокинув голову, стояла она сама, королева рапсового поля. Закрыла глаза, вскинула руки — золотой свет мягко струился сквозь веки, входил в Майку, наполняя и успокаивая: «Всё будет, всё-всё будет...»

Море

Татьяна Ангреева

После первого класса за буйство, двойки и мамкины слезы Сашку сослали к прабабке в гиблое место. Вымершая деревня, избы разной степени разложения, иных и вовсе нет, их могилы заросли крапивой, лопухами, поминальными факелами иван-чая.

Кроме прабабки, ни одного самого завалившего взрослого, не говоря уж о пацанах. Бабка ведьма ведьмой: скрюченная, чуть выше Сашки, вся в черном, только и видно мелкое печеное личико и коричневые кривые пальцы. Молчит, как неживая, смотрит мимо.

Сашка заскучал, собрал манатки, стырил у бабки хлеба и еще до обеда пустился в бега. Лучше пусть дома выпорют, не привыкать.

Тропинка шла через перелесок, потом по полю вниз, к ручью, спрятанному в кустах, от него поднималась вверх. Обдумывая, не срезать наискосок ли через поле, он глянул вперед и остолбенел. Замер, поморгал — оно не исчезло. «Откуда оно здесь? А чё никто не сказал?»

От кустов до самого горизонта синело море. Настоящее море с волнами. Ветер гнал над ним облака, их тени плыли, как стая огромных китов. До этого Сашка видел море только на картинках. Он рванул вниз по полю, навернулся, уронил сумку, бежал под стук в ушах, трава стегала по ногам.

Почувствовал подвох, когда с разбегу перелетел ручей рядом со сгнившими серыми мостками. Море исчезло. Оно распалось на тысячу отдельных растений, под голубыми волнами видна была зеленая восковая

подкладка. По краю росли отдельные низкие стебли льна вперемешку с васильками, а дальше поле, поле до горизонта.

Саша, как подрезанный, плюхнулся на берег поля, в низкую сухую траву. Он держал в себе слёзы, пока в руку не впилась колючка. Только тогда заплакал. Ревел долго, как маленький, пока слезы из горьких не стали сладкими.

Встал, все еще прерывисто вдыхая, подобрал рыхлый березовый сук, побрел вглубь поля, махал суком сначала вяло, нехотя, но начал злиться на гибкие ускользающие стебли и бил уже наотмашь, сражался с азартом, представлял себя безжалостным пиратом, а когда палка сломалась — пиратским кораблем. Менял галсы, раскинув руки, под ладонями влажно струились волны. Подставлял ветру лицо на просушку, улыбался облакам, щурился солнцу, бороздил просторы, наконец затонул, и долго-долго следил со дна за проплывающими над ним белыми китами, осьминогами и дельфинами.

Повернул голову и заметил среди бледно-зеленых водорослей синий кристалл. Сашка знал, что это василёк. У берега их много, и они скучные. Здесь, на глубине, васильки попадались редко, как драгоценные камни. Сашка выискивал их, нырял, задерживая дыхание, и вытащил целых девять — крупных, с сине-фиолетовыми гранями.

Лег на дно, прижал их к себе и превратился в сундук с сокровищами. Над ним рябили волны, подрагивало сквозь них солнце, где-то высоко метались чайки, торговцы бились с пиратами, шторм сменялся штилем,

море выталкивало острова и забирало обратно, менялись течения, рассыпались царства, дворцы зарастали лопухом и иван-чаем, а волны качали всех без разбора: и правых, и виноватых, и двоечников, и отличниц, и он лежал на дне тысячу лет, пока не проснулся от того, что хочет пить и писать.

Пошел обратно, попил воды из ручья и хозяйским глазом прикинул, где лучше сделать запруду. Отыскал нагретую солнцем сумку, начерно заглянул в заброшенный дом на краю деревни, втянул манящий запах гнилого

дерева и лежалого сена, заметил рядом куст черной смородины, а за ним яблоню, но не полез через крапиву — успеется.

Бабка стояла у калитки. Тут только он понял, что несёт букет васильков, как девчонка, и от смущения протянул его бабке. Та постояла неподвижно, потом тщательно вытерла руки о блеклый передник, взяла цветы, поднесла к острому носу и посмотрела на Сашку. Сашка тоже посмотрел на бабу. Глаза у нее были под цвет василькам.

На реке

Ирина Виноградова

Если старая полковая лошадь, услышав звук трубы, бессознательно готовится к привычному галопу, то я, почувствовав весну, совершенно осознанно готовлюсь к встрече с рекой. В то время, когда женщины оголяют коленки и кокетливо расстегивают верхние пуговицы пальто, я кутаюсь в шарф, хожу в ботинках на толстой подошве, и пока термометр не перескакивает отметку плюс пятнадцать, ношу вязаную шапочку. Я боюсь заболеть. Заболеть значит получить нагрузку на горло. А горло у меня — рабочий инструмент. Так и хожу капуста-капустой. Быть «голосом теплохода» та еще работа.

Как только четырехпалубник отходит от берега речного вокзала, начинается настоящая жизнь. Обнимает влажным дыханием ветер, под его напором втягивается второй подбородок, подбирается живот, расправляются плечи. Впитывая крохотные частицы воды, истеричные кудряшки развиваются, становясь густыми, спокойными волнами. Бьется, обнимая коленки, юбка. Мимо праздных отдыхающих, мимо суровых матросов в сторону радиорубки величественно плывет Ее Величество Методист Теплохода.

«Здравствуйте, дорогие друзья! Наша команда рада приветствовать вас на борту...» Голос наполняет динамики, переливается через край, растекается по палубам и каютам, выплескивается за борт и навсегда растворяется в ленивой волжской воде.

...Над рекой повис вечер. Теплоход режет воду, как масло. На правый берег налип маленький городок. Он настороженно изучает нас окнами домов. С шлюпочной палубы смотришь на набережную, как с балкона. Доносятся обрывки разговора, детские визги.

Вдоль набережной — дорожка с пунктиром рассыпанных лавочек. По дорожке неторопливо прогуливается пожилая пара. Пробежала по откосу кошка, испугала воробьев. Из магазина вышла женщина с сумками, наверное, забегала после работы. Сейчас придет домой, будет ужин готовить; наверное, телевизор включит. Интересно, что у нее на ужин? А какие занавесочки на кухне? А окна куда выходят? На Волгу? А если есть балкон, то можно пить чай и смотреть на теплоходы. А может, она и смотрит, может, и меня видела когда-нибудь. Смешно... На берегу статный мужчина хлопнул дверцей большой черной машины. Его горделивая осанка обратила на себя внимание дамы с третьего этажа. Точно с третьего? Первый, второй... нет, с четвертого. Белье вешает. Ух, какая калорийная! Как сдобная булочка!

С палубы сухопутная жизнь кажется манящей и таинственной. Кем работает та девушка в пестром коротком платье? Сколько лет вместе эти симпатичные старички? Чем стирала белье плотная тетка, тянущаяся всеми округлостями к натянутым на вешалах веревкам? «Са-шаааааа, купи хлебаааа!» — выскочило из какого-то окна. Где ты, Саша? Почему не отзываешься? Волнуюсь вместе с женщиной. Целый час, пока отдыхающие ужинают, я могу философствовать и наблюдать.

Городок постепенно сошел на нет — хвастливо показал новенькую девятиэтажку на окраине и замелькал лодочными гаражами. Солнце нырнуло за полосу леса, и река подернулась белым паром, словно невидимый бариста щедро влил в воду теплого молока. Кончился ужин, и я опять беру микрофон. Пора приглашать туристов на вечерние развлечения.

У каждого рейса своя душа. Вот на прошлом ей был музыкант-виртуоз, случайно оказавшийся в группе артистов; а на этом — штатник-баянист Валентин, выпивоха и бабник. Душой рейса может стать и пассажир, был бы огонь в глазах и выразительное тело. Почему тело? Потому что не меняются теплоходные привычки, и вечером взрослых людей тянет на дискотеку. Эх, раззудись, плечо, размахнись, рука! Эх, бедро вправо, бедро влево! Идет по Волге теплоход, мигает разноцветными огнями, а за ним шлейфом: «Все для тебя, рассветы и туманы, для тебя

моря и океаны...» И никуда ты от этого не денешься! Ну хочется нашим туристкам всю свою душу настрадавшуюся, молодую и трепетную, показать! А тут вроде как и придуриваешься, и в то же время трагично.

Утром все сначала. Бодрая музыка, пожелание хорошего дня, приглашение на зарядку, веселые песенки, путевая информация. Похожие дни, а не скучно. Не как дома. Из-за течения, что ли...

Наташин Колобок

Николай Золотов

Маленькая Наташа жила в сказке. Там было душно. Имелся угловатый прудик, из которого она пила водичку, а вот съедобных трав или деревьев с плодами не росло.

Однажды, встав рано, Наташа ощутила голод. Хорошо, что из куста выкатился кусочек теста.

— Ой, хлебушек... я тебя съем! — сказала Наташа и бросилась к нему.

— Я Колобок, — сказал Колобок.

— Колобок, извини, но я тебя съем! Так есть хочется ... — сказала Наташа и потянулась к нему.

— Я чёрствый, — сказал Колобок, — и ты не сможешь меня разгрызть, тем более у тебя зубы выпадают... Вон там — валяется один с кровью... А ещё я от дедушки и бабушки ушёл, от тебя и подавно уйду...

— Колобок! — закричала Наташа. — Я не буду тебя есть, только проводи меня к дедушке и бабушке. Я так давно их не видела...

— Я тебе покажу, где они живут, но сам к ним не пойду, это опасно, — сказал Колобок, — Я не хочу умирать...

— Я тебя понимаю, — сказала Наташа. — Проводи меня к ним...

Они пошли по тропинке между шуршащих листвой деревьев. Наташа не знала, куда Колобок её ведёт. Она видела, что вокруг — высокие плоские горы, упирающиеся в небо, всегда затянутое белым угловатым облаком, посередине которого недвижно ветвилась тонкая чёрная молния. По склонам гор росли чудесные цветы: алые и синие, они чередовались, образуя узор. У каждого один бутон смотрел вверх — к небу, а другой — вниз. На цветах сидели мухи и смотрели на Наташу, потирая лапки.

Они шли, пока не встретили Зайца. Заяц напоминал Наташе мамину шапку. У него торчал мех из-под кожи, и выглядел он не очень.

— Колобок, я тебя съем! — сказал Заяц, увидев их. — Извини, но я голоден и Наташа тоже.

— Я от всех ушёл... да и вообще я чёрствый...

— Нужен ножик, — сказал Заяц. — Мы тебя разрежем, а внутри ты мягкий. Наташа, у тебя есть ножик?

— Нет, — сказала Наташа. — В этой сказке нет ножика.

— Тогда я умру от голода, — сказал Заяц.

— Ты просто притворяешься! — сказала Наташа. — И сможешь прожить ещё много дней без еды... Ты просто нытик, вот ты кто.

Больше не вожусь с тобой! Брошу тебя здесь, и делай что хочешь.

Они пошли дальше и на этот раз встретили Волка. Он напоминал мамино старое пальто. У него сзади была большая дырка с обожжёнными краями.

— Колобок, — сказал Волк, — я тебя съём! Я пухну от голода! Скоро стану сам, как Колобок...

— Во-первых, я чёрствый, во-вторых, я ушёл от дедушки и бабушки и выжил, — сказал Колобок.

— Знаю, — сказал Волк. — Но если тебя бросить вон с того квадратного камня, ты разобьёшься, а внутри ты мягкий...

— Не трогай Колобка! — закричала Наташа.

Но Волк залез на камень и стал бросать Колобка вниз. Наташа еле поймала.

— Не бросай его! Он хороший, — закричала она.

— Признайся, Наташа, — сказал Волк, — ты сама безумно хочешь его съесть. Или его сожрут вон те чёрные мухи. Нет, уж лучше сама.

Мухи и правда смотрели сотнями чёрных глаз на Колобка и Наташу.

— Ты просто нытик, Волк! Ты сейчас скажешь, что умрёшь от голода, но ты не умрёшь... Ты просто притворяешься. Я тебя бросаю! Подумай о своём поведении!

Волк заплакал, думая, что он умрёт. Но Наташа и Колобок не поверили ему и пошли дальше.

Навстречу им — Медведь. Этот уже ревел заранее. Огромные слёзы текли из его глаз и устилали дорожку, подобно полиэтиленовым пакетам.

— Я умру! Умру от голода! — рыдал Медведь. — Выпустите меня из сказки! Выпустите меня, пожалуйста!

Он кричал так, что квадратные горы тряслись. И даже Наташа с Колобком поверили ему и заплакали. Они так громко ревели, что спугнули черных мух. Те летали над небом и тревожно жужжали. Даже горы словно зарыдали. Где-то далеко забухал гром.

— Хватит! Чего вы раскисли, рёвы-коровы! Я тоже хочу есть, но я держу себя в руках, — сказала твёрдым голосом Наташа.

Медведь не унимался:

— Ты строишь из себя такую храбрую... А что дальше? Водичка у тебя в прудике есть, а вот хлебушек... Возьмём Колобка, бросим в воду. Он размякнет, мы его съедим...

Медведь схватил Колобка и бросил в воду. Колобок стал захлёбываться. Наташа спасла его, стала сушить, а Медведя и след простыл.

— Мне так одиноко, — сказал Колобок. — Они все хотят меня сожрать. Им нужно, чтобы я умер. Ведь ты придёшь на мои похороны? Я буду лежать в гробике такой белый, такой холодный... Кто, кроме этих мух, будет у меня на могилке? Кто-нибудь сплетёт мне венки из одуванчиков, как делает твоя мама?

— Не говори глупости, — сказала Наташа.

— Признайся, — плакал Колобок, — ты сама хочешь меня съесть. Мне так плохо, так одиноко... Но у меня есть ты... Ты мне друг?

— Конечно, Колобок. Я не дам тебя в обиду. Попей водички, тебе станет лучше, —

сказала Наташа.

— Ах...— сказала Наташа и упала.

Колобок хлебнул воды из прудика и взбодрился.

Рапорт участкового полиции В. С. Михайлова:

— Прости, Колобок, — утешала его Наташа, — но что мне делать, если я так голодна? Если я упаду, то эти огромные мухи подлетят и сядут мне на тело, на руки, на ноги, на голову. А у меня красивые волосы. Мама всегда мне так говорила. Они будут ползать по моему лицу, по голове и испортят всю причёску.

«В ночь с 3 по 4 июля с.г. сотрудниками полиции и МЧС вскрыта дверь в квартиру № 4 по адресу... Соседи неоднократно слышали детские крики и плач. Внешний осмотр показал, что квартира сильно захламлена. В грудях мусора и одежды мною и сотрудником МЧС И.И. Пантелеевой обнаружена девочка пяти-шести лет. Девочка крайне истощена, не говорит, мычит. Вероятно, всё время нахождения в квартире пила воду из ванны, почти не имела доступа к продуктам питания. Мать девочки, согласно показаниям соседей, вела асоциальный образ жизни, злоупотребляла алкоголем, уехала за город, бросив ребёнка одного. Принимаем меры к розыску и привлечению к ответственности. Девочка передана на воспитание дедушке и бабушке. Участковый полиции В.С. Михайлов».

— Я не хочу этого, — сказал Колобок. — Если нужно, съешь меня...

Наташа укусила Колобка, но он и вправду оказался чёрствым. Она сломала зуб, выплюнула его и увидела на нём кровь.

Писательский марафон «Выйди из комнаты». Шорт-лист

В мае 2023 года мы провели писательский марафон «Выйди из комнаты», в котором предложили участникам совместить творческую работу и прогулки. Тексты, попавшие в шорт-лист марафона, мы собрали в специальную подборку.

Анастасия Белова. Обег в ашраме

Ашрам расположился на самом краю обрыва, и там, где по всем правилам должно быть ограждение, тянулась лишь неровная, подёрнутая молодой травой кромка среза. Там, далеко внизу, ворчали и горбились пенные барханы беспокойного в это время года океана. Они то вздымались, набухая и пучась, как тесто под вафельным полотенцем, то опадали, оставляя за собой шипящее кружево пузырей. Шипение и бурчание это здесь, наверху, подхватывали невидимые, но слышимые отовсюду, птицы, об облике которых можно было только догадываться. Они встраивались в монотонное соло волн, разбавляя его причудливым свистом и гуканьем.

Гуру Вайянг, заложив руки за спину, мерял шагами внутренний дворик ашрама, то и дело поддевая носками сандалий жёлто-белые цветки франжипани. Один такой пахучий вертолётчик он, привстав на цыпочки, заложил мне за ухо.

-- Священный цветок, любят боги его, -- нараспев произнёс гуру Вайянг и ткнул

пальцем в невысокое дерево, всеми ветками вытянувшееся в сторону океана. Казалось, еще немного, и тонкий, но сильный ствол его вырвется из земли и, роняя со спутанных корней влажные комки дёрна, поплывёт по густому тёплому воздуху к ворчащей внизу воде, оставив позади душистый ковёр из своих нежных цветков.

-- Пойдём, будем обед. -- Гуру Вайянг легонько подтолкнул меня к входу в столовую. В помещении, напоминавшем беседку, на полу сидели люди, а всё пространство было залито охрой торчащего уже почти что в середине неба солнечного диска -- белого, как рис, который они с аппетитом ели. Гуру Вайянг легко опустился на пол и хлопнул рядом с собой, приглашая меня присоединиться.

— Ешь!

Два смеющихся глаза пристально смотрели на меня из-под низко надвинутого на смуглый лоб уденга.

— Ешь, это вкусно, — сказал гуру Вайянг, погружая маленькие ловкие пальцы в плоску с рисом.

Я нерешительно занесла руку, мысленно пересчитывая, сколько дверных ручек и пёстрых банкнот успела за сегодня пощупать. Гуру Вайянг бодро молотил челюстями, не отрывая от меня внимательных, любопытных глаз. Деваться некуда — я опустила три пальца в плоску и быстро, не давая себе передумать, вложила тёплый клейкий комок в рот. Обычный, чуть разваренный рис оказался щедро сдобрен жгучим перцем. Я закашлялась и, не удержав равновесие, повалилась набок, не успев расплести с таким трудом уложенные

в «лотос» ноги. Я лежала на каменном полу, потерпевшая поражение, словно сшибленный мальчишеским щелбаном солдатик, а рядом хохотал довольный гуру Вайянг.

— Острая рис! Какая острая. Ха-ха-ха! — Он громко смеялся, беззастенчиво растягивая свой почти совсем беззубый рот, и хлопал себя по укутанному в соронг коленям. Затем он сделал знак одной из женщин, чтобы та принесла мне воды. Я поднялась на ноги и одним глотком осушила миниатюрный стакан. Гуру Вайянг легко спружинил из своего «лотоса» и, всё ещё ласково посмеиваясь, помог мне отряхнуться. Мы снова уселись на пол и продолжили обед в тишине — здесь не принято разговаривать во время еды. Я медленно перекачивала языком от щеки до щеки комочек риса, наблюдая за тем, как сокращаются тени, отбрасываемые деревьями и кустами — так быстро, будто те вбирали их через соломинку. Затёкшие ноги ужасно ныли, поэтому я с радостью поднялась вслед за гуру Вайянгом, когда он опустошил свою плошку. Он легонько подтолкнул меня к выходу из столовой. Обернувшись, я увидела, как женщина, давшая мне воды, стирает следы нашего нехитрого обеда.

Мы опустились на низенькую скамейку в тени молодого баньяна, надеясь укрыться там от раскалённого диска солнца. Мерное шипение волн, свист невидимых птиц и несмолкающий треск цикад начали сливаться вдруг в один незнакомый до этого звук. Звук этот, постепенно нарастая, превращаясь в оглушительный гул, вобрал в себя, будто в кокон, меня и низенькую скамейку, и молодой баньян, и гуру Вайянга, и, наконец, весь ашрам — я провалилась в сон.

Полина Гарцева. Место силы

Я не могу вернуться в *свое* место. Но мне очень легко воскресить его в уме — все-таки я смотрела на него шесть лет подряд. Если бы я умерла прямо сейчас, тот, кто прокручивает перед глазами умирающего всю его жизнь,

схватился бы за голову и простонал что-то в духе: «И вот в этой дыре ты торчала четверть своего земного срока?» А я бы ухмыльнулась, закурила и сказала: «Ты еще дальше посмотри, там самое веселое начинается».

В первую очередь я всегда вспоминаю запах — к моему глубокому сожалению, ибо пахло там не Шанелью номер пять. Еще немного, буквально пара молекул, и это можно было бы смело назвать вонью. До сих пор не понимаю, чем же там пахло. Определенно чем-то старым. Подобным образом пахнет казенное белье в поездах. Еще, кажется, пахло пылью, дегтярным мылом и — изредка — жареной картошкой.

Выглядело это место так, что к нему не хотелось приближаться. Когда я впервые увидела эти грязно-белые стены, то без особой надежды спросила, не могут ли мне все-таки снять квартиру. Впрочем, снаружи эта убогость казалась даже величественной — поэтому на окрестности то и дело набегали непризнанные фотографы и кинооператоры. Но, как и всегда, все, что представляло истинный антропологический интерес, находилось внутри.

Если снаружи снимали клипы для грустных отечественных песен, то внутри была готовая площадка для хоррора. Длинные коридоры, в которые свет попадал из пары заляпанных окошек, были выкрашены в цвета, будто подобранные специально для эксперимента по испытанию выносливости человеческой психики. Шаги в этих коридорах всегда звучали гулко. Венчала же их плотно запахнутая металлическая дверь. Предполагалось, что в случае пожарной тревоги она откроется, и можно будет выбежать по боковым лестницам, но в это никто не верил. Как и в самую пожарную тревогу: если полагаться на нее, то мы горели не меньше трех раз в месяц.

Но самое увлекательное пряталось за дверями, по пятнадцать с каждой стороны. Открывая их впервые, ты никогда не знал, куда именно попадешь. Возможно, это будет принцессин альков со свежими розовыми обоями и тюлевыми занавесками, где полы моют два раза в неделю. А возможно, это будет

притон, где маркером на ободренных стенах написана цитата из Библии на трех языках, в коридоре стоит не меньше тридцати пар ботинок, а полы в последний раз мыли жильцы, съехавшие три года назад. А может, это будет ничем не выдающаяся, на первый взгляд, клетушка в шесть квадратных метров, где на столе лежит полное собрание эссе Умберто Эко или еще какая-то претенциозная хрень, призванная подчеркнуть изящный вкус хозяина комнаты, а под столом стоит четыре бутылки вишневого сидра, три из которых уже выпиты. А прямо посреди комнаты — стул, на котором сидит хозяин, наскоро доедая холодную гречку из пластикового контейнера. Он повернется к вам, махнет рукой, чтобы вы заходили, и постарается разом проглотить всю гречку, которая оказалась в его рту, чтобы не говорить с набитыми щеками. Разумеется, он подавится, будет долго кашлять, хватать ртом воздух и мысленно вопрошать небеса: «И как же я умудрился дожить до такого почтенного возраста?»

Очень приятно, потому что этот хозяин — я.

Елена Кутузова. Переправа

От поляны, усыпанной веснушками-одуванчиками, разбегается несколько тропинок. Но лишь одна ведёт к переправе — так мы называем место, где через узкую речушку перекинуто бревно. Ни разу не видела, чтобы там кто-то ходил. Только я, Яша и Айна. Это наше секретное место.

Сквозь плотную листву не пробиваются ни солнечные лучи, ни звуки машин на шоссе неподалёку.

— Мам, а волки здесь водятся? —
Трёхлетний Яша цепляется за меня обеими руками.

— Конечно. — На самом деле нет, но мне интересно: испугается, попросится домой?

— Как думаешь, кого они съедят первым: маленького вкусного мальчика или старую невкусную маму?

Думает. Взвешивает шансы. Отпускает мою руку, делает шаг за спину. Шепчет дрожащим голосом:

— А может, всё-таки ма-а-аму?

Мама с высоты жизненного опыта считает иначе.

— Эх ты, мог бы сказать: сейчас как возьму палку да как прогоню всех волков!

Лес перестал быть пугающим. Палок много, на всех волков хватит!

Яше семь. За речкой — заманчивая терра инкогнита, но бревно скользкое, а вода холодная. Я жду на другом берегу.

— Смотри, даже Айна не боится.

Собака уверенно ходит по бревну туда-обратно, не решаясь сделать выбор: остаться с хозяйкой или мелким, которого она нянчила с щенячьего возраста.

Яша перелетает препятствие, почти не касаясь бревна. Айна уже устала. Лапы скользят, и собака летит в воду. Там мелко, но очень, очень, очень грязно...

— Яша, беги, она сейчас отряхивается будет!

Мох с чавканьем расступается, кроссовки черпают болотную жижу. Собака встряхивается, разбрызгивая вонючее чернильное облако.

— Надо было вброд идти, разницы никакой. — Яша умывается, стоя по колено в воде.

— Угу. — Я пытаюсь дотянуться до чистой воды с корней дерева, где посуше. Бесполезно. Купаться, так всем!

Яше двенадцать. Он с закрытыми глазами найдёт нашу переправу. Окрестные холмы и лошины знает лучше, чем *present continuous* и умножение дробей. Но теперь его манят другие горизонты.

Старушка Айна начинает вздыхать и демонстративно хромать, как только мы выходим на нужную тропинку.

И я одна иду к переправе. Это моё место силы, моя точка отсчёта, мой нулевой километр. Место, где озорное солнце отражается в мириадах брызг. Где беззаботно щебечут птицы, заглушая остальные звуки. Где впереди — прекрасная волнующая неизвестность, воздух пахнет приключениями, а самая большая проблема в жизни — несуществующие волки.

С которыми, впрочем, легко справится и трёхлетний ребёнок.

Йана Михайлина. В шагах

Было очень глупо опять приехать в этот город в той же одежде, в какой ходишь обычно. Она называла его «проклятый город»: за то, что выбрал своим символом оружие, а ещё за то, что температура в нём всегда была на несколько предательских градусов ниже, чем в её новом доме, ветер злее, а дождевики острее, будто каждая хотела вырастить из себя град.

Это новая набережная. Её строили уже не при ней. Ей не нравились ядовито-красные

фонари вдоль реки, они смотрелись дешёво, вычурно, переводили внимание на себя. Она хотела бы уйти от них, не видеть даже боковым зрением эти кровоточащие глаза, но они тянулись длинной шеренгой на всём её пути.

Тут колокол начал бить четыре. Ей не хватало этого тяжёлого, гулко-го звука, который эхом разносится по всему телу от макушки до промокших пальцев ног. Её девушка любила говорить, что именно так надо фотографировать Успенский собор — в пасмурную погоду, на фоне сизого неба, неба вяхирей и мутной воды, но никак не в солнечный слепящий день, как обычно снимают, это же глупость! Она слышала её голос в голове, и голос звучал в унисон с пением колокола, разливался по мокрым щекам и одеревенелым рукам.

Она шла всё дальше. Из недавно выросшего кафе — сейчас тут таких пруд пруди — донёсся запах шашлыка. Почему-то от этого стало очень смешно, даже дождь на одно короткое мгновение замер и нервно выдохнул. Приятно было представлять жареное мясо на языке, но от этого вспомнился пропущенный обед, захотелось есть, и радость быстро пропала.

Мы снова поругались. Как-то косо, неловко, ссора возникла, кажется, из ниоткуда и очень быстро замолкла, разбросала нас по комнатам.

Я люблю свою семью. Но иногда с ними странно: как будто в детстве я знала одних людей, а теперь приехала к каким-то другим, сделанным по образу, но без подобия, к отретушированным фотографиям, на которые наложили сепию.

Из их ртов выливался кровавый винегрет про западное, угрожающее, захватывающее, лживое, уничтожающее, мерзкое, подлое... Я вспоминала, как было тепло летними днями в винограднике, как солнце светило с востока, с запада, с севера, с юга — отовсюду, как отдельные лучи пробивались через листья и падали на книгу, высвечивая куски абзацев. Читать такую книгу было приятно, как есть

горячий хлеб, только что приготовленный на большой кухне. Там находилось место всем: нам и гостям, детям и взрослым, животным и растениям в горшках, тысяче баночек с чаями, специями, травами — южными, привезёнными, северными, подаренными, восточными, срезанными за восходе, и западными, высушенными на закатном солнце...

Набережная заканчивалась. Окультуренный участок берега, завёрнутый в деревянные мостки, свалился в мусорные контейнеры и бетонные плиты.

Может, хватит уже? На самом деле она никуда не шла. Никуда конкретно не шла. Залезла в телефон, чтобы не сойти за странно стоящего человека. Проверила шагомер. Почти семь тысяч, ну надо же. Загудела голова, собственный голос становился всё громче. Стёрла набежавшие капли воды с экрана.

А что такое, ты же этого хотела? Оказаться именно сейчас именно в этой точке. Специально вышла из дома в лёгкой одежде, без зонта, ещё прикинулась, что по делам, специально пошла этой дорогой, хотя ты никогда к ней особой теплоты не испытывала. И ты специально начала этот разговор, специально, я же знаю, подначивала родителей, опять со своими бесценными комментариями, ты же знаешь, как это обычно заканчивается, знаешь, что лучше от этого никому не будет, никогда не было.

Снова попыталась вытереть телефон, получилось плохо, оставались мокрые разноцветные разводы. Ты же уже решила, как правильно с ними говорить. Чтобы никому не было плохо, чтобы можно было существовать вместе дальше. Почему ты сама нарушаешь свои же правила, почему ты разрушаешь всё, к чему прикасаешься? Не удивлюсь, если и с ней ты утром поступила так специально, чтобы шататься сейчас и вспоминать побольше и побольнее. Лучше не звони, я пока занята. Да чем ты там занята? Семь тысяч шагов ровно. Так и будем измерять твоё враньё и высокомерие. Так удобнее, чем в килограммах или кубометрах.

Она зашла в кафе, но не на набережной, а в старом городе, заказала что-то горячее — согреться. Вытащила салфетку, две — потому что они сидели монолитом между двумя пластинами, не разделить. Вытерла экран от дождя (или града — кто его разберёт?), на этот раз сухо. Набрала быстро, подумать она уже успела:

Привет

Я соскучилась

Можно я позвоню?

Данияр Орсеков. Моему любимому сыну

Дорогой сын. Я печатаю это письмо неспешно, несмотря на то, что мне не терпится рассказать тебе о моих чувствах. В твоих родных краях сейчас поздняя ночь, точнее, 3:07 утра, и я нахожусь недалеко от твоей матери. Она спит. Я поставил рядом с ней твою фотографию.

Знаю, мы давно не разговаривали, и вина в этом целиком на мне. Я предполагаю, что ты можешь не дочитать до конца и даже не открыть письмо, но, зная твой пылкий и холодный ум, я надеюсь на обратное. Коротко о нас. У нас с твоей мамой все хорошо, с домом нашим тоже все в порядке, а вчера приезжали твои дядя и тетя увидеться и поговорить. Еще сменился почтальон, и очередной парень, как всегда, оставил журналы на лужайке. Неделю назад я стриг газон и вспомнил тебя, ведь тебе очень нравилась высокая и дикая трава, не эта вялая зелень, которая растёт лишь до лодыжки.

Я надеюсь, что у тебя все хорошо. Год назад я слышал, что ты не учишься и не работаешь, но выглядишь крепко и уверенно, как всегда. Мне очень жаль, что мы не смогли поздравить тебя с днем рождения, к

сожалению, мы так и не дождались твоего нового адреса. Если бы мы знали его, то отправили бы тебе яблоки с твоей любимой яблони и отправили бы целую коробку. Впрочем, я сказал ложь, с твоей любимой яблони мы не смогли бы отправить плоды. Через месяц, как ты уехал, нам пришлось спилить ее, это было слишком древнее дерево. Зато мы посадили новые и смотрим, как они растут.

Наверное, мне стоит перейти к главному, так как времени мало и уже скоро будет рассвет. Я пишу тебе сказать, что мне очень жаль за то, каким отцом я был. Я был несдержан и не смог защитить тебя от мира, и я не смог принять тебя таким, какой ты есть. Мы говорили тебе много раз, как сильно ждали твоего рождения, и что первые секунды, как мы познакомились — лучшие в нашей жизни. Не знаю, кого мне винить за то, что я потерял навсегда ту радость, как только ты начал ходить. Я думаю, многие родители хотели бы остаться в вакууме незнания, кто их дети, или чтобы их дети всегда оставались маленькими чистыми людьми. Как только вы выдергиваете свою руку из нашей, чтобы перейти улицу, как только вы заявляете собственное мнение — так и начинаются сложности и проблемы. Вы слишком быстро обрастаете собственной индивидуальностью и слишком рано просите оставить вас одних, видит бог, мы с твоей мамой не были готовы к столь быстрому взрослению. Я помню первый раз, когда тренер сказал мне, ждущему тебя, что ты ушел больше часа назад. Помню следующие разы, когда ты начал ездить на тренировки сам, на прогулки и походы, ходить в магазины и парки. Мы договорились с твоей мамой, что постараемся не мешать тебе, даже если считали, что ты слишком быстро вырос. Но затем случился твой первый уход (пропажа) и вся эта история с полицией и поисками. Затем твои уходы стали постоянными, и мы с мамой снова договорились, что примем это, даже если это было сложнее, чем в первый раз.

Буду откровенен: меня всегда смущали твои независимость и сила, но ты оставался понятным мне, даже если школьные психологи говорили разные диагнозы, всегда разные, всегда не подходящие на самом деле тебе. Ты перестал быть родным мне, когда выиграл свою взрослую лигу, а я не сдержался и обнял тебя. Меня распирали чувства. Ведь это было

так нормально и понятно, сын выигрывает в спортивную игру, а гордый отец обнимает его! Но твой запах. Он был такой... необъяснимый. Он был слишком похож на едкую дикую траву и слишком мало — на запах моего ребенка. И я больше не хотел никогда обнимать тебя.

Твое рождение было самым счастливым моментом для нас. Когда мы так говорили друзьям, они думали, что это как отправная точка, от которой начинались последующие счастливые моменты. Но это не так. К сожалению, это была просто точка, после которой мы сразу поняли, что в нашей жизни произошло что-то такое, что невозможно выразить словами. И каждый твой приз за спортивные достижения был поводом поздравить нас, позвонить нам, завидовать. А мы расставляли призы на полках и вытирали с них пыль, и растягивали губы в ответ на поздравления знакомых, и мы перестали разговаривать между собой о тебе.

На группе поддержки один человек сказал мне, что быть родителем особенного ребёнка очень сложно, но я с ним не согласен. Я считаю, что это не сложно. Быть родителем тебя — это невероятно сложно, и это страшно. А еще это бесцельно и бессмысленно. Иногда я спрашивал себя, что же заставляет людей по собственному желанию создавать других людей, которые всю жизнь останутся на их попечении и на их совести. Я не знаю ответа. Я спрашивал сам себя, что заставило нас с твоей матерью решиться оставить маленького человека. Вначале ответ на этот вопрос казался очень простым, однако со временем я понял, что создание ребенка — это невыносимая рулетка. Честно говоря, прошло 25 лет, как ты появился на свет, но хорошего ответа я так и не придумал.

Я знаю, когда твоя мать испытала первый страх. Я хорошо помню то утро. Мы стояли у окна и смотрели на нашу любимую лужайку. По краям нависали деревья, и мир был прекрасен. Мы с твоей мамой знакомы с детства, будучи подростком, я приходил к ней в гости, и мы гуляли по лужайке и этому саду, а деревья мы знали как свои пять пальцев. Мы изучили каждую ветку каждого дерева, как и всю лужайку и все тропинки в саду. Пока мы смотрели в окно, погруженные в воспоминания, появился ты. Ты побежал в

сторону яблони, подпрыгнул и пропал в листве. Кажется, мы долго молчали и боялись посмотреть друг на друга. Мы оба знали, что такую высоту невозможно осилить, но мы видели все своими глазами. В тот день твоя мать попросила меня кое о чем, и ничего в этой жизни не было для нее настолько серьезным и важным, что я дал ей искреннее слово исполнить ее просьбу. Я пишу тебе это письмо, чтобы нарушить свое обещание, и мне нечем прикрыться. Я был плохим отцом, и, наверное, я плохой муж. Мне остается лишь быть честным с тобой в этом письме и надеяться, что ты можешь понять меня.

Мой страх тебя пришел с той первой рощей. Как только на кухне прозвенел звонок, я понял, что произошло, и лишь удивился, что так рано. Помнится, мне подумалось: все-таки он встретил кого-то сильнее себя. Дорога до рощи была невыносимой, но мы оба молчали и переживали свои эмоции наедине. Когда приехали, нас провели к расщелине, и мы долго смотрели вниз.

Ты не представляешь, каково это — осознать, что ты потерял единственного ребёнка. Мы вложили столько здоровья, сил, времени и эмоций в создание человека, и мы не успели сделать еще одного. Мы надеялись умереть в старости и оставить тебя после нас, с твоей семьей и детьми. Уйти, но знать, что на земле осталась наша кровь, продолжение, наши воспоминания и фамилия. Я надеюсь, ты никогда не поймешь, каково это — испытать ужас и вдруг облегчение. Что наконец мы свободны. Я хочу быть честным, и я буду. Ужас заполнил меня, как черный туман, затем он стал мерзкой водой, и это было горе. А когда мы ехали в машине, то вдруг где-то в маленьком местечке моего мозга возникла мысль, что теперь остались я и она, и что мы оба свободны. От этого постоянного страшного ожидания. От черного роя внутри живота, которое изматывало нас годами. А вдруг ты действительно можешь быть счастливым? — спросила меня маленькая мысль. Ты можешь сделать вид, что тебе плохо, пройти все эти встречи с ничего не знающими родственниками и его одноклассниками. Надеть очки или сидеть, прикрыв большими ладонями глаза, чтобы никто не заметил, что ты не страдаешь. И я возразил этой маленький мысли: но я не буду делать вид, мне действительно будет плохо, я буду в отчаянье и

горе. И мысль вдруг стала сильнее и громче. Да, тогда это будет хорошо, подхватила она, ты будешь честно страдать, и все будут это видеть. Потом ты займешься административными вопросами. Потом вы можете куда-то уехать и быть только вдвоем. И потом вы перестанете стыдиться, что ваше горе было таким маленьким и его хватило лишь на крохотный момент в роще. И пока я слушал этот голос и уже привык к мысли, что могу быть счастливым, как это было до тебя, нам снова позвонили, и я ничего не подозревал, нажимая кнопку телефона. Знаешь, моя жена давно знала, кто ты. А я испытал этот страх только после рощи и того телефонного звонка. Мне стало так страшно, что у меня похолодели и отнялись ноги. И я чувствовал потом это оледенение всякий раз, когда вспоминал, что мы создали тебя и принесли в этот ничего не подозревающий мир.

И я точно знаю, когда пришла твоя ненависть к нам. Когда я сжег это твое гнездо. Я до сих не могу вспомнить без омерзения это место, его запах, эти непонятные вещи, которые встретились по пути к нему. Я до сих пор считаю, что ты осквернил наш сад своим черным домом. Я не буду оправдываться и пытаться объяснить, что я испытывал к этому гнездовищу. Могу лишь сказать, что даже перед сегодняшним неизбежным рассветом я не смог бы удержать себя от этого костра. Я знаю, что это было твоим местом силы. Где ты не просто спал и жил, но и очень быстро рос и становился сильнее. И думаю, ты чувствовал себя менее одиноким там. И кстати, все что я знаю о тебе, это только это место. Но в той же степени для нас, обычных людей, это место было черной дырой, из которой шел неимоверно мерзкий и токсичный запах. Не в физическом плане, а энергетически. Я чувствовал, что единственное доступное мне средство зашить эту дырку и закрыть этот вход — это сжечь его дотла. Я до сих пор не могу сказать тебе, что мне жаль, что я вытравил твое гнездо и лишил тебя дома. Но, думаю, мне жаль, что ты возненавидел нас и увидел, какие мы разные.

Мне казалось, я горд и силен. Я верил, что я правильный мужчина, который поступает так, как должен поступать честный и сильный человек. Я работал, никогда не врал, не обманывал, был с одной женщиной всю жизнь, я люблю ее больше своей жизни. Ты родился

из нашей любви, но что пошло не так, мне неизвестно. Мне не под силу было принять тебя таким, какой ты есть, и я начал врать тебе, и ей, и самому себе. Когда мы купили тебе билет в ту школу, КОГДА Я уговорил твою маму и купил этот билет, то он был в один конец, и мы это знали. Я не хотел тебя в этом доме. Не хотел видеть, как ты забираешь все ее силы и молодость своим присутствием. Мне не по силам было заставить себя попроситься или сказать тебе правду, чтобы ты, мой сын, мог выбрать, остаться тебе или уехать. Мне казалось, я не могу умолять никого из гордости и из идеи, что там будет лучше для тебя. На самом же деле, и я знаю это теперь, дело как раз было в том, что я просто никогда не любил тебя. Или, если быть совсем честным, я любил, но самую малость, тот короткий момент, пока ты лежал, свернувшись на руках своей матери, пока ты не начал ползать и издавать звуки и пока не выросли первые зубы. Я знаю, что не бывает никакой гордости в любви, потому что сейчас я умоляю тебя. Приезжай в наш дом и спаси свою мать. Ей осталось жить несколько дней. Она уже не слышит и не узнает меня, она совершенно почернела и по частицам пропадает из этого тела. Это продолжается год, и мне сказали принять этот рассвет, после которого ее хрупкая связка с этим телом окончательно разорвется. Если она умрет, то это навсегда, это не как у тебя.

Тем утром, когда она увидела, как ты скрылся в листве яблони, она попросила меня никогда не обращаться к твоим способностям, чтобы это ни значило для нее или для меня. Она будто увидела то, что недоступно моему взгляду. Что твои силы прокляты для этой земли. И я готов переступить свое обещание, лишь бы ты вернулся в наш дом для ее спасения. Без нее невозможно, весь этот мир не может быть без нее. Я согласен на любые жертвы, на любые изменения, но спаси ее. Вспомни, она дала тебе жизнь, ты обязан ей хотя бы за это. Я умоляю тебя на коленях. Спаси ее. Я знаю, что ты можешь. Я умоляю и сделаю все, что ты можешь потребовать. Я не могу печатать дальше, мои силы заканчиваются, я совершенно сломлен. Я использую автокоррекцию в эти последние часы, чтобы убрать следы моего отчаянья и чтобы ты мог прочитать все правильно. Почти рассвет. Приезжай! Я буду на пороге, я буду ждать тебя. Я буду верить.

Вечно твой, отец,

07:23

5 мая 2023 года

Анастасия Романова. Катюха

Ветер трепыхал косынку Катюхи, дёргал за юбку и щекотал шею. Отмахиваясь от него, словно от назойливой пчелы, она ругалась вслух, поправляла косынку и одёргивала платье. День начался.

Местные относились к ней с любовью, отвечали без злобы и жалости.

— Некрасивая ты сегодня, Нюрка, — говорила она, завидев бабушку у подъезда.

— Отчегось, Катенька? — спрашивала смуглая, словно вылепленная из глины старушка, улыбаясь.

— Да некрасивая, я те говорю! Платок где твой тот, белый-та? Вот его надень, и буду тебя любить, а пока не-кра-си-вая! Всё! — отвечала Катя, щёлкая замок подсобки и выкатывая тележку с бидонами.

Широкобёдрая, неизменно в платье, переднике и калошах на белый носок, она катила тележку вдоль дома и громко здоровалась с проходящими. Ребёнок, запертый в теле женщины.

Катюхина мать, совсем не строгая, с яркими, словно голубые стекляшки, глазами, давно уже не замечающая диагнозов дочери, научила её ухаживать за коровами и доить их. Широко улыбаясь жизни, каждое утро Катюха

шла в коровник к своим гудящим, словно подводная сирена, животным.

— Ты как зовут? Меня — Катюха! — спрашивала она местного учителя останавливая свою тележку.

— Да что же ты, красавица моя, забыла меня снова? — отвечал он ей, поправляя очки.

— Да ну чо? Катюха я, Катюха! Хош конфетку? Не пойду за тебя замуж, и не проси. Пока! — отвечала она, невпопад гоготала, вытирая руки о передник, бралась за ручку тележки и двигалась дальше.

Так и проходило лето, пока однажды в дождливый, будто обиженный тёплыми днями день не проезжали мимо деревенские. Прячась в своей кряхтливой, побитой ржавчиной машине и не жалея её, гнали по дороге.

Ветер, хмурился небо, гнал тучи, ветки деревьев хлестали крыши магазинов. Завидев Катюху, медленно катившую свою тележку с бидонами молока, машина резко затормозила.

— Слышь, чо везёшь? Тебе говорю, глухая! — проорал самый некрасивый из них. Высунув в открытое окно свое сплюснутое, как дыня, лицо, он схватил Катюху за платье.

— Ты дурак? Я — Катюха! — гоготала она, одергивая из рук незнакомца платье. — А чё это у ты зуб поломанный? Этот, что ль, тебе в голову дал? — добавила она показывая пальцем в водителя.

Разорвавшись оскорблениями, юнец выскочил из машины и дал пощёчину Катюхе. Горящий гневом, он схватил бидон и вылил молоко, призывая приятелей в помощь.

Катя кричала.

Ветер отодвинул занавес туч, открыл молочно-розовый закат и уснул. На окраине совхоза стояла машина с распахнутыми дверями. Разбитые, чтобы никого больше не защитить, стёкла крошкой укрывали чей-то ботинок, по бокам свисали, словно на тонких нитках, зеркала. В машине никого не было.

Ксения Сузгаль. По деревенской дорожке

В детстве вот так идёшь по родной деревне — лето, зелень, ослепительно яркое солнце... Всё наполнено светом, радостью и чем-то бесконечно добрым.

— Ой, а чья это красавица идёт, — спросит какой-нибудь деревенский дядька — да, например, дядь Вася. Большой, здоровый, круглолицый, с широкой улыбкой.

И ты так застенчиво:

— Тони и Игорь...

А он всё посмеивается, хвалит, мол, красавица, я тебя вот такую ещё помню, а уже вон... Про папу спрашивает, как дела у него, дома ли. И ты отвечаешь охотно, так хорошо улыбается добрый дядь Вася.

Идёшь дальше — ой-ой, а вот здесь нужно побыстрее, пока не увидела ведьма — высокая и худая старуха. Страшная до жути! Как только проходишь мимо её дома, она, завидев тебя в распахнутое окно, выбегает, больно дёргает за косу и визжит:

— Расти коса до пояса!

И сегодня попадаешься — идёшь, утираешь слёзы. Навстречу — Петька. Тоже очень-очень странный. Смуглый, всё лицо в чёрной щетине, с какими-то неправильно

длинными руками и ногами. Тащит на верёвке жестянки, машет тебе рукой и кричит:

— А-и-и-и! А-и-и-и!

Втягиваешь голову в плечи, стараешься незаметно проскользнуть — ну его! Спасает от Петьки тётъ Валя. Она идёт в гости к маме с гостинцами — поспевшей малиной на варенье. Улыбается, спрашивает что-то, ягоды тянет. Жуёшь сочную малину — главное, немытую, так вкуснее. И идёшь под ослепительно ярким солнцем...

...и всё наполнено душным липким светом. Тащишь сумку с книгами и конспектами — сессия сама себя не подготовит. Облачное небо и мутная зелень, покрытая пылью с деревенской дороги.

— Ой, а ты чьих-то будешь? Игорева дочка, что ли?

Угукаешь, отводишь глаза — только дяди Васи не хватало. И вся эта бесконечная лицемерная песня про красавицу и «вот такой помню».

— А как батька, дома? — и посмеивается.

Зло, с прищуром. Знает, что отец снова пьёт, что маму вчера поколотил. Сам ведь продал ему самогон. Мерзко.

Спешишь дальше, киваешь головой худенькой старушке. Она сидит на лавочке, тихонько улыбается. Как же её зовут?

Подсаживаешься к ней в тень, узнаёт тебя. Смотрит на твои коротко подстриженные волосы и всё качает головой — такая коса была! Улыбаешься, киваешь. Жалко её отчего-то. Маленькая такая, хрупкая — говорят, болеет.

Мимо пробегает Петька — совсем уже взрослый, но с такими же длинными руками и

ногами. Почти тридцатилетний глухонемой парень с жестянками на верёвке. Верёвке, которая навсегда привязала его к этому месту.

Машет тебе рукой и кричит:

— А-и-и-и! — здороваются.

И ты ему в ответ машешь рукой и кричишь:

— А-и-и-и!

Петька улыбается — любит вежливых людей — и несётся дальше.

Доходишь, наконец, до дома. У самой калитки нагоняет тётъ Валя. Она всё такая же — улыбается, шоколадку тянет. Спрашивает что-то, а ты жуёшь шоколадку и смотришь на ослепительно яркое солнце. Почти такое же, как в детстве.

Анжела Фегосеева. Место силы

Каждый день я выхожу в дурацкий двор на дурацкую прогулку, предположительно полезную для моего дурацкого физического и дурацкого психологического здоровья. Рекомендовано проводить на свежем воздухе хотя бы двадцать минут в день. За двадцать минут можно успеть сделать семь кругов по двору, если не торопиться. Но обычно я прохожу десять — будто если быстрее ходить, быстрее пройдут эти дурацкие двадцать минут. Кажется, сегодня кругов будет одиннадцать, а то и двенадцать: идет дождь и, видимо, заканчиваться не собирается. Черное, дырка, черное, дырка... Дворовый забор как олицетворение моей жизни — белого не видно. Двадцать минут все никак не хотят кончаться. Массивные ворота недружелюбно выпирают на меня все больше и больше по мере приближения, высокомерно навязывая

границы дозволенного. Назло мнимой власти забора усилием воли я берусь за холодную, склизкую от дождя ручку двери и дергаю на себя.

Ворота противно скрипят, но выпускают меня в не-полосатое. Я змейкой прохожусь между фонарными столбами, не утруждая себя обходить при этом и лужи. Мокрый тротуар сверкает гламурными блестками под полосками света. Стихия захватывает пространство: шорох ботинок заглушают капли дождя, а запах асфальта перебивается намокшими листьями деревьев. Небо почти такого же цвета, как и дорога. На фоне стены — тоже серой — яркое пятно оранжевой куртки охранника. Каждую затяжку он прикрывает глаза, а выдыхая дым поднимает голову к небу. Я вытираю воду с лица и долго трясую рукой, избавляясь от неприятной мокрости.

К охраннику подбегает девочка в неоновом-желтом дождевике, под стать охраннику, и громко что-то кричит, размахивая руками, как крыльшками. Капюшон оторван, и дождь затекает девочке за шиворот, отчего она подскакивает и дергает плечами. Я не очень люблю детей, но с этой девчонкой-цыпленком, я думаю, у нас есть что-то общее. Она убегает, и мне снова открывается вид на охранника. Желание курить пересиливает нежелание коммуникации, и я медленно двигаюсь в его направлении.

— У вас сигаретки не будет? — нарочито небрежно обращаюсь к охраннику.

Он молча протягивает мне открытую пачку, я беру одну сигарету и так же молча на него смотрю. Он достает зажигалку.

— Ты с какой стороны пришла? — Легко перейдя на ты, он подкуривает мне сигарету.

— С той. — Я указываю взмахом руки в сторону ворот.

— С северной, значит. — Он многозначительно кивает. — Хорошо, что не с

западной.

— Какая вообще разница? — Я чувствую потребность защитить свою северную сторону, хотя даже не уверена, что она северная. — А вы с какой стороны пришли?

— Я — со стороны света. — Охранник тушит окурок, подставив его каплям дождя.

— Ну, и с какой?

Если это шутка, то она затянулась.

— Со стороны света, — повторяет охранник. — Хочешь, покажу?

Обычно так и начинаются все истории про маньяков — я-то знаю, я прочитала все книги и посмотрела все фильмы по этой теме.

— Не бойся, я не маньяк. — Он усмехнулся и выбросил окурок. — Пойдем, это на пять минут.

Уж если наш охранник окажется маньяком, значит, это судьба. А у меня как раз осталось пять минут из двадцати. Я сую руки в карманы и смотрю на него в ожидании. Он улыбается и поворачивает куда-то в сторону.

В нашем челоуейнике сложно разобраться даже тем, кто давно здесь живет. Слева и справа такие же черно-дырчатые ворота, как и в моем дворе. Повсюду фонарные столбы и аккуратные мусорные контейнеры для стекла, металла и бумаги. Я начинаю понимать, что плохо представляю дорогу обратно. И вообще плохо представляю, куда мы идем. Видимо, охранник давно изучил все закоулки и очень уверенно ведет нас в очень конкретное место. Мы проходим подземную парковку, маникюрный салон, табачную лавку и несчетное количество решетчатых ворот. Ощущение лабиринта усиливается нависающими над нами бесконечными башнями. В том месте, где, вроде бы, наш жилой комплекс уже заканчивается, охранник

открывает дверь на углу здания, которую я даже не заметила. Внутри темно, но он — конечно же — знает, где включается свет.

— Почти пришли, — говорит охранник и нажимает кнопку грузового лифта.

Лифт медленно поднимается вверх. Охранник смотрит в потолок, на помаргивающие люминесцентные лампы. Я разглядываю пол, наши ботинки и натекшую с них грязноватую лужу.

На выходе из лифта на нас обрушивается лавина ярчайшего света, теплого, а не холодного, в отличие от мучительно белых ламп в лифте. Свет будто бы проникает в меня, растекаясь внутри тающим сливочным маслом. Я подхожу ближе к охраннику и вижу то, на что он смотрит. Солнце. Огромное, заслоняющее все пространство, теплое и всепоглощающее, как что-то из далекого детства. Окутанная солнечным светом, я поднимаю глаза к небу, чистому, будто дождя никогда не было. С нашей высоты не видно, что там внизу — может, и правда, дождь уже закончился. Вместо двадцати минут прошло тридцать пять, но теперь мне не так уж и сильно хочется домой.

— Ты не против, если я буду сюда приходить иногда? — Я тихонько трогаю охранника за рукав его нагретой куртки.

Анна Христочевская. Еще не вечер

Не люблю словосочетание — «место силы». Место силы, вместо силы, съела вилы, закусил... Нет, что-то не то в нём, чисто фонетически, душа протестует против звучания — оттого и смысл ускользает, не даётся мне. К тому же тут ещё и вопросы терминологии: а что есть сила, где ей место? В голове уже крутится готовое: сила есть — ума... А ведь ежели сильно подумать (умом?), то так оно и есть: чтобы ощутить что-то своим,

родным, любимым — ума-то как раз и не надо, он тут ни при чём, без него даже удобнее.

Потому что ум — он будет зудеть, напоминать о том, что пора ехать, сейчас упустишь последнюю электричку, а тебе завтра рано вставать, а ещё далеко ехать, и ты не дома, а в гостях, а ещё... Главное — всякий раз забываешь, какой кнопкой отключается это занудство, и выходит — как тогда, на берегу Оки... Жара была, август, летние душистые травы, просторы несусветные, если за что и цеплялся глаз, так разве что за макушки деревьев, и то случайно: они там, внизу, у самой реки, а ты, сидя на земле под берёзой, словно паришь над всем этим летом — первым взрослым летом, в котором уже случилось поступление в институт, и впереди... (впереди, всего через пару дней, случились лебеди и танки — они убедились, что мы уже дома, в Москве, и на другое же утро начали вытанцовывать). Но это было потом. А тогда, на Оке, было всё, — всё, кроме — свободы. Свободы, которой надо было бы надыхаться на гречишном поле, наглядеться бы на которую — с самой макушки того холма по-над рекой, и впитать её всю, унести с собой, в себе... Свобода стояла совсем рядом, осторожно трогала за плечо, мол, вот она я, но мы обе с ней ещё стеснялись друг друга. Наша дружба ещё только начиналась, а на «ты» мы с ней перешли гораздо позже, из 90-х выбрались уже в обнимку и с тех пор боимся расстаться — так и ползём дальше, пригибаясь, вращаясь в местность, вцепившись друг в друга, в моменты передышки окидывая окрестности боевым взглядом котёнка — мол, а вот кому ллалапой в гллаз?! Да, да, да, не лихие они, они — свободные, и они у меня были, и я у них была, я помню их, и они меня помнят, мои девчонки, — помнят маленькую испуганную девчонку, вчерашнюю студентку, на которую вдруг свалился собственный огромный заработок... Нынешние не выпускники даже, а студенты, узнав его размер, презрительно передёрнут плечами, а я гордо вскину голову в ответ: да что вы знаете, салаги, что вы знаете о моей юности, о моих девчонках, о наших надеждах и наших обломах, что вы знаете о кошке, спавшей за стеклянной витриной магазина и бывшей единственным украшением той витрины, что вы знаете о первой и последней шубе, купленной на заработанные — заработанные, а не полученные! — деньги, что вы знаете о маленькой фирмочке в тараканном подвале, приютившей после года безработицы... Вы никогда не поймёте, с каким упоением мы

скупали книжки в магазинах, как глотали их, успевая смаковать при этом текст, вы не поймёте, что такое — Нотр-Дам на фоне синющего неба, настоящий Нотр-Дам, не тот, что в мюзикле (да и моды на мюзиклы ещё не было тогда!), и не поверите, что лучшая ингаляция при жестокой простуде — парижский неповторимый воздух... неповторимый, ибо давно уже нет его, моего Парижа, как нет моей Пресни, моей старой Москвы, нет многих дорогих мне людей, — но все они — и города, и люди, — живы, они со мной, они в моей памяти, доковидной ещё, крепкой и надёжной моей памяти... Эх, салаги, салаги вы зелёные... Да, пусть я никто по сравнению с вами, неудачница, кочерыжка древняя в возрасте «стоканежвуют», — откуда вам знать, что я моложе вас, я сильнее вас, потому что все ваши «места силы» не стоят ровным счётом ничего против моего *времени силы*, против моей свободы, которую не отнять никому, потому что не отнять! «Времена не выбирают — в них живут». Оборву-ка я цитату на этом месте. Ибо ещё не вечер.

Екатерина Чиркова. Мая сигарета

Я начала курить. Уже в потемках я спускаюсь к беседке — она там, в углу участка, в кустах сирени и жасмина. Прохладненько! Кусты еще голые — только немножко листиков, они отсвечивают под луной. Я залезаю в кресло-гнездо — такое, знаете, подвесное, — закуриваю и смотрю на лес. Вокруг меня темнота, черный прозрачный воздух холодит мою коротко бритую голову. Будем честны — мне нужен специальный предлог, чтобы лишний раз выйти из дома, даже ночью. Я редко выхожу, а еще год назад, пока училась в девятом — совсем не выходила. Учусь я дистанционно, как можно догадаться.

Сигарета обжигает и щекочет — вообще-то, ощущения не очень. Но ничто не сравнится с этим чувством — собственного мира вокруг тебя. И никого. Понятно, это иллюзия. Но она прекрасна.

Я рассказала маме, что начала курить. Мама окей с этим. И папа — тоже. Моим родителям многое окей из того, с чем обычные родители борются и что запрещают. Мне почти ничего не запрещают. Правда, будем честны, я всегда была золотым ребенком. Не баловалась и не скандалила в ранние годы, лучше всех училась в школе. Часами могла сидеть, уставившись в одну точку — в голове у меня чего только не происходило тем временем, кто только со мной не говорил. Но никаких проблем это не доставляло. Собственно, я никому об этом и не говорила — а зачем? И в школе все было окей — до того момента, как вдруг я оказалась одна против своры одноклассников, которые орали, ржали и бросали в меня объедками своих завтраков, башмаками и всяким мусором. Запустив в их толпу стул, я спаслась, бежала бегом до самого дома. Это повторилось, потом снова. Вскоре родители перевели меня на дистанционное обучение. Подростки — это страшные люди. Только недавно меня перестало накрывать холодным потом при виде подростков, когда мы с мамой ездим в магазин или она берет меня с собой в фитнес-клуб.

Вообще, за прошедший год я стала спокойнее. Иногда хожу на прогулки с собакой в лес. А еще — в музей, мне нравятся музеи — это красиво, там тихо и мало людей. Недавно мы пошли с мамой и с сестрой (у меня есть младшая сестра) в океанариум. Сначала было классно — днем в будний день народу было не так много, мне жутко понравились огромные стены с синей водой, подсвеченные лампами, медленные рыбы. Но потом я расстроилась и даже вступила в диалог со смотрительницей — обычно я стараюсь ни с кем не говорить, мне это трудно. И страшно. Но тут в одном из аквариумов рыбы были совсем больные. Их, наверное, неправильно кормят. Это недопустимо, это очень плохо, так нельзя. Но смотрительница меня не поняла, смотрела и хлопала глазами, а потом развернулась и ушла.

Я люблю животных, особенно рыб и пресмыкающихся. Они красивые, молчат и не подличают никогда. Вы знаете, что продолжительность жизни некоторых змей в домашних условиях сорок лет? У меня живет королевский питон. Мне подарила его подруга — у меня есть одна подруга, мы дружим с детского сада. Питона зовут Глаша, это совсем

молодая змея. Смотреть на нее — одно удовольствие, она так и переливается, и движения у нее такие невероятно элегантные. Мама, конечно, была немного в шоке, когда я сказала, что хочу завести змею. Но ведь она живет в моей комнате, а туда все равно никто не заходит, я не разрешаю. Ну, кроме мамы — иногда, если она хочет.

Когда моя Глаша помрет, я буду уже жутко старая, мне будет где-то пятьдесят шесть лет. А может, я и не проживу столько. Мама иногда почему-то так говорит — что я не проживу

долго. Это шутка, или она правда так думает — я не знаю. Иногда мне кажется, что я уже старая, и бремя жизни для меня слишком тяжело.

Я сижу в своем гнезде в беседке и ни о чем не думаю, и, конечно, упаси бог, не мечтаю о будущем. Я просто смотрю на лес, ощущаю гортанью и небом противную сигарету — и мне хорошо.

Повзрослела

Оля Проган

— Посмотри, как я ем. — Бабушка отправляет в рот большую ложку, к которой присохла остывшая каша и сыр с белёсой коркой.

Бабушка в третий раз за утро приходит на кухню и пальцами смешивает всё, что видит на столе. Протыкает ногтями хлеб, раскладывает крошки по тарелкам. Если убрать еду в холодильник, она плачет и просит не морить её голодом.

— Вот так я ем, — повторяет бабушка и жуёт, не смыкая губ. Показывать процесс жевания — её новая привычка.

Не смотреть, как бабушка прессует беззубым ртом разноцветное месиво, нельзя — обижается. Пытаюсь улыбнуться, похвалить эту маленькую девочку, позабывшую себя и близких, свой город и возраст, но бесстыже выдаю отвращение. Лишь прилипшая ко мне ненависть помогает держаться. Опираясь на любовь тут нельзя — сойдёшь с ума следом. Спрашиваю у родителей: что делать с бабушкой? Никто не знает ответа.

— Надо что-то делать.

— А что?

И кому решать?

Последний раз видела бабушку несколько лет назад: пришлось лететь двумя рейсами и отвечать на унижительные вопросы пограничников. Я не знала, удастся ли увидеть

её ещё когда-нибудь, а потому снимала каждый момент. Бабушка осталась в моей жизни маленькой и худой, но не терявшей чувство юмора женщиной, желавшей в камеру телефона богатого жениха и крепкого здоровья. Теперь передо мной сидит незнакомая старушка с большим блеском в глазах. Когда они блестят, старушка видит во мне почившую мать, а иногда — жену своего сына. Поэтому лучше, когда глаза у бабушки не блестят, а безучастно смотрят в окно, пытаюсь угадать знакомые фигуры.

Мне уже тридцать. За месяц до приезда к бабушке я разослала свадебные приглашения. Хочу всё бросить и уехать примерять платье в ателье вместо того, чтобы караулить на кухне газовый вентиль. Бабушку оставить больше не на кого, забрать её с собой нельзя: много сложностей с документами, да и не доедет бабушка — в этом я честна даже сама с собой. Как-то раз прямо так отцу и сказала, мол, не доедет бабушка, умрёт по дороге. Умрёт, как все люди умирают, что вы так смущаетесь? Как будто первый раз об этом слышите. Вон, пытались свозить её на анализы, так она на полпути открыла дверь машины — едва успела удержать её за кисточки шарфа. Но отец не хочет слышать про смерть, про немощь. Он сейчас сын, мальчик, убегающий к рюмке коньяка вместо игрушечной машинки, смотрящий на мать растерянными мокрыми глазами.

«Какие розы — эти или эти? И что там с начинкой для торта?» — приходит сообщение в тот момент, когда бабушка называет меня Оксаной и тащит за руку, чтобы показать, где спрятаны деньги. Я ОксанаЛенаОляНина — мне всё равно. Меня тошнит то ли от мысли о торте, то ли от запаха в квартире. Двор за окном всюю цветёт вишней, но из окна её не

видать, а воздух дома спёртый, какой бывает в больничных палатах для старых людей. И ещё так пахнет во всех городских и краевых лечебницах, которые я объезжаю в надежде найти приличный новый дом для бабушки.

— Вы не проветриваете? — спрашиваю робко усталых медсестёр, молодых девушек в белых халатах.

— Та ну, — отмахиваются медсёстры, — откроешь, а они сиганут ещё туда!

Дома проветривать тоже нельзя — сиганёт ещё туда. Открываю окно только тогда, когда бабушка просит проверить её тюльпаны под окном:

— Я вчера тюльпаны сажала, а эти гадёныши всё потоптали. Ты глянь, глянь, Леночка, всё вытоптали. А я только посадила. Ещё деду говорю — надо их прогнать. Ай-яй-яй.

Молча киваю. Деда мы похоронили неделю назад. Бабушка не помнит, где дедушка и уже больше месяца не выходит на улицу одна. С каждым днём стираются лица, имена, события. С каждым днём я принимаю на себя всё больше ролей. Я уже была соседкой, была матерью, была сестрой незнакомкой мошенницей воровкой дочерью племянницей врачом и только секундными вспышками — маленькой внучкой. Но поправлять в выражениях бабушку нельзя — она плачет и забивается в угол. Я больше не могу быть внучкой.

Время растягивается, затягивается в узел, не оставляя за собой концов. Уже сама не помню, кто умер, а кто жив, как давно я здесь. Когда бабушка рассказывает, как мы играли вдвоём, будучи детьми, я верю, что так и было. Вот если бы открыть окно, можно было бы зацепиться за майский запах вишен, но открывать окно нельзя.

— Мы поедem с тобой на море, потому что ты моя внучка, — говорит бабушка отчётливо, ясно, часто моргая, не давая глазам блеснуть. — Меня все хотят обмануть, кроме тебя, — повторяет она по второму разу, когда я подвожу её к дорогой оборудованной машине с логотипом столичного пансионата.

— Мы просто к врачу — и домой?

— Конечно.

Бабушку аккуратно укладывают в подготовленное кресло. Машина просторная, со столом, подушками. Рядом с креслом — маленькая табуретка. На неё садится папа и кивает на прощание. Впереди его ждёт семь часов горьких мыслей, к которым он не готов. Машина укатывает через двор. Я оборачиваюсь на лужайку, ту, что под окном, — кто-то высадил красные тюльпаны. Бабушка их больше не увидит. Сглатываю и чувствую, как в горле застревает кусок стыда. Его не выкашлять, не проглотить, не запить водой. Он сухой и колется. Колется до сих пор.

Предназначение

Наталья Кривохвостова

Было очень больно. Такой боли в свои двенадцать лет я еще не знал. Поэтому каждый удар в живот глухим эхом отдавался в голове.

— Зажим.

Я пытался закрыть лицо руками и не верил, что сейчас в эту самую минуту меня бьют. Куски снега, перемешанные с городской грязью, попадали в глотку. Каждую секунду я старался сделать вдох, но невидимые руки сдавливали горло и не давали воздуху проникнуть в легкие. На крик уже не оставалось сил.

— Тампон. Тамара, готовь лопатку Ревердена, шьем. Почти все.

Я прокручиваю далекий эпизод из своего детства каждый раз, когда руки начинают работать автоматически четкими выверенными движениями... Когда скальпель становится продолжением руки и для мыслей в этот момент освобождается время.

В то февральское утро детей на площадке было много. Малявки возились в снегу с пластиковыми лопатками. Снежки расплющивались о детей постарше. Одежда обросла снежными катышками, а варежки уже были мокрыми насквозь. Детский смех ударялся о тяжелые низкие тучи. На вершине ледяной горки образовалась возня. В очереди передо мной почти вплотную стояла

худощавая спина. «Ну давай уже быстрее! Чего ты телишься!» — гаркнул я в шерстяную синюю шапку с помпоном. Тут же свои слова я подкрепил действиями и толкнул мальчишку впереди себя с горки. Со свистом скатившись следом, я неожиданно влетел в женщину. Красные щеки ее во все лицо раздувались мехами. Казалось, от нее шел пар. Весь этот локомотив неожиданно начал движение. Молотя руками и ногами, она не думала, в какие части тела попадала. Начали подбегать другие мамы и случайные любопытные прохожие. Женщину оттаскивали два раза. Было ощущение, что наконец-то найден тот долгожданный выход своим проблемам, и, если она остановится, она будет вынуждена пожизненно страдать. Это была мать мальчика, которого я столкнул с горки перед собой. Не знаю, что ей в тот момент показалось. Наверное, в моих действиях ей виделась смертельная угроза для ее любимого чада. Она истошно орала на все площадку: «Мразь, я убью тебя! Как ты вообще посмел тронуть ребенка младше себя? Наркоманы, подонки, шляется по площадкам! Мать твою не смотрит за тобой! Руки распускаешь! Я все видела!»

«Женщина, прошу вас, успокойтесь, это же ребенок!» — Мужчина с трудом удерживал ее за локти со спины. Я услышал, что кто-то вызвал скорую и полицию. Видеть я уже не мог. Глаза заплыли, из разбитого носа текла кровь. Боль стала уходить, всем телом овладела слабость. Мне стало безразлично, в каком я виде и что я лежу на земле, а вокруг бегают незнакомые взрослые люди. Стало тепло, темно и уютно.

«К сожалению, необходимо наблюдение не одного месяца. Сотрясение, множественные ушибы, переломы челюсти, носа, двух ребер.

Перелом пятого грудного позвонка». Голос врача доносился издали и с трудом оседал в сознании. Тепло маминых слез в этот момент я ощущал сердцем, которое летело в пропасть. Детство осталось там, в колючем феврале, на горке.

Мне озвучили диагноз — паралич конечностей. Потянулись бесконечные минуты, часы, дни, недели боли. Мертвые мамы глаза и приклеенная улыбка из папьемаше. Я бы мог войти в книгу рекордов Гиннеса, если бы подсчитал за все время своей болезни, сколько раз я услышал фразу «все будет хорошо». Стадии осознания произошедшего, чтобы оказаться сразу же в стадии депрессии я нарисовал и распечатал в уме со скоростью света. А вот к принятию от депрессии путь затянулся на годы. Только днем и ночью отзывалось эхом: «Все будет хорошо». Смешно.

Бодрые голоса сверстников вперемешку с ветром залетали в форточку. Сонные лица учителей, которые приходили ко мне «в нагрузку» к тяжелой образовательной деятельности, угнетали и внушали отвращение к учебе. Зеленые обои, отпечатки пальцев на полированной дверце шкафа, циферблат часов на кухонной стене, серый колючий плед, зеленые обои, шкаф, часы... Скуку начали скрашивать медицинские словари и энциклопедии. Сначала я изучил все, что касается моего случая, а дальше затянуло... На глаза попала диссертация хирурга, в которой

был описан необычный метод восстановления пациентов со сломанным позвоночником. «Что я при этом теряю? Даже время сейчас для меня остановилось», — подумал я. Думал недолго и решил испытать этот метод на себе. Стена с зелеными обоями постепенно заполнилась полками с деревянными фигурками зверей. Ходить заново учился и ногами, и мозгами. К одиннадцатому классу я снова стал ходить. Конечно, сразу не побежал, но до медицинского института доехать сил хватало.

Однажды, когда я уже практиковал как молодой специалист, ко мне поступила пожилая женщина с внутренними повреждениями. Ей срочно требовалась операция, думать было некогда, но... я узнал в пациентке ту самую мамашу из далекого серого февраля. Этот момент подарил мне Всевышний, чтобы я мог обрести свободу и покой. Прийти к согласию с собой. И подарить прощение. Все будет хорошо.

— Лев Николаевич, вас уже заждались. Начинается награждение, приготовьтесь, пожалуйста. Мы за вас очень рады. Медаль за заслуги перед отечественным здравоохранением получают самые достойные!

Прозрение

Екатерина Суханова

Машину качнуло, и краем глаза я вновь увидел длинное платье Наташки. Коротких юбок она не носила, всегда хотела быть закрытой телом. Говорила, чтобы никто не смотрел другой — только я на неё, когда дома.

И сейчас — в этом цветочном платье, светло-розовом, жуть как непривлекательном, — говорит: отвези меня в Сергиев Посад. Хочу в последний раз с тобой куда-нибудь съездить. Юлит, баба. Хочет меня приворожить, чтобы был всегда с ней. Не выйдет. Хоть самую большую свечу в церкви поставь, не останусь с Наташкой.

Привык я к ней. К её серым глазкам, которые каждый раз смотрят, будто душу хотят разглядеть. Особенно когда утром в выходной просыпаюсь.

— Коля, ты бы вставал. Есть, наверное, хочешь.

Что мне есть, когда с мужиками полночи сидели и отмечали наш праздник? Сейчас и не припомню, какой. Да и какая разница, мало ли поводов у взрослых людей?

— Уйди, Наташка, не до тебя сейчас. Дай отдохнуть хоть на выходном.

А эта мышь сидит и смотрит на меня. Через одеяло чувствую. Серыми своими глазами — как сейчас, через окно машины смотрит на дома вокруг. И ничего не говорит. Одно слово — мышь.

Странная баба. Зачем женился? Да мать всё говорила: «Бери Наташку, всегда верна будет». Верна, да неинтересная совсем. Пять лет прожили, так и не поняла меня. Да и я её не понял, и нужно ли понимать?

Ошиблась мать, но я её не виню. Третий год в земле лежит, а Наташка за неё свечки ставит. Бабы — всегда заодно. Наташка всё к матери бегала, на соседнюю улицу. Что приготовит, то отложит и матери несёт. Благодарила, значит, что мать меня на ней женила. А толку-то? Сама безродная, никого у неё на земле нет, кроме меня. А она не ценит. Нарядилась бы хоть разок, чтобы на улице не стыдно вместе пройти.

На повороте я опять глянул на её ноги. Замаскировала этим страшным платьем, бледно-розовым, в мелкий цветочек. В армии была у нас подготовка: сделать себя невидимым. Так то для неприятеля, а тут — в мирное время баба ото всех людей отгородиться хочет.

Остановил машину, вышли. Наташка будто дома: вокруг такие же неинтересные женщины, не на кого посмотреть.

— Пойдём, — говорит, — в храм. К мощам приложимся.

Да какой я богомолец. Нет у меня столько времени в очередях стоять. Но пошёл.

Народу — тьма огибает храм. Молитвы нашёптывают, а я ни одной молитвы не знаю.

— Коля, пока ждём, давай подумаем о чём-то хорошем, добром. Что можно сделать, чтобы жизнь людей рядом была легче.

Легче... Мне бы пивка сейчас — жара невероятная. Да нельзя, за рулём я. Вспомнил, как был в городе, а там пиво продавали. В бочке. А рядом — беляши, загляденье! Продавщица в мятом колпаке смотрела не на деньги, а на руки, что эти деньги просовывали. В маленькое окошко ларька.

— Что, мамаша, руки мои понравились? — спросил я, уже весёлый, ведь пиво взял.

— У всех руки как руки, что в них... Сын обещал: как отмотаю срок, вернусь. Но так, чтобы ты меня по рукам узнала. Жизнь у зеков тяжёлая. Узнает ли родная мать после этого?

Глянул я на неё тогда. Сквозь витрину. Сквозь чупа-чупсы всякие, чипсы и прочую ерунду. А глаза у продавщицы грустные-грустные. Как у Наташки моей, когда в машину сегодня садилась.

Не помню, как отстояли очередь. О продавщице думал. Где она сейчас? Жива ли? Вернулся ли её сынок?

Зашли в храм, Наталья перекрестилась. Я рядом, как неприкаянный. Тяжело мне в тесноте.

А Наталья стоит рядом, крестится, глаза закрыты. О чём думает? Что у неё доброго в мыслях? Как меня удержать? Вот и все бабьи думы.

— Всё, Наталья, не пойду к мощам. Что я, октябрёнок, что ли, на Ленина пришёл поглазеть?

Я смотрел, как Наталья поднимается по ступенькам к раке. Крестится и кланяется. Юбка длинная поднимается чуть выше щиколотки и опускается. Издали бледные розовые цветы в узоре водят хоровод. На него

хочется смотреть. И только на него в этом храме.

Наталья подходит ко мне, словно зажмурившись. На глазах — слеза, на устах — улыбка. Косынка сбивается где-то сзади.

— Ты, наверно, устал, Коля? Пойдём к машине.

Наталья идёт впереди и оборачивается, чтобы ещё раз взглянуть на иконы. Взять невидимое благословение перед дальней дорогой. Перед неизвестностью, на которую я её обрекал тогда.

Глянул в её глаза и увидел в них не страдание, не ожидание лёгкого чуда, а довольство. Жизнью, которая для Наташки заготовлена.

И снова подумал я о продавщице из зашарканного ларька. Продавала закуску рядом с пивной бочкой. Что за жизнь у неё: кругом одна пьянь, сын в тюрьме. Руки в морщинах сдачу отсчитывают. А глаза — глубокие, как у моей Натальи.

— Что с тобой, Коля?

А я стою посередине дорожки, и прохожие меня обходят. Но не одёргивают, будто мысли читают, что в голове крутятся.

Так это же Наталья этими глазами всю жизнь на меня смотрит! А отражается-то что? Мусор какой-то, пьянки, невнимание моё, желание бросить.

Хотелось бежать так долго, пока всё гнилое не вытрясется. А потом упасть в траву, прогретую солнцем, и сказать самому себе:

— Теперь ты знаешь как жить, Коля.
Теперь всё вокруг — твоё.

Сага о Федоре

Алла Гугель

Часть 1. Михалыч

Михалыч открыл один глаз и пошевелил плетью изящных пальцев. Видать, не помер еще. Ухмыльнулась щелка в худой бороде. Ну с, и что у нас сегодня? А у нас мелкий дождь и мерзость. Серое. Даже клопы в старом матрасе притихли. Ну ничего. Пакетами подоткнемся и еще немного вздремнем. Улица приняла Михалыча как родное дитя, что ни день доставляя подарки. Вот вам йогурт порядочный и вполне сносные кальсоны. И хотя красоту мира приходилось видеть только одним глазом, временами он мог так расчувствоваться, что ронял на асфальт теплую слезу, в то время как вторая часть лица оставалась сухой и неподвижной.

В миру Михалыча звали Федором. Он промышлял написанием статей и мелких рассказов, некоторые из которых иногда публиковали в небольших электронных журналах. Пока однажды не преклонила та самая ночь, после которой... Хотя зачем же торопиться...

Федор жил беспокойно. Не нравился себе в зеркале, писал восторженные посты в соцсетях на двадцать пять лайков и плохо спал по ночам. Часто ему казалось, что по углам комнаты и под кроватью сидят тараканы и думают: «Вот бездарь лежит, ничего не делает, лучше бы печенье испек и по углам разбросал».

Чтобы не слушать их трескучее партсобрание, Федор выходил на улицу и садился на лавку. Он смотрел в темноту, пережидая гул тяжелых головных голосов. О

том, что толком никем не стал. Какой-то левый эсэмэщик с нереализованными писательскими амбициями. А ведь кто-то сейчас выпил пива, съел пельмени и смотрит телек, закинув волосатую ногу на толстую жену. И ему хорошо. А Федору плохо. С черного неба на его бледную изможденную фигуру смотрели холодные звезды, как равнодушные кошки, не желающие ничем ему помочь. На детских качелях под пластиковым козырьком сладостно храпел пьяный бомж. Не было больше у Федора сил терпеть эту тяготию. Он взял камень и стукнул себя по лицу...

После больницы Михалыч просто жил. На улице. Мылся в центральном городском фонтане, как стемнеет. Слушал, как изящно матерятся подростки, сидящие на крыше песочницы. Любил спать на старом матрасе около заброшенной стройки. Или просто лежать, разглядывая листву, наливающуюся изумрудным жаром весны. Одним целым глазом. А еще лучше и этот закрыть. Тогда внутри головы возникало легкое спокойное свечение, похожее на теплую ванночку. Отдыхай, Михалыч, лежи. Ведь нет ни одной причины ненавидеть себя, когда не знаешь, кто ты, и как тебя зовут.

Еще Михалычу нравилось забираться на крышу 32-этажного дома, смотреть, как носятся птицы и небо меняет цвет. Днем ему казалось, что облака похожи на пышную рисовую кашу, а ночью город напоминал рассыпанные по морскому дну драгоценности.

Бродяга полюбил людей и начал им помогать. Познакомился с Сонечкой М. Встреча их произошла на остановке. Она — худенький белокурый ангел с личиком Мии

Васиковски — бежала по горячему асфальту, сверкая трусами с Микки-маусом. Короткие джинсовые шорты ее были разорваны и болтались над тонкими ножками, как пена над куриным бульоном. «Боже, пронеси. Это было в последний раз. Я устроюсь в офис, я открою свой стартап и продам наброски», — молилось нежное создание в перекрученных сетчатых колготках, явно не успевая за причаливающим к остановке автобусом. За Сонечкой бежало чудовище в дорогом костюме, с красной мордой и волосатым пузом, выпрыгивающим из приспущенного ремня, как перекаченный пляжный мяч.

Один зоркий глаз Михалыча зафиксировал веселую морду приближающегося автобуса. Второй, закрытый, почувствовал чью-то боль. Это выглядело как ожог воздуха, как рыхлый розовый шрам в атмосфере. «Какая несчастная и маленькая». — Михалыч придержал створку автобусной двери, пропустив ее в салон.

А чудовище пнул в надутый живот, крепенько так, чтобы того всосала урна.

Автобус уехал, нерабочий глаз Михалыча больше не ощущал никаких атмосферных волнений. Но все изменилось в один день. Как-то раз он проснулся на детских качелях под треснутым козырьком. Лил чёртов дождь. В закрытый глаз падали капли. Рядом стояла няня-филиппинка, которая, невзирая на ливень, продолжала раскачивать визжащее дитя. Из ее мобильного доносились новости МУЗ-ТВ о том, что Лазарев покидает сцену. В ногах бездомного лежало полотенце, источающее химический аромат дешевого кондиционера, под головой валялся скомканный рюкзак с оторванной ручкой. «Что-то здесь не так», — подумал Михалыч, резко встал и охнул. Детская площадка находилась на высоте тридцать второго этажа. Город внизу исчез, превратившись в месиво сверкающих драгоценностей ростом с Петра Первого из «Музеона». Бродягу осенило. Все это нереально. Он просто спит. Или... Что намного страшнее. Стал персонажем дурацкого рассказа, где он не великий писатель Федор Д., а застрявший в чьих-то ежедневных этюдах одноглазый бомж Михалыч.

Часть 2. Письмо

«Любезнейшая Алла Игоревна!

Благодарю вас за хоть и краткое, но крайне интересное пребывание в ваших рассказах, куда вы переместили меня, вызволив из мест дальних, странных и довольно скучных. Честно признаться, не сразу понял ваш замысел. И почему я по сюжету не писатель, а нищий эсэмэщик (кстати, кто это?) вначале, а после одноглазый бродяга. Но позже свыкся и полюбил свою простую жизнь внутри вашего телефонного блокнота. Да, я многое изучил в вашем времени. Знаю, что такое мобильник. Интернет. И наружная реклама. Все это я наблюдал, пока лежал на старом матрасе около заброшенной стройки, откуда хорошо видно вечеряющий город и нависших над смартфонами уличных детей.

Что я хочу сказать вам, милейшая Алла Игоревна. Не останавливайтесь. Пишите дальше. Хотите про меня, а можете и про Льва Николаевича, он давно там у себя все покосил и стонет от скуки. Главное, пишите, ангел мой. Знаю по себе и сочувствую вашей писательской чесотке. И уверяю вас, что она не пройдет никогда.

До свидания, итак, возможно, еще свидимся.

Ваш Ф. М. Достоевский».

Часть 3. Нормальная

Алла Игоревна скинула с кровати чуть расплывшиеся ноги в лосинах с Микки-маусами, положила на тумбочку письмо и радостно зевнула. Хорошо, что все еще спят. Обход нескоро. Можно послушать шорохи дворника. Побывать кем-то маленьким, за кого не нужно ничего решать. Завтра ее выпишут. Раздвоения личности больше нет. Осталось только на письмо ответить и все снова будет нормально.

Сыр на троих

Ольга Жукова

Поезд резко затормозил, заставив стакан в металлическом подстаканнике съехать по столешнице и со звоном затормозить о борт стола. Михаил резко проснулся и, вглядываясь в чернильную мглу, силясь прочесть название полустанка. В паутине ветвей он рассмотрел надпись «...тьма». Символично. Поехал куда глаза глядят, в поисках новых смыслов, но все дороги ведут во тьму.

— Что за тьма такая?

— Не «тьма», а Тотьма. Деревня такая. Домов десять осталось, ферма еще, сыроварня. Что-то сегодня продавцов сыра не видеть, обычно ходят мужики разные...

Тотьма, в Тотьме, у Тотьмы, от повторения в ритме слова появился зыбкий смысл, обещание чего-то сказочного. Как Иванушка-дурачок находил все чудеса и радости жизни за тридевять земель, так и Тотьма вполне тянула на место, где Михаил мог найти нужную ему магию.

— Я, пожалуй, сойду, посмотрю, что за Тотьма такая. Сыр я люблю...

Михаил схватил рюкзак и выскочил из поезда одновременно с первым звуками, с которыми просыпается механизм, готовый к продолжению езды.

Свет медленно разбавлял уголь ночи, открывая новые детали. Ожидания Михаила увидеть грустные останки домов не оправдались. На него смотрела обаятельная деревня с разноцветными, почти пряничными домами, игриво выглядывающими из-за живописных рябин. Пейзаж не соответствовал образу, нарисованному ворчливой проводницей, хоть и было в нем что-то неестественное, кукольное.

Михаил уверенно пошел вперед, решив, что начать надо с директора или председателя главного органа власти. Тем более, что ранним утром на улице не было ни души, и даже сквозь приоткрытые окна не проникало ни единого звука обычной утренней хлопотни.

В сельсовете, несмотря на открытую дверь, тоже было тихо. Пятнистая дворовая собака с рваным ухом лениво проводила сквозь сон взглядом нового гостя, пара коз бодро общипывали торчащие сквозь забор астры.

В прохладе коридора Михаила вновь настигло ощущение пустоты. Специально топя громче обычного, он прислушивался к эху и никак не мог понять — где люди. И кабинетов ведь немало: две двери справа, две двери слева и прямо по курсу — начальник управления, Комаревцев В.К. Михаил осторожно постучал в дверь, с облегчением услышав звуки присутствия человеческого существа.

— Можно?

— Можно-можно!

Навстречу вышел бодрый человек, который одновременно был похож на Карла Маркса и Санта Клауса. Та же седая шевелюра волнами, та же окладистая борода, и даже улыбчивый взгляд из-под очков в тонкой золоченой оправе. В довершение книжного образа, В. К. был одет в бархатный темно-синий халат, расшитый бордовыми цветами.

Не менее интересным, чем хозяин, был и сам кабинет, в котором не было ничего от классического присутственного места. Пухлый диван, два кресла, старинный буфет с аккуратной сложенной посудой, цветущая герань на подоконнике.

— Приятно, очень приятно. Вот радость, как я ждал... — «Карл Маркс» долго тряс руку Михаила, выказывая неподдельную радость. — Валентин Климентьевич. А вас как звать-величать?

— Михаил, очень приятно.

Новый знакомый продолжать трясти руку, с силой сжимая её. У Михаила возникло ощущение, что он просто не хочет и даже боится её отпустить.

— Тихо у вас, люди-то где все?

— Какие люди? — Валентин Климентьевич собрал кустистые брови домиком. — А, люди. Ну вот, жена моя отлучилась. Давайте я вам лучше деревню нашу покажу.

Деревня Тотьма и при близком рассмотрении оказалась весьма приятным местом. Порядка двадцати свежеразкрашенных домиков, краска для которых выбиралась по принципу «чем ярче, тем лучше». Дошли и до небольшой фермы, где в двух чисто убранных помещениях с одной стороны скучающие жевали три десятка упитанных коров, а с другой на них смотрели столько же коз. Комаревцев был немногословен, и по большей части фиксировал то, что видел. Вот, значит, ферма, вот, значит, мой дом, а этот, значит, соседский. Там, значит, у нас пруд, а эт, значит, подстанция.

— Хорошо, только не пойму — где люди? Вторник, утро, столько домов, а нет никого...

— Наблюдательный какой. Ну нет никого, нет. Жена скоро приедет, говорю ведь. Ты знаешь, что, пойдём чаю выпьем, и я тебе всё расскажу. Ты, главное, не бойся.

Владлен Климентьевич зашел в ближайший дом, прошел на кухню и начал уверенно хозяйничать, доставая чашки, блюдца, пряники, небольшой графин с темно-бордовой жидкостью.

— Ну, за новую жизнь! — Комаревцев уверенно опрокинул рюмку с наливкой и запил крепким чаем. — Где люди, спрашиваешь? А нет никого. Последний — Колька «математик» — прошлой весной укатил.

В речи Климентьевича, благодаря наливке, появились остановки и особенная тягучесть, и это давало время на обдумывание его рассказа. Деревня Тотьма уже год как опустела. Владлен Климентьевич и его жена Мария остались вдвоем.

— А окна в домах? Я ведь видел, включают, выключают. А мужики разные, которые сыром торгуют? Проводница в поезде рассказывала.

— С сыром — это я. Приходится, правда, немного внешность менять. Но в темноте незаметно. Пару раз и Маша ходила, но сыр у мужчин лучше берут. А электричество... сперва приходилось вручную ходить включать, а сейчас пульт у меня есть такой, знаешь, на диджейский похож. Нажал, отжал.

Владлен и его жена не только включали и выключали свет. Они отвечали на массу писем, реагировали на телефонные звонки, виртуозно имитируя разные голоса, при этом отлично помнили, какой голос кому принадлежит. Вот бухгалтер, Татьяна Ивановна, а вот уже и зоотехник Михалыч обсуждает с партнерами закупку фуража.

— А зачем весь этот театр?

— Так закроют деревню, если узнают, что здесь нет никого. Поезд останавливаться не будет, электричество отведут. А так, глядишь, вернется народ. Красота-то у нас какая! Теперь втроем знаешь как заживем?

— Втроем? — Михаил с сомнением покачал головой, в первую секунду посчитав предположение нового знакомого полным бредом.

— Ну да! Оставайся! Денег — во! — Владлен энергично рубанул ладонью по шее. — У меня ж тридцать человек как бы работает, зарплата приходит. И тебя устроим кем-нибудь. Ты кто по специальности?

— Учитель истории.

— Школы пока нет, прощения просим. Будешь электриком, ветеринаром, инженером, в конце концов. Новую профессию освоишь, я

ведь тоже ничего не умел, а сейчас любимого, благо в интернете всему учат.

Идея Владлена уже не казалась Михаилу такой абсурдной. Психолог что сказал? Развернуться на 180, пере придумать себя, пере придумать свою жизнь, разорвать себя на части, чтобы срослось заново и появилась бы в местах сращения новая чувствительность.

— Я всегда мечтал научиться сыр варить, можно?

— Семь лет в этом поезде работаю, впервые у меня в Тотьме кто-то выходит, — сказала проводница, с усилием опуская подножку.

— Да, к нам редко кто-то приезжает, — ответил Михаил и весело зашагал домой.

Богу одному. Фрагмент романа

Анна Леонтьева

Катя медленно и как-то по-утиному, переваливаясь с ноги на ногу, вышла в коридор. Тот, в форме, запер за ней дверь и проводил до выхода. Он что-то сказал — она не услышала. Не слышала ни лязга решеток, ни хлопанья дверей. Не чувствовала холодного ноябрьского воздуха, пропахшего здесь мочой и тушеной капустой.

Ноги несли вперед. Она повиновалась.

На краю тюремного сквера, посаженного ещё при её великой тётке, повелевшей сто лет назад перестроить острог, чтоб не посрамил города своею ветхостью, Катя остановилась. Вспомнила, что здесь условились они встретиться с Тарасом, чтобы ехать ночевать к его куме, а завтра уж чуть свет двигаться домой.

Катя села на край скамейки, уперлась широко расставленными ногами в подмерзшую землю. “А там и опереться было не обо что”, — подумалось вдруг. Тот, в форме, посадил её на стол, отодвинув раскрытую тетрадь. Ступни болтались в воздухе. Она уцепилась руками за край, чтобы не упасть.

Тот почти не трогал её, только, входя, держал за бедра, для удобства. Пальцы были сильные и твердые, как у акушерки. Внутри было больно. Она вспомнила, как терпела в первый раз, с Фейей. Ради него. Он чувствовал, что ей больно, но не умел иначе и плакал, а она вытирала ему слезы и гладила по мокрым от пота волосам. Где-то он теперь?

Стало мокро. *Тот* выдохнул, выпустил ее, застегнул штаны. Бросил серое вафельное

полотенце с расплывшейся чернильной печатью. Думала, чтобы обтереться — оказалось, обтереть стол.

— *Теперь жить будет контрик твой, не боись. Я уж распоряджусь, чтоб ссылку ему дали вместо того самого.* — То самое он показал пальцами, целясь в нее. — *Заработала.*

Начинало темнеть. Вдалеке, у кладбища, зазвонили ко всенощной. Звук был глухой, резкий и проникал не в уши, как следовало, а куда-то ниже шеи, за пазуху и, холодный, спускался под платье, прилипал к груди и животу.

Катя вздрогнула: *тот* не спросил фамилию!

Весь сегодняшний день прошел перед ней медленно, кадр за кадром. Нет! Ни разу не спросил и не назвал.

Там в очереди стояло еще человек двадцать, в основном баб. Лязгнула решетка. *Тот* шел по коридору, рассматривая очередь. Катя стояла последней. *Тот* окликнул ее, велел следовать за ним. Она повиновалась. Они шли долго по коридору, молча. Пахло махоркой и семечками. Крашеная деревянная дверь открылась со скрипом. *Тот* матюгнулся. Комната была без окна, узкая. Справа стол, покрытый клеенкой. Над ним огромная, во всю стену, доска. Или, может, это не доска была огромная, а стена маленькая? На доске ключи. Каждый на гвоздике, под своим номером. И много пустых гвоздиков, без ключей. *Тот* повернул ключ в двери — щелкнул замок.

— *Контрика твоего судить будем.
Революционным судом. Хошь — расстреляем?*

Она раскрыла рот, чтобы вскрикнуть, но воздух застрял в горле.

— *Хошь, что ли?*

Тот смотрел на неё, совсем молоденький, голубоглазый, широкоскулый, с неумело выбритыми щеками. Молчал. Улыбался. Ждал. Она почувствовала, что надо ответить. Заставила себя помотать головой.

— *Не хошь, значит? Тады раздягайся.*

Она не поняла.

— *Чего вылупилась? Быстрей давай. Некогда мне!*

Что было потом, она помнила плохо, урывками. Когда вставала со стола, прилипшая к ягодице клеенка обожгла кожу. И то твёрдое, чужое внутри. Оно будто осталось там до сих

пор. Проросло, потянулось вверх, дошло до горла и там застряло. Катю мутило. Она заставила себя еще раз увидеть и услышать все, что произошло. Потом еще раз. Фамилии не было. Точно. Значит, не спросил. Не-спросил. Не-спро-сил. Не-спро-сил. Не-спро-сил. Не... Колокол бумкнул в последний раз и смолк.

Приехал Тарас в прекрасном расположении духа: торговля удалась. У Кумы пили чай. Потом пошли спать. С утра зарядил мелкий дождь. Пахло прелыми листьями и подгнившими яблоками. Тарасова Маруся мерно цокала по мостовой, с опаской поглядывая на растянувшиеся слева железнодорожные пути. Только что по ним пропыхтел состав. Он тащился так медленно, что грамотный теперь Тарас успел разобрать надпись на одном из вагонов.

— *Ишь ты, спецоборудование повезли, —* гордо сообщил он дремавшей в телеге Кате.

Состав шел на север, в Свирские лагеря. В одном из вагонов сидели на нарах, прижавшись друг к другу, чтобы согреться, отец Петр и отец Федор.

Воспоминание в Аптекарском

Елена Мацан

Василий сидел на скамейке в увитой плющом галерее. Он всё чаще вспоминал время, когда в его волосах было меньше седины, а футболка с надписью «Metallica» выглядела на нём уместно.

— Почему я тогда не женился? Почему не съехал от родителей, как просила Анфиска?

Анька — на студенческих попойках в обшарпанных кухнях хрущёвок, Фися — в материнском доме на окраине города, Анфиса Сергевна — на кафедре филологии, где подрабатывала лаборанткой. Но для него — вечная Анфиска с тощими руками и ногами, нескладная, в длинном мешковатом свитере и чертинкой в глазах за толстыми стёклами очков.

— Вась, догоняй! — и снежок летел ему в лицо.

Он догонял. Они смеялись и прятались от холода в ближайшем подъезде. Целовались в библиотеке, в институтских кабинетах, в музеях и дешёвых кинотеатрах. И здесь, в Аптекарском огороде.

Могли бы и сейчас прийти сюда вместе, прятаться в ветвях плакучей ивы, он бы целовал её обгрызенные ногти. «Не грызи, мышонок!» А она бы любовалась кувшинками и читала стихи. Её любимого Блока! А он бы слушал и улыбался...

Вдруг кто-то зашуршал складками юбки рядом с ним на скамейке. Он вздрогнул от неожиданности.

«Это же надо — усесться без спроса! Хоть бы поинтересовалась, не против ли я. Сплошь пустые скамейки вокруг, а она...» — думал он, пока отодвигался от непрощенной гостьи. Затем взглянул на неё.

В ответ на него смотрела смутно знакомая женщина. Пару секунд он пытался вспомнить, где мог её видеть. Из-под соломенного цвета каре торчали бордовые дужки очков. Полосатый свитерок облегал полную грудь и живот, в руке она держала зонтик с котятками.

— Не узнал? Это же я! Анфиса.

Он посмотрел на неё непонимающим взглядом, огляделся. По саду гуляли люди, мелко моросил дождь.

— А как ты здесь?..

— Как и ты, наверное. Сегодня же наша годовщина. Я порой захожу десятого сентября. Сижу тут, вспоминаю студенческие годы. А сегодня смотрю — ты!

И она неожиданно жала его в крепких объятиях. Тонкий запах прошлого — старых книг, мыла, полоски кожи за ухом — гасил терпкий аромат женской туалетной воды, совершенно ему незнакомой.

— Не женился?

Он отрицательно покачал головой.

— А я, представляешь, вышла замуж! Лет через пять, как мы расстались. Детишек родила.

— Нескольких?

— Двоих. Светочку и Васю.

— Васю?

— Это не в честь тебя, не думай. Просто имя красивое.

— А где работаешь?

— В институте. Филологию преподаю. Диссертацию защитила и докторскую. И муж у меня доктором наук был. Философом. Умер пару лет назад.

— Соболезную.

— Спасибо.

Они посидели молча.

— Помнишь, как мы тут до полуночи засиживались? Прятались от зрителя вон там, в ивах. А потом убежали.

Он улыбнулся, а она залилась смехом. И он подумал, что она сейчас напоминает не его Анфису, а её мать. Мать Анфисы, вот на кого она была похожа! Всегда по хозяйству, весь дом на ней, огород. И всё она держала в порядке. Перекаtywалась по участку, как мячик, быстро и весело.

— Да, было, было было, — Анфиса вдруг соскочила со скамейки, встала перед ним и начала декламировать:

Свершился дней круговорот.

Какая ложь, какая сила

Тебя, прошедшее, вернет?..

Она читала стихотворение дальше, а он прикрыл глаза и только слушал голос. Всё тот же. И то же стихотворение, которое он слышал сотни раз. Она читала Блока на улице, в транспорте, в постели. На кухне, пока он готовил обед. Ей готовить не позволял, потому что она попросту не умела. Картошку всегда пережаривала. Как-то испекла пирог — он чуть зуб не сломал.

«Сегодня мама, кстати, пекла пироги. Наверное, сейчас они как раз “отдыхают” под белым вафельным полотенцем», — он представил себе нежную начинку из яйца с зелёным луком и улыбнулся.

— Улыбаешься, как раньше. Не хватало тебе моих стихов?

Он открыл глаза. Анфиса нежно ему улыбалась и кокетливо косила глаза. Раньше не умела кокетничать. Наверное, жизнь научила.

— Пойдём ко мне? Я сегодня пирог пекла, с яблоками. В этом году яблоки с дачи мешками возим! С детьми познакомишься, и пакет вот донести сможешь. Я недалеко живу.

Он только сейчас увидел на краю скамейке пакет из «Перекрёстка».

«Зачем она пришла в Аптекарский огород с пакетом? Кто её пустил?» — пронеслось у него в голове, пока он изучал содержимое через полупрозрачный пластик. Батон, огурцы, майонез, жидкость для промывки труб. И эта жидкость, эти засоренные трубы запустили по его телу дрожь, которая бежала сначала по кругу живота, потом по ногам и рукам, и когда она добралась до головы, Василий уже был на ногах.

— Сегодня не получится, давай как-нибудь потом.

— Может, тогда телефонами обменяемся?

Но он уже спешил прочь из галереи.

— В следующий раз!

Пролезая через арку из прутьев, он оглянулся. В галерее было пусто. На секунду он замешкался — что за чёрт? — а затем быстро пошёл к выходу.

Проходя мимо охранника, он задел плечом худую женщину в солнечных очках и чёрном пиджаке.

— Извините, — бросил он на бегу.

Женщина обернулась и какое-то время внимательно смотрела Василию вслед. Затем протянула охраннику билет, зажатый между длинными пальцами с погрызанными ногтями, и зашла в парк.

Далеко-близко

Елена Тянь

Мама хлопчет у стола. Уже заварена свежая заварка цвета выдержанной массандры и торжественно извлечены из серванта чашки из неприкосновенного (во времена моего детства) сервиза «Мадонна». Уже вспорота и обнажена пачка зефира на столе, выужена банка желейного черносмородинового варенья. Мы сидим втроем, предвкушая вкус чаепития и предстоящей беседы, жадно вдыхая запахи. Мама разливает заварку по чашкам. Ей шестьдесят семь, и ее руки потрясывают от возраста, лицо изрисовано тысячей морщин и морщинок. Больше всего их у глаз. С возрастом, мне кажется, что она все больше становится похожа на маленькую девочку. Девочка все чаще проглядывает сквозь паутину морщин, ожидая похвалы и заботы. Мамино лицо всегда озаряет широкая улыбка. Вопреки, несмотря, наперекор.

Папа сидит, облокотившись о стол, зевает и почесывает свою моложавую голову без единого седого волоска. Ему шестьдесят девять. Седыми с возрастом у него стали только брови и борода, когда отрастает, а голова... «Голова как у мальчика», — всегда говорит мама и взъерошивает его русую, слишком мягкую шевелюру. Папа пятерней разглаживает свалявшиеся со сна волосы и молчит. Никакой тебе улыбки, все скрыто внутри. Голова и глаза опущены.

От чашек струится пар и чуть горьковатый запах. Мы пьем и молчим, как будто настраиваемся друг на друга, ловим волну, всматриваемся и заново привыкаем. Сначала всегда чувствую какое-то напряжение и вину, как будто я чего-то не успеваю — чаще бывать с родителями, больше общаться, быть мягче, нежнее. Это меня злит. Потому что мой внутренний трепет о них, мое непроходящее беспокойство как будто не желают быть

обнаруженными и разоблаченными. Мой страх снова потерять заперт внутри меня, как в клетке. Напряжение. Бесконечное внутреннее напряжение. Я боюсь остаться совсем одна.

Иногда я думаю, что так и не выросла, а осталась маленькой, насмерть напуганной девочкой, удирающей от преследующих меня ужасов. И кажется, я все еще бегу, пытаюсь от них скрыться, ускользнуть, исчезнуть, обмануть, прикинувшись мертвой, не дышащей, спокойной и равнодушной. И нет того поворота, за которым я могу отдышаться, чтобы потом спокойно пойти своей дорогой.

Незаметно затягивается беседа о том о сем. Как там я? Как внучки? Как дела у мужа? Что с хозяйством? Неспешно отвечаю, рассказываю, родители внимательно слушают, участливо кивают, радуются или негодуют в зависимости от эпизода истории. Они рады, им хочется слушать и говорить. Потихоньку разговор соскальзывает в прошлое, как когда-то в детстве на санках вместе с папой мы скатывались по берегу пруда. Яркое зимнее солнце, отражаясь от белой, искрящейся поверхности снега, режет глаза. Я щурюсь и почти ничего не вижу. Папа в пальто и кроличьей шапке пристраивается на санки сзади. Его задирающиеся по бокам ноги — как защитные борта. Он медленно отталкивается от заснеженного берега, мы сначала тихонько скользим по снегу, потом мама подталкивает папу в спину, и мы ныряем с крутого склона вниз, к заснеженной глади пруда. Ветер обжигает мои щеки, под нами быстро мелькает укатанная санками и картонками белая земля, и снег, соскобленный лезвиями санок при торможении, запорашивает мое лицо. Ледяные брызги тают на моих щеках, и я морщусь.

Смотрю на блестящую поверхность чая в чашке, почти прудовую. Недавнее и далекое оживает в нашем семейном прошлом, и мы блуждаем в его лабиринтах. Сначала я думала, что это от возраста — прошлое помнится ярче и прочнее, чем вчерашний день, а потом поняла, что нет. Там, в нашей памяти, нас всегда четверо. Ты, живая, присоединяешься к нам. Там я старшая сестра, а ты младшая. Там, пусть на коротко, нас двое, и я не единственный ребенок, у меня есть ты.

Мы вспоминаем наше житье в коммунальной квартире, поездки в деревню к бабушкам и дедушкам, время детства родителей. В воспоминаниях оживают лица, фигуры, истории. Становится жарко и как будто тесно за столом. Уже рядом мой дед, Василий Савельевич, с самодельной мухобойкой в руке степенно выхаживает по дощатому полу в кирзовых сапогах, неизменных галифе и белой майке. Он высматривает мух и, попыхивая самокруткой, выносит им окончательный приговор как на войне, метко попадая в цель. Моя маленькая бабушка Катя с гребенкой в волосах и платком поверх плеч быстро вяжет очередной носок, сидя на стуле и прихлебывая чай. Чуть поодаль, с абсолютно прямой спиной и аккуратной прической, чинно сидит моя вторая бабушка Матрёна, которую мы зовем Маша, потому что ее имя ей не нравится. Она ждет, когда ее еще раз пригласят к столу. На диване — второй дед, Матвей, молча смотрит на всех. Мамин брат, мой дядя Володя, неспособный абсолютно сидеть без дела, выстукивает свою очередную чеканку и смеется. Доброта в его глазах, голосе. Дядя Саша, пытается незаметно пропустить стаканчик и затягивает очередную историю дальнобойщика. Тетя Валя хлопочет у раковины, поддерживая разговор за столом и

освещая своей широкой улыбкой наше семейное сборище. Тетя Лида строгим голосом пересказывает последние новости Новомосковска. А ты хохочешь, склоняясь над своей чашкой и наполняя ее пузырями воздуха, заливаешься тоненьким звонким смехом, и комната как будто наполняется звоном тысячи колокольчиков. Нас сразу много, все живы, нам весело и нет никакой вины. Всем хватает места, никому не тесно и можно бесконечно пить чай и подтрунивать друг над другом. Жарить котлеты, смаковать последние деревенские и городские новости, строить планы. Можно обнять друг друга. Прижаться и вдохнуть запах твоих пшеничных волос. Проверить упругость железного пресса дяди Саши. Расспросить вот сейчас деда про войну и все записать. Научиться, не откладывая, у дяди Володи делать эту чеканку, поболтать с тетей Валей... И так хорошо всем рядом. Так правильно быть частью чего-то большого. Вплетать свой узор в семейную паутину и быть кусочком общей картины. Быть внутри сети, ловко пружинящей и защищающей от вибраций любого землетрясения или цунами.

Мы латаем дыры, оживляя картинки прошлого. Наша память и энергия делают на мгновенья невозможное — подтягивают и связывают оборвавшиеся концы. Почти преуспеваем в починке, и кажется, что все как прежде. Но прорехи остаются. И пестреющая пустотами паутина трепещет на беспощадном ветру. Ты бы лучше, чем я, справлялась. Тебе бы хватало терпения и нежности, и мама бы чаще улыбалась, и папа бы больше шутил. И мне надо больше стараться.

Стулья пустеют. Становится тихо. За столом нас трое. Мы пьем чай и молчим.

Далия

Алмн Джанаева

Ходят слухи о том, что все цветочные феи одинаково глупы. Мол, настолько, что не всегда могут отличить, когда закончилось лето и началась осень. Вспомнилось это неожиданно, когда Далия уже подъезжала к нужной станции. Такое могло касаться только изнеженных роз (самые лучшие из них были те ещё стервы), ну, может быть, орхидей, хотя с последними она пересекалась слишком редко. Дорогу в Аптекарский огород забыть было невозможно. Вот Проспект мира, кольцо, народу — как семечек в подсолнухе. Тут тебе смешался и Милан, и Самарканд, и Сибирь. Многомиллионный московский котёл шумел и варился день ото дня.

Далия пошатнулась на каблуках и чуть не упала на эскалаторе, по привычке шевельнула лопатками, но тут же чуть не вскрикнула от резкой боли. Спину свело судорогой, беспощадной и оглушающей. На ощупь она схватила поручень и перевела дыхание. Казалось, что длинные полосы на спине закровоточили и зазудели. Это был обман. «Фантомные боли», — вспомнила Далия и поморщилась от собственных воспоминаний. Город душил её, высасывал из неё последние крохи волшебства. Сначала гигантский рост, затем вынужденное питание едой, невкусной и тяжелой, и напоследок, отмирание крыльев.

В Аптекарский она зашла по-свойски, махнула удостоверением сотрудника на полставки перед лицом охранника. По привычке чуть замедлила шаг, но на неё даже не взглянули. Было чуть обидно, раньше на её разлетающуюся юбку и яркую улыбку люди реагировали куда чаще, может быть, потому, что Далия носила цветы в волосах, всегда георгины, в любой сезон. Раньше сорванные ею цветы не увядали даже в разгар зимы,

теперь же георгины держались неделю максимум.

Центральная аллея пестрела луговыми и полевыми цветами, но их покровительниц не было видно. Далия наклонилась к цветам, чтобы их понюхать, но оступилась на скользком гравии и чуть не свалилась в кусты. Её щеки вспыхнули от досады. Она в очередной раз выставила себя душой, потому что даже не слышала, а чувствовала звонкие насмешки. Дурацких роз было слышно даже издалека. Вот одна хохотнула из букета, подаренного на свидании. Другая отозвалась в петельке румяного от солнечного жара жениха, вырвавшегося из оранжереи.

«Это Далия... Ну, та выскочка, которая... да! Ещё жива, представляете? С ума сойти, я бы на её месте со стыда увяла...»

Далия нервно оглянулась по сторонам и быстро свернула налево, попав в сад лекарственных трав — маленький лабиринт из молчаливых и безучастных растений. Здесь она перевела дух и пригладила волосы, убирая прилипшие пряди со лба. Проклятые розы со своими сплетнями и их способность разговаривать друг с другом на больших расстояниях! Всё никак не успокоятся.

Идти оставалось недолго. Лаванда качнула ей головой — длинноногая, стройная и чарующая. В своём светло-фиолетовом свитерке (очень модным в этом сезоне) и узкой болотной юбке Лаванда выглядела как всегда прекрасно. Далия также кивнула ей и прошла дальше, замечая впереди другую старую знакомую.

Гортензия зябко куталась в дырчатую ржавую шаль, сидя на скамейке. Розовое платье совсем не спасало от осеннего ветра. Увидев Далию, Гортензия сгорбилась и стала выглядеть ещё жалче. На некогда нежно-розовых волосах пробивался настоящий оттенок, вылезая тут и там ярко-каштановыми пятнами с черными вкраплениями. Прозрачные крылья за её спиной трепетали, но не звенели. Гортензия спрятала лицо в шали и сделала вид, что её здесь вовсе нет. Далия тоже притворилась, что никого не видела. Отставные феи друг для друга не существовали.

Альпийский бельведер был похож на крепость, видимо, поэтому дети с радостными криками появлялись на его верхушке. Семей было много, солнечный денек давал насладиться и прохладой, и теплом. Были и молодые парочки, выгуливающие парные пальто, и постаревшие вместе подруги, трогательно ходящие под ручку, и редкие одиночки в наушниках. Далия издалека узнала знакомые силуэты, практически унюхала родной аромат. Каблуки вязли в земле, Далия спотыкалась, но бежала-бежала к своим цветам.

Первой к ней повернулась Хемисфера, гордый профиль которой озарился неподдельной радостью.

— Далия! — закричала она и бросилась в объятья. — Как же мы по тебе скучали! Ждали тебя ещё два дня назад, а ты всё не приходила.

— Я спешила как могла, мои дорогие, — растрогалась Далия и с нежностью приобняла Хемисферу. — Но теперь я здесь. Расскажите мне, как ваши дела?

И Хемисфера затараторила, путаясь в словах. Про славных пчёл из ближайшей пасеки, про невежливых людей, хватающих прямо за бутон, про ласковые руки сотрудников, когда те пересаживали их на это место. А потом её перебила Ребекка:

— Думаю, что нам следует поторопиться. Далия не может быть здесь вечно.

Свит посмотрела на неё с укором и всплеснула руками.

— А я думаю, что с тебя не убудет, если ты хоть раз уберешь это снобское выражение лица!

И без того розовощекая Ребекка покраснела ещё больше и закачалась на тонких ногах. Но не успела она ничего ответить, как Далия пискнула от радости и напора двух близняшек.

Это были Миями и Когане. Невысокого роста, с аккуратным геометрическим узором и резными листьями, они были задорными и активными девчушками, плевавшими на условности. Для них вернувшаяся фея по-прежнему являлась той самой, единственной их покровительницей.

— Далия-сама! Мы рады вас приветствовать! — сказали близняшки хором и подхватили Далию с двух сторон, уводя в самый центр цветника.

Там собрались все остальные. Нежная Натали застенчиво улыбнулась, Мирелла одернула строгий розовый костюм, Ирен, красующаяся в центре, напротив, расправила пышную оранжево-красную юбку. Сэм, единственный парень среди подопечных Далии, вскинул руку в приветствии и хотел было подойти, но замороженно глядящие на него Айриш, Дебби, Никки и Эллен не дали ему этого сделать. Бедняга Сэм страдал от своей популярности среди подруг. В обычное время он тусил у флоксов, например, у Архангела, который также сводил всех с ума греческим происхождением и белоснежной рубашкой на голое тело.

Далия остановилась, не дойдя до центра, все вдруг резко замолчали. Даже хохотушка Линда оборвала раскатистый смех и посерьёзнула.

— Время для обряда. — Сэм выступил вперед. — Прошу вас, мисс Далия, подойдите сюда.

Цветы окружили Далию плотной стеной, и сердце у неё затрепетало быстро-быстро, как молоточек по наковальне. Она уже не видела лиц — только красочные пятна, которые покачивались на ветру и сливались воедино, распадаясь на другие цвета. Далия вздохнула и перестала быть человеком. Очень просто, была и вот не стала. Цветы молча разошлись, давая осеннему солнцу пролить последние лучи тепла на центр цветника. Прошла долгая минута, потом ещё девять таких же.

Ребекка во всеуслышание презрительно фыркнула и дёрнула ножкой, обутой в темно-зеленый башмачок. Натали поникла, отвернулась и сложила не только свои, но и чужие листики. Постепенно все устали и перестали ждать чуда. В центре остались только Миями и Когане да Хемисфера с Сэмом. Они терпеливо следили за тем, как заходит солнце.

Далия не знала, сколько времени прошло с обряда, но пришла в себя легко и быстро, словно бы вдоволь выпалась. Первым, что она увидела, было темнеющее небо. Воздух ощущался по-другому, да и ветер теперь был живым и напевал песни собственного сочинения.

— Мисс Эвелин?

Далия обернулась. Сэм протягивал ей руку, и она с благодарностью её приняла. Кожа её теперь была жемчужно-белой, на лицо сиреневато-розовой дымкой упали волосы. Новая одежда переливалась перламутром даже в сумерках. Эвелин поднялась на ноги, затрепетала на ветру и заправила мешающую прядь за ухо.

— Добрый вечер! — поздоровалась она со всеми и сама удивилась, какой у неё медовый голосок.

Цветы зашумели и потянулись к новенькой. Эвелин смущалась и принимала поздравления, постепенно забывая о жизни до. Так уж было заведено в этом мире, что цветочные феи не были глупыми или забывчивыми, просто прежде всего они были цветами. А цветку простительна любая недолговечность, лишь бы он расцвел хотя бы раз в жизни.

Зуб Липавского

Дарья Кириллова

У Липавского разболелся зуб. Около четырех часов ночи он проснулся и начал ходить по квартире. Электричество не стал включать, жену будить не стал. За окнами спящий город тускло желтел фонарями. Черные окна в соседних домах зияли пустотой. Летел снег. Ка-ак же но-о-оет. А завтра премьера! Ведь знал же и предчувствовал, что пора уже, что заболит, но все было не собраться, откладывал, забывал. Не хотелось на это отвлекаться. Пойти к зубному, когда у тебя ничего не болит, когда у тебя репетиции, тебе надо все везде успеть — это как остановка во времени, остановка в потоке жизни. Надо пойти на прием в назначенный день, в назначенный час, одним разом не отделаешься. Запишут еще в какое-нибудь неудобное, невозможное время. Что за черт — боль не унималась, становилась все нестерпимее. Семь утра. Липавский изнемог. Поликлиника открывается в восемь. «Поеду уже», — решил. Умылся, натянул термобелье, брюки и свитер:

— Лена, у меня зуб разболелся. Я поеду к врачу.

Лена только промурлыкала что-то в ответ. Сегодня у нее выходной, и она допоздна дописывала статью. Кажется, что-то о Достоевском.

Под снегом, кутаясь в шубу и нахлобучивая меховую шапку, добежал до остановки. Как раз подошел трамвай. Скукожил на заднем сиденье без мыслей в холодной сизой бесприютности. Считал остановки. Первая. Вторая. Третья. Четвертая. Пора. Пока ехал, началась пурга. Пройти минут пять пешком. Что такое?! Серо окрашенная новая металлическая дверь оказалась закрыта.

Черные, напечатанные на принтере буквы, вставленные в файл, чтобы бумага не намочла, безучастно смотрели в серые глаза Липавскому: «Сегодня поликлиника работает с 9.30». Выдохнул и ослабел. Ноги медленно и неуверенно понесли его, сжавшегося до боли в зубе, без мыслей, по заметным улицам, сквозь ветер и снег, неведомо куда. Навстречу ему попался лохматый пес. Пристально заглянул пес Липавскому глубоко в глаза и, не прекращая перебирать лапами, просеменил мимо. От этого боль превратилась в чувство мучительного одиночества, гнетущие мысли полезли вместе с холодом под шубу и проникли в мозг: нужен ли вообще режиссер? — Липавский был театральным режиссер — нужны ли эти его страдания в поисках истины, куда он все время стремиться, за чем гонится, что он хочет от своих артистов и даже требует? Новый спектакль вообразился перед мысленным взором и не понравился ему. Завтра премьера...

По дороге его обогнала скорая с мигалками. Лучше бы его везли в этой скорой. Лежал бы спокойно в больнице, Лена приносила бы ему апельсины. Или мандарины...

Вдруг опомнился. Оказывается, уже и снег перестал. Фонари выключили. Снова перед ним эта серая металлическая дверь. На этот раз — открыто — конечно, уже десять. Разделся, сдал шубу в гардероб, натянул бахилы за десять рублей — купил в автомате.

В регистратуру уже выстроилась очередь. Взял номерок к дежурному — второй. Поднялся к кабинету. Дежурный врач был занят пациентом. Присел на коричневую банкетку и стал ждать. Кабинет находился на

лестничной площадке между вторым и третьим этажами и мимо то и дело сновали люди, дети, врачи. Тускло мигал свет — что-то сломалось там. Наконец дверь распахнулась, выпустив молодую симпатичную девушку.

— Следующий.

Вошел Липавский. Врач что-то дописывал. За большим арочным, незанавешенным почему-то окном уже был день. Виден был дом напротив.

— Очень зуб болит. Внизу. Справа.

— Давайте. Посмотрим.

Сел в кресло напротив окна. Зуб совсем был негодный — пришлось удалить.

Думал, выходя из поликлиники: опаздываю на генеральный прогон, — но все же поехал обратно домой.

На остановке толпился народ. Долго ждали трамвая. Замело все. Пробки. Люди уходили, ругаясь, искать другие способы добраться в нужные им места. Замерз. До метро не пошел — все всматривался в даль, переминаясь от холода, не идет ли трамвай, с минуты на минуту должен, вот-вот. Хотелось домой. Хотелось есть. О репетиции не думалось сейчас. Вот и трамвай.

Как же приятно позавтракать дома с женой. Рассказать ей о своих злоключениях, которые уже позади и канули в вечность. Вдохнуть аромат ее духов и почувствовать себя в безопасности и далеко от этого проглатывающего тебя ноющего одиночества и холода.

Липавский опоздал на репетицию. Начали без него. В приоткрытую дверь слышно было, что там происходит в зале. Происходит спектакль. Кресла зрительного зала пусты. На сцене — свет. Артисты играют одни, в тишине. Играют так гладко и хорошо, никому ничего не

доказывая, не пытаясь сыграть лучше, чем могут. Происходит жизнь. Тишина звучит.

— Нет, нет!

Пускай нас отведут скорей в темницу.

Там мы, как птицы в клетке, будем петь.

Ты станешь под мое благословенье,

Я на колени, стану пред тобой,

Моля прощенья.

Липавский стоял и слушал, затаив дыхание и наслаждаясь, что ему не надо ничего делать, все само собой совершается. Заглянул потом тихонько, чтобы не нарушить. Чудно. Ходят по сцене. Разговаривают. Такие серьезные. Играют.

Закончили. Липавский вошел. Затараторили.

— Константин Юрьевич, здравствуйте. Мы прогнали уже по-быстрому. Давайте, репетировать. Ждем вас. Там в последней сцене..

— Я все видел. Все хорошо. Больше прогонять не будем. Вы — молодцы ! Идем все по домам. До завтра. Завтра в двенадцать. Выспитесь хорошенько.

Остался один. Сидел где-то посреди зрительного зала и смотрел на сцену. Казалось, еще слышны голоса. Снова спектакль прошел перед ним. Он знал все изгибы жестов, каждый поворот, каждый вздох, каждое слово, каждое движение ресниц. Любовался своими артистами: приходили на репетиции со своим настроением — ведь жизнь-то за пределами этих стен продолжается, творится, меняется, у каждого своя история, обстоятельства, ситуации. Артисты — они ведь живые люди —

входили в этот его безукоризненно
отточенный миф, и каждый раз наполняли его
своим дыханием. Больше всего на свете
Липавский любил в них эту вот их жизнь,
живость, трепет, кровь.

Глафира Андреевна, уборщица, выглянула
из-за портьеры:

— Константин Юрич, вы домой
собираетесь? Все уже ушли.

— Да? А который час?

— Половина десятого уже.

Выходя из театра под чистое, ясное небо,
сияющее где-то там далеко за фонарями
своими фантастическими бесконечно
далекими звездами-галактиками, вдохнул в
себя весь этот удивительный, любимый им
город с его улицами, домами, каналами,
мостами, влюбленными парочками,
старушками, туристами, котами,
автомобилями, трамваями и автобусами...
Поглощенный городом, теряясь в своих
неуловимых мыслях, сам не заметил, как
оказался на остановке. Сел в двадцать второй.
Неожиданно запахло мандаринами. Перед ним
сидели мальчик с бабушкой и ели мандарины.

— Бабушка, Щелкунчик такой смелый! Не
побоялся крысиного короля, а ведь он такой
страшный!

Липавский стал смотреть в окно. Мальчик
протянул мандарин:

— Угощайтесь. А вы знаете про
Щелкунчика ?

— Да... Когда-то давно, мама читала мне...

Вышел на одну остановку раньше, чтобы
по пути домой заскочить в цветочный
магазин. Магазин закрывался, но он знал,
какие цветы — самые замечательные — ярко-
красные, пылающие розы. Цветы завернули в
бумагу. Быстрой походкой дошел до дома,
довольный собой, с легкостью взбежал, как
мальчишка, на этаж, открыл ключом дверь:

— Лена!

— Привет! Ну, как твой день?

Липавский протянул розы:

— Лена. Я тебя очень люблю

Лена улыбнулась своей приятной улыбкой
и обняла его за шею:

— А я испекла твой любимый пирог.

Когда папа

Леонид Борисенко

Перед спортивным лагерем соревнования среди гребцов нашей спортшколы проходили на Водном стадионе. Там было в два раза больше тренеров и спортсменов, чем в Крылатском. В лодке я уже сидел поуверенней и почти не переворачивался: на гребном канале берега отсыпаны галькой, которая гасит волны от катеров. Дистанцию 500 метров в Крылатском я проходил за две с половиной минуты.

На Водном стадионе не так: большая акватория — ветер успеваеет раздуть приличную волну. Плюс половина дистанции идёт вдоль каменной стены трибун: значит, ещё отраженное волнение. Когда вышли на воду, я думал только, как не перевернуться. Старт! Два человека перевернулись на первых метрах. Через какое-то время я увидел, как ещё кто-то слева плыл рядом с лодкой, толкая её к берегу. Между заездами был интервал 5 минут, и следующий заезд пришлось задержать, но я всё-таки финишировал.

Потом был спортивный лагерь в Даугае, Литва — шесть недель тренировок. Там было три гонки: открытие лагеря, первенство лагеря и закрытие. На открытии лагеря был сильный боковой ветер и волна. Стартовый створ обозначали два больших буя. К одному из них мою лодку и прижало. Когда дали старт, я всё ещё пытался отлипнуть от буя. До финиша я добрался последним: старая тактика “главное финишировать” не подвела. Выиграл Гена Фридман из группы Садекова.

В лагере было несколько ребят постарше: они занимались ещё до нашего набора. Один, Лёха Фролов, старше на два года, выиграл первенство Москвы. На тренировках я просто пристраивался сразу за кормой его лодки и

держался изо всех сил. Во время ускорений он уезжал, но на отдыхе я старался его догнать. Каждую тренировку как привязанный ездил за ним.

Первенство лагеря проводилось в другой части озера — узкой и закрытой от ветра. Со старта я смотрел только за Геной и молотил изо всех сил. Теперь в лодке я сидел вполне уверенно, а уж на спокойной воде и подавно: ежедневные трёхразовые тренировки сказывались. Ближе к концу дистанции я стал понемногу отставать и проиграл полкорпуса лодки. Зато выиграл у всех остальных и занял второе место.

Меня поздравил тренер и ребята, а Лёха Фролов сказал “молодец”.

На закрытии лагеря я тоже занял второе место: Гена меня обогнал на финише точно так же.

Главное соревнование в году — первенство Москвы. Перед ним за десять дней проводился отбор в команду. Перед стартом, во время разминки, Влад Хоняков, старше меня на год, посоветовал не пытаться выйти вперед со старта, а ускориться на полную перед финишем.

Когда дали старт, я шел, проигрывая Гене метра полтора — затаился. Метров за сто пятьдесят до финиша я замолотил веслом изо всех сил и не останавливался, пока не пересек створ. Меня стали поздравлять ребята из нашей группы — я выиграл. В протоколе от Гены меня отделяли 0,3 с. А потом я выиграл первенство Москвы.

— Понятно. Пап, в хоккее другая конкуренция. Сколько человек занимались греблей в Москве?

— В Москве, думаю, человек сто моего возраста.

— В хоккее на порядок больше.

— Понимаю, но я думаю...

— Я знаю, пап. Спасибо.

Санёк положил удочку, встал со складного стула, опираясь на костыли, и пошел к машине.

— Ни одной поклевки — поехали домой.

После операции на колене врач говорил, что восстановление займет месяца три. Шел уже четвертый месяц, а ему даже не разрешили ходить с палкой. На момент травмы он был лучшим бомбардиром клуба.

— Санёк, я проголодался. Заедем перекусить?

— В МакДак?

— Если хочешь.

— Поехали.

Сейчас ему двадцать два года. Работает хоккейным арбитром в детской лиге.

Лес внутри меня. Фрагмент романа

Ирина Ястребова

Почему третья четверть началась так спокойно, я поняла только спустя пару недель, когда тишина начала прямо-таки орать в мои уши.

Они испугались. Оказалось, что они все становятся трусами, стоит на горизонте замаячить взрослой фигуре, и когда Кирилл Леонидович всё увидел и услышал, они поджали хвосты. Это смешно. Теперь я играю в призрак, а класс мне подыгрывает, они переключили тактику с тыканья ручками в спину, раскачивания стула, на котором я сижу, прямо во время урока, оставления россыпи грязных следов на пальто — на создание видимости, что меня не существует. Со мной не здороваются, не передают запасную ручку взамен закончившейся на контрольной, не прячут мои вещи, не смотрят на меня, не говорят обо мне.

И я — честно — наслаждаюсь тишиной. Учусь, смотрю в окно, рассказываю дома выдуманные школьные истории. Пока она не начинает тикать всё отчетливее. Сегодня у нас классный час, и этого, конечно, стоило ожидать, сегодня нам зададут посмотреть дома «Чучело» или, может, даже эстонский «Класс», и все всё поймут. Мгновенно, прямо на финальных титрах. Ха-ха. Это классный час, посвященный мне, Павлику, гогочущим друзьям Павлика и тем, кто не гогочет и даже не смотрит в нашу сторону, а просто молчит, просто типа не при делах, как будто «просто не обращай внимания» хоть раз работало, я-то проверяла. В общем, классный час, посвященный травле, в общем, сегодня я осознаю, что в моём списке врагов появляется вторая строчка — и это тот, кого я мысленно молила каждый день если не о помощи, то хотя бы о каком-то чудесном вмешательстве, хоть погрозить им пальцем, хоть войти в класс

в момент, когда на мой дневник ещё не разлит приторный столовский компот из сухофруктов. Кирилл Леонидович всё видел и слышал, и хоть он практически ничего не сделал, я знала — мы заодно. И тишина в классе тикала не только для меня, но и для тех, кто мучительно, день за днём, ждал наказания, и это тик-так сводило с ума, и оно и было наказанием. Так я думала. А потом Кирилл Леонидович включил свою презентацию, и всё пропало. Уже привычное тик-так наконец привело к взрыву.

Кирилл Леонидович, вы столько лет в школе и не знаете, что прямо сейчас своими руками подписываете мне смертный приговор?

— Что я хотел сказать, в итоге-то. Не надо обижать Анечку, ребята.

Это гул с задних парт или шум в моей голове? Ах, да. Это гул с задних парт и шум в моей голове одновременно, и я уже знаю, что взорвётся — моя голова. Через три... Анечка. Не Аня, не Анна. Анечка, как ребёнок. Ути-пути, Кирлен нашёл себе доченьку, вот откуда у неё такие оценки, класс смеётся — дружно. И во весь голос. Я не шучу, что сейчас взорвусь, через две... Я только пытаюсь вдохнуть и свято верю, что в этот раз у меня не получится, ничего не выйдет, рёбра заклинило в одном положении, лёгкие не раскроются, моя голова лопнет от попыток заставить тело выполнять свои функции, и через одну... Я опускаю голову, чтобы не видеть стремительно приближающееся размытое пятно, в котором можно угадать лицо классного. Ага, сейчас будет «ну ты чего, Анют?».

— Ну ты чего, Анют? Ребята шутят, посмейся вместе с ними, юмор знаешь как объединяет! — Он улыбается одними губами.

В данный момент. Кирилл Леонидович. Вдох. Единственное, что я знаю. Глоток. Это как выглядят носы моих балеток. Потому что я смотрю прямо на них. Не отрываясь, пытаюсь не отвлекаться на гул и шум, сфокусироваться хоть на чём-то. Они чёрные и закруглённые, вдруг вспоминаю, как в сентябре оказалось, что в моде, вообще-то, острые. Они стоят на расписанном полосами от кроссовок школьном полу, который я вижу каждый день весь учебный год и смотрю на него примерно так же часто, как на классную доску.

И я готова поспорить, что он никогда не был такого зелёного цвета.

Наклоняюсь так, будто меня тошнит, головой между колен. Гул стихает, шум нарастает. Это мох. Мох пробивается через школьный линолеум, не верю, зажмуриваюсь, открываю — балетки утопают в зелёном ковре,

поднимаю голову — я в лесу. Шум в моей голове был шумом крон под ветром, треском сучьев, дыханием моего леса. И я вдыхаю. И начинаю дышать вместе с ним, жадно, чтобы успеть надышаться, кажется, что наваждение вот-вот спадёт. Но лес всё гуще, парты сливаются со стволами, доску оплетает плющ, Кирленовы антуриумы и спатифиллумы становятся частью джунглей. Мой мир треснул, как косточка каштана перед тем, как дать росток. Дышу и не надышусь, дышу и не верю, но чувствую, что ольха уже зацвела, и если сейчас моя голова и продолжает кружиться, то только от неё, от свободы, от весны, от чуда специально для меня. А небо, небо голубое?

Вместо неба на меня смотрит белёный потолок.

Клянусь, что перед тем, как потерять сознание, я видела своими глазами, как Павлик нагнулся под свою парту, будто завязать шнурки, сорвал с пола пронзительно-жёлтый цветок мать-и-мачехи и украдкой вложил его в свой дневник.

Лимончики

Маргарита Русакова

Жёлтые кругляшки в сахарной обсыпке. Лизнёшь шершавый бочок — и уже не остановиться. Сосредоточенно ем конфеты, стоя за огромным дубом на участке Рудневых в Мартышкино. Осторожной рукой поглаживаю кору, это ощущение успокаивает, убаюкивает.

Мерзну, но за курткой уже не вернуться. Поджимаю пальцы в розовых сланцах, засовываю в рот очередную конфету. Подглядываю.

Дядя Миша подбирает инструменты — днём он мастерил скворечник. Тётя Алла выходит на веранду:

— Лена у себя, не видел? — Я машинально отступаю за дерево, вжимаю голову в плечи.

— Не смотрел.

Тётя Алла, тяжело переваливаясь, идёт посмотреть в пристройку, где осталась куртка.

Не сводя глаз с этих двоих, раскусываю конфету и делаю шаг назад.

Проклятые конфеты купила Светка. Её послали в магазин за хлебом. Зашли мы туда всей дачной бандой. Я сразу увидела «лимончики»: они горкой лежали в витрине на большой тарелке с ножкой, аппетитные жёлтые шарики. На даче конфет и сладкого не водилось, и я подумала, что здорово будет угостить всех. Как дядя Миша вчера принёс миску клубники, и тётя Алла одобительно

заметила, что клубника полезна. Пришлось съесть целое блюдце, хотя она была очень кислая.

Когда подошла очередь, Светка крикнула:

— Кому что купить?

Я сказала: «Лимончиков» — и вспомнила, что денег нет. Но Светка уже всучила мне пакет, успев угоститься конфеткой и деловито заметив, что с меня восемьдесят копеек. Мама выдала на лето десять рублей, приличную сумму. Они хранились у тёти Аллы, и я успела потратить копеек двадцать, на проезд до Ораниенбаума и обратно, куда мы с дядей Мишей ездили неделю назад «проветриться». Я хотела купить красивый платок маме, но дядя Миша заметил, что не надо тратить лишнее.

Теперь нужно было как-то объяснить спонтанную покупку. Последний месяц я стараюсь быть хорошей девочкой: дача — это тестовый период. Если всё пройдет гладко, я поеду жить в огромную красивую квартиру Рудневых на Мойке, а мама — к папе в Африку. Меня она не может с собой взять, в Бенгази нет школы для русских детей.

Я пронесла конфеты в пристройку и спрятала их в ящик стола. «Угощу их после обеда».

Обедали на веранде. Тут стоял длинный, покрытый клеёнкой стол, и посередине дымилась супница. Тётя Алла разливала щи.

— Вот, кушай, полезное.

В этот момент с улицы послышалось: «Ленка! Деньги гони!» Я застыла в ужасе. Тётя Алла, казалось, не обратила никакого внимания на крик, но дядя Миша спросил, про какие деньги речь. Я пожалала плечами, мол, не знаю. Взрослые переглянулись. Было ужасно стыдно. Светка пару раз проехала на велике туда-сюда и укатила.

После обеда я пошла к себе отдыхать и заниматься — дядя Миша пообещал маме подтянуть за лето мой французский и за дело взялся серьезно: каждый вечер он усаживал меня за стол и спрашивал. Большинство вопросов я не понимала. Но, как он говорил, всё было в учебнике, надо только прилежно заниматься.

Я посидела на узкой кровати, закусив губу и поглядывая на учебник. Открыла ящик стола. Достала кулёк, стараясь действовать осторожно — целлофан шуршал, казалось, на весь дом. Засунула в рот «лимончик». Крупинки сахара приятно царапнули нёбо. Раскусила конфету, и по языку растеклась сладость. Желтая оболочка прятала восхитительное белое ядрышко с кислинкой, раскусить его было уже не так-то просто, да и не стоило. С наслаждением перекачивая во рту твёрдый кисло-сладкий шарик, я поняла, как отдать долг Светке.

План, как мне показалось, был прост и гениален — попросить денег на мороженое подругам, типа, хочу всех угостить. Нас как раз было четверо, в нашей дачной шайке. По 20 копеек за порцию пломбира — набиралась нужная сумма.

Сцена вышла безобразная. Тётя Алла не поверила мне ни на секунду. Она строго смотрела сверху вниз, а я, пряча глаза, продолжала упрямо бормотать про мороженое. Она крепко взяла меня за руку пониже локтя и легонько встряхнула: «Зачем тебе столько денег?» Я посмотрела на её пальцы и упрямо сказала: «Нужны». Щеки горели.

Мне выдали двадцать копеек и сказали не валять дурака, вот ещё, угощать всю округу. Пойди купи себе мороженое.

Я вернулась в пристройку и стала рыться в столе: с нашей поездки в Ораниенбаум оставалась какая-то мелочь. Нашлось 20 копеек. Зажав монетки в одной руке, а пакет с конфетами — в другой, я побежала к подружке. Светка забрала деньги и презрительно посмотрела на пакет:

— Не, мне конфет не надо, мать прибьет, если я сдачу не верну.

С упавшим сердцем я побрела домой. Мир крутился огненно-белым колесом, руки холодели.

Липкая паутина лжи — непривычная, непонятная, — обволакивала и не давала сообразить, что к чему. Я отвечала дяде Мише на уроке французского, скосив глаза в сторону калитки: ждала, когда появится грозная Светка.

Дядя Миша остался крайне недоволен и наказал идти заняться делом. Посидев какое-то время над учебником и не видя ни строчки, я снова и снова лезла в стол за конфетами. К вечеру в пакете осталось несколько горошин, а на сердце и в животе — глухая тоска. Вот-вот должны были позвать к ужину. Я взяла пакет и задами пробралась к старому дубу на краю участка. Кора под пальцами прохладная, восхитительно шершавая. Ковыряю её пальцем, уперевшись лбом в ствол, поглаживаю. «Хорошо бы стать таким огромным деревом. Стоишь себе и никому не должен». Холодает. Рассеянно думаю про оставленную куртку, поджимаю пальцы в розовых сланцах.

Дядя Миша ходит, подбирая инструменты. Тётя Алла выплывает на веранду:

— Лена у себя, не видел?

— Не смотрел.

При звуке голосов карусель мыслей в голове останавливается. Я не могу с ними заговорить, что-то объяснять. И вечно торчать под дубом тоже нельзя.

Крадусь между кустов и выбираюсь на дорогу. Пакет с конфетами неприятно липнет к руке, но выбросить его я не решаюсь, это улика.

Бежать.

Электричка похожа на зверя, фары включены, хотя на улице ещё светло. За окном мелькают дома, деревья, вечернее небо: светлое, синее, безмятежное. Я еду в Ораниенбаум, буду петь на улицах. А там, глядишь, как-нибудь проберусь к папе в Бенгази.

Прижав нос к стеклу, смотрю, как подплывает станция. По платформе идёт, покачиваясь, женщина и вдруг скидывает руку и начинает истошно орать. Я отступаю от дверей и пробираюсь в вагон. Здесь светло, снаружи темнеет.

Я ем конфеты и стараюсь не думать о контролерах. Я не помню, как доехать от вокзала до дома. Я не знаю, что говорить маме. Я совсем не думаю, что там делают Рудневы. Когда бежишь, какой смысл думать?

Стою на привокзальной площади, мучаясь от жажды. Выбрасываю пустой пакет в урну. Руки липкие, в горле печёт. Что делать дальше, непонятно, я смутно представляю, где мой дом. И тут случается чудо: как диковинный ламантин, подъезжает третий троллейбус, а я его помню — два раза в неделю он возит меня в музыкалку.

В троллейбусе сажусь у окна и смотрю на город. В вечернем свете он как волшебство. Проезжаем Литейным мостом, и я зачарованно пялюсь на реку и небо над ней, такое огромное, синее, светлое по краям, тёмное посередине, с белыми росчерками чаек.

Я вспоминаю про свою беду, только когда мы подъезжаем к знакомой остановке.

Что сказать маме? Меня обижали? Ну не обижали ведь. Про конфеты? Невозможно. Мама точно не одобрит поедание почти килограмма «лимончиков», не говоря о побеге.

Так ничего и не придумав, подхожу к двери квартиры. Щёки горят, тело чешется. Поднеся палец к кнопке звонка, какое-то время стою, стою, стараясь отодвинуть страшный момент криков, слёз, а возможно, и небольшой порки. Но нельзя торчать тут вечно, и я звоню. Дверь почти сразу распахивается, на пороге, заслоня свет коридора огромной, до небес, фигурой — мама. Кажется, она собирается закричать, но осекается, увидев меня, тащит в комнату, усаживает и осматривает мою спину, шею, руки. Я вся покрыта сыпью, тело горит. Мама ставит мне градусник, и тут в коридоре звонит телефон. Я сижу на стуле посреди большой комнаты и боюсь пошевелиться, тупо смотрю в окно. Небо совсем потемнело, но по низу сияет, словно оттуда, из-за домов, светят огромной тёплой лампой. Это так красиво, до слёз. Смутно слышен высокий мамин голос: «Какие карты? Какой проигрыш? Вы совсем уже еб*нулись, ей десять!»

Потом она приходит, смотрит на градусник:

— Что они там с тобой делали? У тебя сорок.

Я, сомлев от температуры и облегчения, что ругать не будут, шепчу:

— Ничего. Можно воды?

Мама с Рудневыми больше не общалась. Она уехала к отцу, оставив меня на попечение старшему брату и его жене, так и не узнав про конфеты. Когда она вернулась, я была уже совсем взрослой девочкой без тяги к откровениям.

Когда мне страшно или больно, во рту пересыхает и будто крупинки сахара царапают горло. Я вспоминаю кору дуба под пальцами и представляю, что смотрю на происходящее из-

за дерева, а позади — кусты, тропинка для побега и огромное, синее-синее небо без края, тёмное в середине, светлое по краям.

Мои связи

Дарья Роменберг

Рита, спой нам

Моя бабушка, Маргарита Петровна, родилась в деревне в 1938 году. Маленькая деревенька, третий дом от края. Когда Маргарите Петровне исполнилось три года, все ушли на фронт. Все до капельки. В деревне одни бабы. Грубо я говорю... Женщины одни остались — бабушки старенькие и маленькие девочки. Те, кто не ушел в армию, уехал в город работать на завод. Мама Маргариты устроилась учетчицей на фабрику, жила на квартирке какой-то. Отец Маргариты пропал без вести в первый же год войны, а мама Маргариты его потом десять лет ждала.

Не знаю, было ли так на самом деле. После войны особо выбирать было не из кого. Я и в мирное время выбрать не смогла, а теперь уже поздно.

Моя бабушка родилась певицей и верила в судьбу. Она говорила мне:

— Даша, я сама не выбирала, меня везде выбрали, я не знаю почему. Вот и профессия меня выбрала. Во время войны у нас в деревне остановились войска «шубники» — это какие-то из Сибири войска в белых дубленках. Их нужно было перебросить под Москву для участия в сражениях. Они стояли в наших лесах, подготовку вели, жили в землянках. А их руководство выбрало наш дом для дислокации. У меня очень аккуратненькая бабушка была, и дом очень высокий был. Он и сейчас высокий. Выбрали нас. У некоторых ведь детей много было, а у бабушки — одна я. Военные, когда приходили ночевать, отдыхать, каждый раз просили меня: «Рита, спой нам». Я забиралась на печку и в бидон пела. Звонко. Ну

и пою. Петь любила, меня и просить не надо. Идут, бывало, бабы с рынка мимо деревни с бидонами молока, удивляются: «Чья пташечка поет все время на заборе?» В бидон звук совсем другой, звонкий!

У нас в доме был граммофон и пять пластинок: Утесов, Шульженко, Лазаренко, Любовь Орлова. Я была особа с репертуаром.

Военные провели в нашем доме телефон — связь с лесом. Начальник отдыхает, а ему из леса звонок. Я подойду: «Алло». «Рита, это ты?» «Я». «Спит?» «Спит. Разбудить?» «Не надо, пусть спит. Рита спой тихонечко?» И я в трубку пою:

С той поры, как мы увиделись с тобой,

В сердце радость и надежду я ношу.

По-иному и живу я, и дышу

С той поры, как мы увиделись с тобой.

Милый друг, наконец-то мы вместе.

Ты плыви, наша лодка, плыви.

Сердцу хочется ласковой песни

И хорошей большой любви...

Я есть хочу, вот и все

В семь лет мама забрала маленькую Маргариту в город учиться. Домой из школы одноклассники шли пешком. Дорога до дома проходила через огромное поле. Поле было усеяно турнепсом.

— Лезешь, трясёшься, всё внутри дрожит. Там же дежурные ходят. Но так хотелось этот початок стащить. Если удавалось выскочить — ты был счастлив. А турнепс — это как сахарная свекла. Длинная такая свекла, как морковь, только здоровая и большая, как кабачок, отчищаю его, как банан, и грызу, как кукурузу. Грызу эту кукурузу и не понимаю, что вообще ем. Меня охранник поймал: «Чего ты делаешь?» «Я есть хочу, вот и все». «Не надо так делать, ведь это колхозное имущество». Вот и все замечание. Приду домой, а мама на работе.

Раньше хватались за любую работу. Лишь бы только была работа. Это сейчас все ищут. Работы полно, а все ищут. Какую-то особенную.

Дома очень хотелось хлеба. Палец поплюнявлю и проведу по полке. Хлебные крошки к пальцу прилипнут — вот и радость. А к вечеру мама вернется, будем ужинать.

В какой цех нам певцы нужны?

После школы я пошла, конечно, петь. После седьмого класса приехала в Ярославль в музыкальное училище имени Собинова. Сдала экзамены, результаты объявляли только на

следующий день. Ночь провели прямо там, спали на партах. Утром подходим к спискам. Нету меня. Не приняли. Я стою расстроенная. А мне говорят: «Как не приняли? Ты ведь Рита? Есть ты в списках». «Где?» «Дирижёрское хороведение. На дирижера!» На дирижёра? Прихожу в администрацию училища. Говорю: «Вы меня неправильно записали! Я певицей хочу». Мне говорят: «Вы поймите, вам всего четырнадцать лет, у вас голос изменится не один раз. Вы на дирижёрском все навыки получите». Я говорю: «Дирижёром — это где руками махать? Нет, я не хочу!»

И уехала обратно в школу, в восьмой класс. А жить не на что совсем. Пошла устраиваться на завод. Приемная комиссия спрашивает: что умеете делать, кроме того, что хотите работать на заводе? Я пою. Комиссия между собой перекрикивается: «В какой цех нам певцы нужны? В 50-й? Записываем в 50 цех, будете токарем». Так я стала ученицей токаря. Прихожу в цех, а учительница на меня матом: «Бля, мы бежать хотим, а они прутся». Я любила работать, быстро выучилась. Первое время скамеечку подставляла, чтобы до станка доставать.

Вечером после работы у меня было прослушивание в хор. Хором руководил начальник цеха. Уходя на пенсию, он сказал: «Мне не страшно оставлять хор, у вас руководитель уже есть» — и показала пальцем на меня. Работали в две смены, а в третью смену концерты давали. Я пела, а все танцевали.

Моя бабушка стала лучшей певицей области, и у нее был самый большой хор — все токари и баянист с литейки. Я вот не умею петь, не унаследовала. Но и на заводе я тоже не работаю. Не могу сообразить, может ли быть это связано.

Незаконченный рассказ

Мария Фадеева

В кухне упоительно пахло жареным тестом. Матвей задумчиво смотрел, как фигура бабушки, нечеткая от дымки, суежилась у плиты. Руки ловко орудовали сковородкой и деревянной лопаткой, а рядом на тарелке росла стопка ароматных блинов.

— Матвеюшка, съешь хотя бы один. Для тебя пекла, как ты любишь, — проговорила она и умоляюще посмотрела на взрослого внука. «Вылитый дед в его студенческие годы», — наверняка подумала она.

— Не хочу, — буркнул Матвей.

Он обожал бабушкины блины. В любой другой день умял бы за завтраком полдюжины с дедом наперегонки, как в детстве. Но сегодня он смотрел на них почти с ненавистью. Есть совсем не хотелось, он желал только досмотреть сон. Этой ночью ему приснился дед, впервые с тех пор, как его не стало. Во сне он рассказывал внуку ту самую историю, которую начал незадолго до своей смерти. Тогда Матвей не успел ее дослушать, вот и сейчас не смог — в этот раз рассказ неожиданно прервался грохотом сковородок. Это бабушка с утра пораньше решила приготовить для внука его любимое блюдо.

— Твой дед никогда от завтрака не отказывался. А уж от блинов — тем более, — с упреком ответила она. От этих слов Матвей чуть заметно напрягся, затем вздохнул и придвинул к себе тарелку.

— Ладно, один можно.

Под пристальным взглядом бабушки он демонстративно взял с тарелки блин, макнул в сметану.

— Вот и молодец, — довольно улыбнулась она и отвернулась к плите.

Блинное тесто снова отчаянно зашкварчало в раскаленном масле. Методичные движения бабушки действовали как гипноз, и Матвей протяжно зевнул. После смерти деда он ночевал в этом доме каждые выходные, но сегодня впервые не выпался.

— Ты точно не помнишь ту историю, которую дед рассказывал? — спросил он уже, наверное, в сотый раз, продолжая сжимать в пальцах жирный блин.

Бабушка покачала головой, смущенно взглянула на Матвея, жалея, что ничем не может ему помочь. Тот сдержал разочарованный вздох. Бабушка тут ни при чем, он сам виноват, что не слушал. Матвей незаметно сунул блин в сахарницу и закрыл крышкой. Встал из-за стола, буркнул «спасибо» и вышел из кухни.

Гостиная выглядела как обычно. Разномастная мебель, плюшевые покрывала, пузатый телевизор под кружевной салфеткой. В углу — дедушкино кресло, такое древнее, что вот-вот развалится. Над ним — гобелен с изображением соснового бора. Тканая основа рассыпалась, отовсюду торчали нитки. Ковер достался деду еще от его матери и, казалось, всеми силами пытался сохранить достойный вид. Он всегда завораживал Матвея, сосны казались почти настоящими. Иногда Матвею

казалось, что он слышит поскрипывание стволлов, чувствует запах хвойного ветра. После смерти деда родители Матвея хотели отправить и кресло и ковер «на покой», но бабушка не разрешила. «Гобелен отправится на свалку только вместе со мной», — заявила она. Спорить с бабушкой никто не хотел, и родители оставили все как есть.

Матвей подошел к креслу, но садиться не спешил. Молча смотрел на облупившийся лак подлокотников, на торчавшие из-под обивки пружины. По кухне беспокойно вышагивала бабушка, половицы тихонько скрипели. Матвей подошел ближе, осторожно опустился в кресло, пружины по-старчески скрипнули. В дедово кресло он еще ни разу не садился с того самого дня. Не хватало решимости. Поерзал, нащупывая удобную позицию. Обивка все еще пахла табаком и смолой и едва заметно — лекарствами. Последние несколько лет дед тяжело болел, но Матвей никогда не задумывался о его смерти всерьез. Казалось, это было просто невозможно.

Суэта на кухне стихла, бабушка закончила с блинами. В коридоре послышались шаркающие шаги, затем где-то в доме скрипнула дверца старого шкафа. Еще минута, и в гостиной появилась бабушка с кульком под мышкой. Подошла к Матвею и посмотрела со смесью жалости и сострадания, как на брошенного котенка.

— Ты сегодня совсем плох, даже блины есть не стал. — В этот раз в ее голосе не было упрека, только забота с нотами печали. — Вот, держи. Давно надо было тебе их отдать.

Бабушка протянула Матвею сверток, в котором оказались старая охотничья шапка и трубка. Тот взглянул на них, по телу пробежала дрожь. Он думал, что большая часть дедовых вещей давно пылится в лавке старьевщика или на помойке.

— Спрятала подальше, чтобы твои родители не выбросили, — ответила она на немой вопрос Матвея. Тот с благодарностью кивнул, молча проводил бабушку взглядом и дождался, пока стихнут в коридоре шаги. Теперь он в комнате один.

Матвей натянул на голову охотничью шапку и зажал в зубах пустую трубку. Внутри у него разлилось теплое чувство, но тут же смешалось с разъедающей виной. Он откинулся в кресле, поглубже вдохнул знакомый с детства запах и уставился в стену, где, как водяные знаки в ультрафиолете, проступали давно забытые образы.

Дед был тем еще выдумщиком и обожал сочинять всякие небылицы. Наверное, если бы жизнь его сложилась иначе, то вместо работы на шахте он писал бы книги. Когда Матвей был маленьким, он мог часами сидеть в гостиной, устроившись у ног деда, как верный пес. Тот покачивался в кресле, курил трубку, ароматный дым свивался в воздухе спирали. Старческий голос поскрипывал, как советский проигрыватель, а внук заворуженно слушал. Дед никогда не повторялся, его истории были необыкновенными и какими-то потусторонними. «Сам лес нашептал», — отшучивался он.

Матвей вырослел, стал реже появляться в доме у бабушки. Выдумки остроумного старика потеряли свою удерживающую силу, порой наводили скуку и не могли соперничать с реальными волнениями жизни подростка. «Куда же ты, — спросил дед в тот последний раз. — Ведь только пришел, даже историю не дослушаешь?» «Приду завтра, не забудь концовку», — бросил Матвей и скрылся за дверью. На следующий день деда не стало — болезнь дала о себе знать. Финал истории Матвей так и не услышал.

Теперь больше всего на свете он желал узнать, чем все закончилось. Первое время он каждый день проводил в доме у бабушки, расспрашивал ее с настойчивостью следователя на дознании. Но ничего подобного она от мужа не слышала. В его записных книжках Матвей нашел только номера телефонов — дед никогда не записывал свои истории, незачем было. Все попытки Матвея найти хоть какую-то зацепку неизменно проваливались. Но вот сегодня, когда он почти приблизился к разгадке, ему помешали сковородки.

Тишина гостиной действовала как снотворное, и вскоре Матвей задремал.

Внезапно он почувствовал порыв прохладного ветра, по затылку пробежали мурашки. Он оглянулся, пытаясь найти источник сквозняка. Окна в гостиной были крепко закрыты. Может, бабушка открыла входную дверь, чтобы выгнать из кухни дымный нагар? Тут что-то заставило Матвея обернуться. Гобелен шел мелкой рябью, точно кто-то выбивал из него пыль. Казалось, картина ожила — Матвей мог поклясться, что слышит поскрипывание стволов и видит, как раскачиваются макушки сосен. Снова подул ветер, в гостиной запахло хвоей, влажностью и мхом. Матвей замер в кресле, попытался убедить себя в том, что это просто сон. Но чутье подсказывало ему — все происходящее реально. «Сосны нашептали», — мелькнули в голове слова деда, а по телу снова пробежали мурашки. Матвей протянул руку и коснулся живого ковра, ожидая почувствовать знакомую шероховатость ткани. Но вместо этого его пальцы провалились в пустоту. Он глубоко вздохнул, недолго думая шагнул в тканое полотно и оказался в лесу.

Раннее утро, сосны замерли в персиковом зареве, у самых корней прячется туман. Неподалеку, прислонившись к стволу, стоял дед и ждал Матвея. Он жевал смолу вместо жвачки и улыбался. Он совсем не изменился — седеющие завитки волос, глаза цвета незрелого яблока блестят лукаво, будто он знает то, что недоступно другим.

— Здравствуй, — проговорил дед и слегка поклонился. Он казался таким настоящим, родным, и Матвей чувствовал, как смятение отступает, а вместе с ним и чувство вины. — Привет. — Он старался говорить тихо, боялся, что громкий звук обратит все происходящее в пыль. Но ветер по-прежнему шумел в верхушках сосен, и дед был рядом.

— Историю дослушать пришел? — с доброй насмешкой спросил он. Матвей что-то буркнул, протянул ему трубку, тот с благодарностью кивнул. Вынул из кармана коробочку с табаком, которую всегда носил с собой. — Шапку можешь оставить себе, — добавил он.

Матвей терпеливо ждал, пока дед раскурит трубку и продолжит рассказ, который неожиданно прервала смерть. Он шел к этому мгновению так долго, что боялся даже пошевелиться, и теперь, замерев, приготовился слушать. Наконец, дым от трубки белыми струйками поплыл вверх, а за ним вознесся убаюкивающий голос:

— Так вот, дело было так...

Опять ведьма

Анна Кузнецова

Расшифровка диктофонной записи.

— Александр, что случилось?

— Добрый вечер, Александр. Меня зовут Дарья, я журналистка издания “Работать здорово”.

— Да ведьма опять!

— Здасте.

— Ведьма?!

— Для записи. Сегодня мы с вами поговорим о работе охранника в Аптекарьском огороде. Хорошо?

Александр не отвечает. Снова стук ботинок по дереву, шум воды.

— Ну.

— Это у нас... Сад лекарственных трав?

— Расскажите, Александр, что входит в ваши обязанности?

— Опять ты, старая?!

— Ну, что входит? Охрана. Слежу, чтобы по газонам не ходили. Вот, по камерам смотрю. Тут ничего интересного нет.

— *Шипение.* Не старая я!

— Так, а ещё?

— Опять чабрец воруеть?!

— Смотрю вот тут....

— То на чай было, что мне, всё чёрный магазинный пить? Тьфу! Дрянной, и жизни в ём нету.

Александр срывается и куда-то бежит. Резиновые подошвы гулко стучат по деревянной террасе, потом шуршат по песку.

— Пройдёте со мной.

— Александр, вы куда?

— Никуда я не пойду! Дался мне этот твой чабрец, сам заваривай.

Тяжёлое дыхание Дарьи, бегущей за охранником.

— А что ты там сидишь тогда?

— Сон-траву заговариваю, чтоб соседская дочка спала крепче.

— Ведьма!

— Не ведьма, а фам... фармаконос — вот!

— Какой ещё нос?

— Тяжёлое дыхание Дарьи. Может, фармакогноз?

— Вот-вот! Он самый. Скажи ему, доченька!

— А вы по какому праву всё записываете? Тут ничего интересного нет, выключите диктофон. Эй, а ты куда, старая?!

Шуриание песка, затем шлепки ладоней по дереву, шипение, плеск воды, словно туда кто-то нырнул. Удивлённые возгласы Дарьи, сквозь которые едва слышно шаги бегущего куда-то Александра.

Запись прерывается.

Погонечные. Фрагмент романа

Любовь Абрамова

На входе в школу у Лизы снова возникли проблемы. К турникету необходимо было приложить код, а она никак не могла найти в телефоне нужный. Их оказалось слишком много, приходилось снова открывать и читать уведомления: «Услуга оказана, решение положительное», «Услуга оказана». Мозг работал медленно, мысли никак не хотели набирать нужную скорость. Лиза вспомнила, как допотопная машина ее папы, рокоча и вздрагивая, с трудом въезжала на холм у госпиталя. Так же натужно ее разум пытался преодолеть гору из лишних слов в уведомлениях. Она связывала это сонное заторможенное состояние с таблетками и очень рассчитывала, что психолог решит не продлевать курс седатива. Пальцы замёрзли и плохо слушались. Лиза уже собрала позади себя очередь, кто-то засмеялся, и она приложила к панели один из кодов. Турникет противно засвистел и замигал красными лампочками. Недовольный охранник вышел из своей будки и смерил Лизу подозрительным взглядом.

— Какие-то проблемы?

— Извините, — пробормотала Лиза и отошла в сторону. Турникет бодро и ритмично запищал, пропуская других школьников внутрь. Очередь быстро рассосалась.

«Услуга оказана, решение отрицательное».
— Лиза прочла ещё одно уведомление. Это пришёл отказ в прогулочном коде. Димка был прав, гулять ей не разрешили.

— Ты чего здесь торчишь? — раздался за ее спиной Димкин голос, и она облегчённо

выдохнула. Хорошо, что он не слишком задержался, болтая с друзьями.

— Не могу найти код для проходной. — Лиза протянула ему телефон и покосилась на охранника. Суровый мускулистый мужик с выступающей вперёд челюстью продолжал наблюдать за каждым Лизиним действием, будто камеры над входом было недостаточно. В прежней школе на проходной сидел добродушный полноватый охранник дядя Саша. У него не было разрешения на детей и он любил поболтать с учениками, рассказать им о своей жизни, дать непрошенный совет, помочь. А вот просить о помощи здешнего верзилу в бронежилете было страшно.

Димка быстро пролистал все уведомления, вернул Лизе телефон с нужным кодом на экране и сказал:

— Советую заскринить все коды в отдельный альбом и подписать, какой код для чего нужен. Так ты сможешь быстро их находить. На входе в каждый кабинет тоже стоят турникеты.

Лиза мгновенно представила, как она будет стоять по полчаса у двери каждого кабинета и копать в телефоне под смешки одноклассников. И если Димка будет ей все время помогать, все решать, что она ничего не может сделать сама.

Димка открыл перед ней массивную железную дверь, Лиза прошла вперёд и оказалась в огромном холле, делящем здание школы на две части. Второй этаж тянулся через холл узким балконом, на который

полукругом вела мраморная лестница. Лиза представила, как она будет поскальзываться на этом гладком камне и разбивать колени об острые ступеньки. В животе заворочалось нечто склизкое, она пожалела, что под пристальным взглядом Евы всё-таки проглотила на завтрак яйцо-пашот.

Стена напротив входа представляла собой огромный экран. На нем менялись движущиеся картинки. Мрачный и темный полуразрушенный дом, где худенький мальчуган плакал над сломанными игрушками, его узкое личико было перепачкано, а одет он был в лохмотья. На следующей картинке открывалась дверь, и в комнату вместе с ярким лучом солнца вступала женщина в форме Попечительского Совета. У нее были роскошные золотистые кудри и яркие синие глаза, она протягивала малышу руку. Он доверчиво смотрел на женщину большими и такими же синими глазами. Она уводила бедного ребенка на чудесную зелёную поляну, где веселились упитанные и розовощекие дети. Одетые с иголки, они хвастались новыми игрушками: вертолетами на радиоуправлении, говорящими куклами, щенками-роботами. Мальчик бежал к ним, тоже становился довольным, упитанным и кудрявым. Он получал свою порцию игрушек от мужчины в хорошем костюме и нарочито ухоженной женщины, белоснежно улыбавшейся во все зубы. В конце мальчик трогательно обнимал молодую сотрудницу «Печки», изменившую его жизнь, а та вытирала слезы радости и умиления платочком с эмблемой.

Лиза несколько раз моргнула, пытаясь «развидеть» социальный ролик. Димка уже подталкивал ее к раздевалке, которая находилась прямо под балконом. Но картинки, меняющиеся на экране, притягивали взгляд.

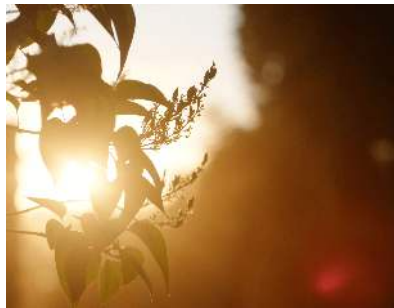
Наверняка, остальные ученики уже привыкли к этому, никто не обращал на экран внимания. Лиза сняла куртку, затолкала в рукав шапку с шарфом, быстро переобулась. Она встала перед зеркалом и придиричиво оглядела новую форму. Ей казалось, что тёмно-синий длинный сарафан в мелкую зелёную клетку выглядел так, будто принадлежал старушке. А ещё он придавал Лизиному лицу болезненный вид. Кроме Лизы, в зеркале отражалась и стена-экран, она снова показывала мрачную, тесную комнату с чумазым мальчишкой и его сломанными игрушками. Только сейчас Лиза заметила злые некрасивые лица по бокам от пацана. Видимо, так были изображены его бывшие родители. Перед Лизиными глазами тут же возникли лица её родителей. Папа как всегда был гладко выбрит, в уголках его глаз красовались мелкие морщинки — «гусиные лапки», он подшучивал над мамой, а она ругалась на него сквозь смех. Мама часто хмурилась. От этого ее большие круглые очки врезались в переносицу, оставляя смешные красные следы.

Лиза постаралась прогнать воспоминание. Димка вчера ей всё объяснил: если она будет плакать в школе, то точно получит ещё один курс таблеток от психолога. Да Лиза и не привыкла реветь на людях.

— Нормально ты выглядишь. — Димка похлопал ее по плечу, и Лиза вздрогнула. Она слишком долго стояла перед зеркалом, погруженная в свои мысли.

— Уверен? — с сомнением спросила она.

— Ну, местами, — усмехнулся Димка, и Лиза тоже улыбнулась.

Прогулка в осень

Татьяна Костакова

Яркое, уже негорячее осеннее солнце щекочет щёки. Словно ведёт под локоток по тропинкам Аптекарского огорода. Читаю хитроумные названия растений. Актинидия острая. Гаультерия лежачая. Монстера лакомая. Калатея рыжебородая. Пахира замечательная. Аморфофаллус коньяк. Панданус сомнительный. Нимфея Чёрная принцесса. Рассматриваю диковинные существа. Свисающие. Опоясывающие. Торчащие. Цветущие. Вьющиеся. Острием врезающиеся в пространство.

— Я уже вне фотографий! — толкает меня чей-то голос. Встречаюсь с ним глазами. Старушка, хрустальная своей прозрачностью, как будто сложенная из миллионов прутиков, оплетающих её душу, упирается в меня ярко-зелеными глазами. Она продолжает: — Девушка должна кокетничать, не стоять смиренно и не быть симметричной. Если вы не будете улыбаться, я не стану вас фотографировать. Вам ещё рано быть вне фотографий. Двигайтесь!

Старушка всем крохотным телом отстраняется от клюки, вешает её к себе на руку. Берёт мой телефон и начинает щелкать.

На мгновение кажется, что каркас морщинок растворяется в её улыбающихся глазах.

Мы идём от дерева к дереву, её тонкие, с выдающимися косточками пальцы держатся за мой телефон. Она шуршит отрывистым голосом и то и дело неожиданно для меня щёлкает всё новые и новые фотографии — мои портреты.

— Ваш телефон тяжелее моего. Девушке не следует носить с собой тяжелое. Ни дурное настроение, ни нагруженные сумки. От этого спина скрючивается.

Старушка отдаёт мне телефон, вновь опирается на свою клюку, шагает к увядшим, расстилающимся по земле фиалкам. Их листья — пергаментно-тонкие, почти бесцветные, — ковром лежат под рябиной. Багровые ягоды уже начали осыпаться с дерева. Иссушенные, они расцветчивают блеклую поверхность всё еще нежных бархатистых листьев.

Я фотографирую Старушку, уходящую вдаль. Сгорбленная спина, шерстяное пальто цвета пыльной розы. Бежевая филигранно-кружевная беретка. Аккуратные высокие ботиночки. Клюка, несоразмерно крупная её сухощавой фигуре.

Смотрю получившиеся фотографии — ни на одной из них старушки нет. Только луч заходящего солнца проливается сквозь решето редееющих веток. И листья поднимаются ввысь — подпрыгивают, как от шагов.

Руками не трогать

Мария Маурис

— Папа, папа! А Дед Мороз уже получил мое письмо? — Марусины ручки вцепились в край колючего пальто, — Па-а-ап!

Телефон раздраженно вздрагивал в руке. «Валентин! Заказчик внес правки в макет, ты видел? Это срочно!»

В коридор вышла Надя, комкая вафельное полотенце в мокрых руках.

— Валь, чуть не забыла! Купи, пожалуйста, горошек, майонез и корицу в палочках — глинтвейн к оливье сварим. Ладно?

Бз-з-з!

«Сегодня внеплановый звонок с клиентом в 11:00, прошу всех быть!»

«Валентин, напоминаю про письмо».

«...Прошу подтвердить получение».

Б-з-з, б-з-з!

«Мы с нашей командой хотим поздравить Вас с наступающим...»

«Привет, можешь говорить?»

— Па-па! Ну па-а-а-ап! — перешла на визг Маруся. — Посмотри пода-а-а-рочек!

— Валь, я закрою!

Подъездная дверь со скрипом поддалась и распахнулась в утреннюю темноту, ветер треснул по лицу колючей варежкой. Черт возьми! Валентин поскользнулся на гладкой черной лужице и чуть не упал. Как же я ненавижу зиму! Он сунул руки в карманы и засеменял к остановке через заснеженный сквер.

Под стеклянным навесом ютились несколько прохожих. Переминаясь с ноги на ногу, он ответил на звонок замерзшими пальцами.

— Алло! Плохо слышно!

Пытаясь поймать сигнал, он отошел к проезжей части. Алло, алло! Он обернулся и увидел ее, но было уже слишком поздно. Черная Тойота пронеслась мимо, окатив его по пояс мутной ледяной кашей. Он застыл и пару секунд таращился на дорогу, а потом полез в мокрый карман за салфетками, но тот лишь окрасил пальцы в сине-зеленый цвет. На снегу веселой россыпью лежали цветные мелки — Марусин подарочек. Ненавижу это все!

Он было хотел вернуться домой и переодеться, но понял, что опаздывает. Ругаясь вполголоса, влез в подошедший автобус, и телефон снова зазвонил.

— Алло! — забасил коллега. — Шумно у тебя, ты едешь куда-то?

— В смысле — куда-то? А тебя разве на звонке не должно быть?

— Валентиныч, ну ты даешь, — засмеялся голос в трубке. — Мы же сегодня на удаленке, с тридцатого числа. Забыл?

Черт! Схватившись за поручень, Валентин стал пробираться к выходу с телефоном в руке. Автобус остановился на Проспекте Мира и со вздохом выпустил из себя несколько пассажиров. На улице он быстро глянул на телефон, но черный экран молчал — ну конечно, разрядился! Валентин мысленно выругался, с шумом вдохнул морозный воздух и посмотрел наверх. Прямо перед ним зеленел фасад знакомого здания с вывеской «Аптекарский огород».

Немного помедлив, он вошел в прямоугольную арку и побрел в билетную кассу. Один взрослый, здравствуйте, спасибо — минуя равнодушную билетершу и хмурого охранника, он вошел в снежный сад. Вот здесь раньше переливалась красивая вересковая горка, а теперь на ее месте — безжизненный сугроб... В детстве летом он часто гулял здесь с бабушкой, и они любили бродить мимо заросшего Старинного пруда в тени размашистых лип и кленов. Зачарованный лес цвел, пел, стрекотал. Как же ему хотелось прикоснуться к той жизни: вскарабкаться на мшистый дуб и затеряться в его тенистых ветвях, ну или хотя бы прыгнуть с разбегу в упругий папоротник, но тут же бабушка хватала его за руку или воротник: «Валька, брысь оттуда, ты чего? Этому дубу триста лет! Нельзя тут ничего трогать!»

А теперь он вырос, и вековой лес скукожился до размеров сада, замер и помрачнел. Да и зимой здесь совсем некрасиво... Пальцы на мокрых ногах окоченели, он задрожал и прибавил шагу.

Тропинка свернула направо и перешла в утоптанную полянку. Посреди белоснежных сугробов приветливо сияла оранжерея. Ее стеклянное тело распирала буйная зелень в желтых, белых и фиолетовых огнях. Погреюсь немного, высохну и поеду домой работать, решил Валентин.

Внутри было жарко, и он, наконец, смог расслабиться. И как вообще можно жить в таком климате? Пять или шесть месяцев в году одно и то же — короткие темные дни, серое небо, соленая слякоть, убивающая любую обувь, все вокруг — в мрачных куртках, а главное — невыносимый, влажный московский холод, который проникает под любую одежду и пробирает до костей. А Новый год? Испытание для нервов! На работе аврал, дома не пойми что, подарки всем купи, родственников накорми... Скорей бы лето! И пусть оно не заканчивается — никогда!

Он брел по узкой дорожке, уворачиваясь от посетителей. Пахло мокрой землей и чем-то зеленым, сладким. Взгляд цеплялся за таблички со странными названиями: Панданус Сомнительный, Пахира Замечательная, Калатея Рыжебородая, Монстера Лакомая... Валентин склонился над открытым аквариумом с суккулентами. Под теплой лампой расположились миниатюрные тропики: из сочного зеленого ковра росли фиолетовые крученые стебли, похожие на водоросли, мясистые листья и нежно-розовые лепестки.

— Руками не трогать! — буркнул мужской голос.

Валентин вздрогнул и молча кивнул охраннику.

Он уже совсем согрелся и убаюкался журчанием фонтанчика. Взгляд притягивали кустики зеленых венериных мухоловок с хищными зубчиками и ядовито-розовым ртом. Раздалось шипение, и яркая зелень влажно заблестела в облачках водяной пыли.

— Они совсем мягкие, — сказал кто-то рядом. — Они только мух едят, а человеку навредить не могут.

Валентин поднял глаза и увидел сторбленную старушку с длинным носом-крючком, одетую, как ему показалось, слишком легко, по-осеннему. Она взглянула на него в упор, и ему стало неловко, после чего

она развернулась и поковыляла дальше, опираясь на палку-клюку.

Он огляделся — охранника не было. Группа детей окружила экскурсовода, рассказывающего про банановую пальму с овощными бананами-плантанами, по вкусу похожими на картошку. Пара посетителей скрылась за углом в зарослях гигантской монстеры, школьницы стайкой фотографировались на фоне ярко-красных цветов. Вдали было слышно группу, которая еще не успела дойти до стеклянного ящика с экзотическими растениями.

Валентин нагнулся и протянул руку к зеленому шипам мухоловки. Посмотрим, съешь ли ты мой палец, — подумал он.

Как только он дотронулся до яркой розовой ловушки, все вокруг схлопнулось и потемнело. Стало нестерпимо жарко и душно, и, задыхаясь, Валентин стал расстегивать пальто и срывать с себя шарф. Он понял, что падает, и уцепился за стеклянный край ящика. Вдруг его ослепила вспышка желтого света, и на лбу выступила испарина. Мне надо на воздух... Вытираясь рукавом и тяжело дыша, он поднялся и кинулся прочь по дощатой дорожке, но, повернув за угол, снова оказался у аквариума. Что за черт? В панике он развернулся и побежал обратно, но на этот раз врезался в какую-то карликовую пальму с широкими листьями: зеленые заросли надвигались на дорожку, загораживая ему путь и щекоча лицо. Показался знакомый каменный истукан с выпученными глазами, я его уже видел, вот сюда, правее и прямо... и снова аквариум с розовыми мухоловками. Раздалось шипение, и все вокруг погрузилось в густой туман, воздух стал влажным и плотным, дышать стало почти невозможно. Сердце бешено заколотилось, отдавая в уши ударами африканского барабана, гул голосов оглушил его, и тут он увидел каких-то людей. Он пошел за ними и окликнул спину в черном тулупе — простите, пожалуйста, как отсюда выйти? Никто не обернулся, и он крикнул громче:

— Где здесь выход? — и тут же осекся, потому что понял, что его никто не слышит. Тени курток и шапок сновали по узким дорожкам, скрывались за пальмами, один

поток посетителей сменялся другим. Валентин яростно помотал головой и пошел в другую сторону, где светилась табличка с зеленым человечком, вышел через арку и снова оказался в шелестящих зарослях — там что-то скрежетало, свиристело, ухало, мимо ходили люди, и ему показалось, что в просвете листьев мелькнул крючковатый нос. Тяжело дыша, он прилип к запотевшему стеклу, за которым успел разглядеть сгорбленную фигуру.

— Эй, вы! — крикнул он, но крик его снова затерялся в общем шуме.

Так, надо успокоиться! Прижимая руку к стеклу, он шел по периметру оранжереи, то и дело натываясь на кадки со стволами и путаясь в гибких стеблях. Прошла целая вечность, прежде чем ему показалось, что он описал полный круг — и теперь он не мог разглядеть ничего, кроме густых зарослей. Он двинулся к центру, ступил на каменную дорожку и, пройдя почти всю оранжерею насквозь, вдруг застонал, схватился за голову и опустился на колени — перед ним снова возник тот самый стеклянный бокс.

— Кто-нибудь! — прохрипел он. — Помогите! Я просто хочу выйти отсюда, ну пожалуйста!

Он снял с себя пальто и свитер, оставшись в одной рубашке, и прислонился спиной к деревянной балке. Мирно шипел микрополив, и ему ужасно хотелось пить, но он не нашел в себе сил подняться. Прошел час, а может, полтора. Голоса стали далекими и размеренными, тени сновали, не замечая его ног на полу.

Когда Валентин открыл глаза, то не сразу понял, где находится. На крыше оранжереи в сумерках белел снег. Он резко приподнялся и сел — вокруг было совсем тихо. Оглядевшись, он медленно пошел по дощатой дорожке прочь от аквариума и постоянно оборачивался — но так никого и не увидел. Через пару минут показался стеклянный коридор, и он чуть не закричал от радости — над дверью светилась табличка «Выход».

Снег! Я вижу улицу! Наконец-то! Наспех толкнув прозрачную дверь, Валентин накинул пальто и быстрым шагом пошел прочь, но что-то заставило его остановиться, и он посмотрел вокруг. Оранжевая тепло светилась на фоне темно-синего неба, разбрызгивая по снежному полотну цветные огни. Вокруг с криками бегали дети — они играли не то в салки, не то в снежки. Вспомнив про выключенный телефон, Марусю и Надю, он поспешил дальше.

Берег Зеркального канала переливался разноцветными гирляндами, с фонарей свисали новогодние шары и звезды. На полянке голубым мерцала пара рождественских оленей. Он втянул носом пряный запах глинтвейна — мимо прошла девушка с двумя дымящимися стаканчиками.

«Как волшебно тут зимой, в Новый год», — невольно подумал Валентин и улыбнулся.

У самой лестницы перед выходом он заметил пожилую женщину с крючковатым носом — она сидела на лавочке и кормила голубей. Он немного помедлил и остановился.

— Извините, пожалуйста, не подскажите, который час? — спросил он и постучал пальцем по запястью. — У меня телефон сел.

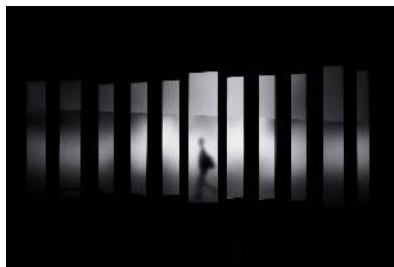
— Я бы сказала, сейчас самое время, — ответила женщина и бросила горсть семечек на снег. — Валентин Иванович, — добавила она, улыбнувшись.

— Откуда вы... — открыл было рот Валентин и вдруг увидел, что лавочка пуста и покрыта пушистым слоем снега. Голуби суетливо доклевывали последние крошки.

До дома он доехал на такси и у подъезда понял, что не взял ключи. Дверь открыла Надя, и с порога на него пахнуло знакомым теплом кухни.

— Надюша! — Он засмеялся и крепко ее обнял. — Как же я рад быть дома!

— Валя, привет! — удивленно посмотрела на него жена. — А ты чего такой мокрый? Горошек купил?

Свалка. Фрагмент романа

Анна Ру

В комнату набились все жители Убежища. Дышали они как один, в такт слабым движениям детской грудки, как будто их лёгкие помогали вдыхать и выдыхать спертый воздух. Стояла почти церковная тишина, и лица были как у изваяний — печальные и неподвижные.

Понять, мальчик это или девочка, было невозможно, определить возраст — тоже. Круглая, обритая до ежика голова на стебельковой шее, повисшие руки-палочки. Выпуклые ребра под грубой тканью едва заметно поднимались и опускались. Вдох, выдох. Последний в Убежище ребёнок.

Арчи перевел взгляд с одного лица на другое — все они вдруг стали почти одинаковыми, бледными и торжественными. Шан стоял в углу, опершись на стену, сжав челюсти почти до скрипа, и глядел темными глазами в пустоту.

Выносить эту сдавленную тишину Арчи больше не мог.

— Почему вы ничего не сделаете? — Голос сорвался на жалобный вскрик, отскочил от стен.

Медленно, одно за другим, к нему стали оборачиваться застывшие лица.

— Ведь есть какие-то лекарства? Что угодно... Вы должны ему помочь! — Он обхватил себя руками, пытаясь унять дрожь. — Пожалуйста...

В дальнем конце комнаты Стелла, так и не снявшая белый халат, только покачала головой. Она держала руки перед собой, как незнакомые бесполезные инструменты, инструкция к которым где-то затерялась.

Вдох, выдох.

Ребёнок медленно повернул слишком большую для его тела голову и посмотрел прямо на Арчи. Глаза были огромные и далекие, как поверхность чужой планеты, которую постепенно скрывали бегущие облака. Вдох, выдох. Все тише и тише.

Арчи зажал дрожащие губы ладонью, сдерживая совсем невзрослый всхлип, и тут же поверх его ладони легла другая, чужая и жесткая. Чья-то рука обхватила его за пояс и потащила к выходу, не давая крикнуть, не давая вздохнуть, сквозь вереницу темных спин и склоненных голов.

Уже на пороге, изо всех сил пытаясь вырваться, он услышал прокатившийся по комнате протяжный вздох, который мог значить только одно. Последний в Убежище ребёнок.

Шан терпеливо ждал, пока мальчишку закончит выворачивать в ближайšie кусты, и потирал запястье, расцарапанное им в попытках вырваться. Ветер охлаждал голову,

но не мог развеять уже почти привычное чувство потери. Еще чуть-чуть, и оно превратится в желание сбежать, уйти из места, где плохо, перевести боль в простую и понятную работу мышц, шаг за шагомдвигающих тело неважно куда. Но прежде чем сбежать от мертвых, нужно разобраться с живыми.

Арчи вышел из кустов, пошатываясь на дрожащих ногах. Глянул больными глазами.

— Вы стояли и смотрели, — шепотом, едва слышно. И резким криком, некрасиво кривя рот: — Вы стояли и смотрели!

Он согнулся, как будто в новом рвотном позыве, но вместо этого бросился на Шана, сжав кулаки. Тот легко перехватил молотящие по груди руки, оттолкнул мальчишку на безопасное расстояние. Не бить, только не бить. Благо, разница в росте и весе в его пользу.

Арчи снова кинулся на него, как бешеный щенок, того гляди — вцепится в горло. «Только не бить», — снова напомнил себе Шан. Перехватить, развернуть, толкнуть. Мальчишка упал спиной вперед, скрипнул зубами и снова полез в драку.

На третий раз Шан даже не стал его удерживать. Подпустил совсем близко, одним быстрым движением ушел в сторону, ставя подножку. Арчи запнулся, нелепо взмахнул руками и покатился по пыльной земле.

Больше он уже не вставал. Лежал, свернувшись в позе зародыша, и всхлипывал от какой-то своей боли. Что заставило тихого, застенчивого Арчи кинуться на него с кулаками? Шан достал сигарету и присел рядом на корточки, подбирая слова.

— Вы ничего не сделали, — выдавил Арчи. — Совсем ничего...

— Знаешь что, малыш? — Шан щелкнул зажигалкой и затянулся. — Не думай, что ты

один здесь все чувствуешь, понимаешь и хочешь помочь. Таких много. Вся разница между нами в том, что мы уже смирились. И перепробовали всё, что могли — всё, что можно было сделать, не покинув Свалку. Ты не мог знать, что он с самого начала был не жилец, но мы знали, и тянули его, как и сколько можно, хоть и понимали, что это всё равно случится. Это место изменяет многих еще до рождения... Вода, почва, воздух — на Свалке все они могут стать врагами и убить тебя. Хорошо, если это произойдет быстро.

Арчи поднял на него глаза — опустошенный внезапной яростью, привычно тихий, в тонком свитере с чужого плеча. Встал, покачиваясь, на четвереньки, выпрямился в полный рост.

— Кажется, я никогда не смогу стать одним из вас, — сказал он. — У меня не получится просто... просто стоять и смотреть, как кто-то умирает. И не попытаться помочь. Хоть чем-нибудь. Даже... если шансов уже нет.

— Значит, ты лучше нас. — Шан затушил недокуренную сигарету о землю и разогнулся, вернув привычную разницу в росте. — И не нужно быть «одним из».

Арчи с отсутствующим видом кивнул, будто отвечая на голос, который слышал только он, а затем развернулся и побежал. Не оборачиваясь, напролом, сквозь шумящие заросли рви-травы. Бежал он тяжело, словно потемневшие от грязи кеды тянули за собой по свинцовому шару, прикованному цепью к щиколотке.

Шан ещё немного посмотрел ему вслед, борясь с желанием пропасть на несколько дней. Не заходить в комнату за рюкзаком, идти, куда глаза глядят, пока есть силы, пока мышцы не начнут гореть и просить пощады.

Через двадцать четыре часа у Шана закончились сигареты — ушла вся пачка, при том, что уже пару лет он позволял себе не больше двух штук в день. Терпение заканчивалось так же стремительно, и он уже жалел, что не послушал внутренний голос и не

свалил куда подальше. Но дождаться всё-таки было важнее.

Мальчишка вернулся на вторые сутки, когда в Убежище стих негласный траур — горе здесь проживали быстро. Появился на пороге — осунувшийся, с серыми от пыли щеками, на

которых виднелись светлые подсохшие дорожки, но с новой твердостью во взгляде и шаге. Чуть меньше мальчика, чуть больше взрослого. Подошел, посмотрел в глаза:

— Что я могу сделать?

Фрагмент романа

Елена Степанова

Грохот трамвая по рельсам, разрезанное проводами небо. Серое, набухшее от воды. В этом городе дождь идет девять месяцев в году. Последний год как картинка в калейдоскопе: смерть бабушки, возвращение мамы, переезд в другой город. Дороги, рельсы, линии электропередач над головой.

— Ненавижу эту сырость и чаек. Они здесь везде.

— Неправда, не везде. — Мама быстро перебирает ногами.

Она опаздывает на работу, сегодня ей к семи. Я тороплюсь рядом, провожаю, как обычно. До первого урока еще два часа, ничего, посижу, почитаю в коридоре. Мама внезапно останавливается:

— Саша, нам надо поговорить вечером. Напомнишь?

Звон трамвая. Цокот каблучков по ступеням. Двери с лязгом захлопываются. На остановке темно и холодно. Надеюсь, школа уже открыта.

— Seriously? Сейчас? — Мама с трудом открывает глаза.

— Ты сама просила напомнить.

— Черт. — Мама стонет и приподнимается с дивана.

Мы уже поужинали, она переделась и легла. А тут я со своим разговором, но она же сама просила утром напомнить.

— Не хотела тебя расстраивать, Сашуля...
— Мне не нравится начало, я почти не дышу, кажется, если задержать дыхание, то ничего не случится. Я как будто в безвоздушном пространстве, без цвета, запаха, звуков.

— ...мне придется ее удочерить. — Мама трет красные от усталости глаза, не смотрит на меня. На кухне свистит чайник, мы собирались пить чай.

Я мотаю головой:

— Что?

— Дочка тети Лиды, Оля, ты ее не помнишь, вы виделись один раз на дне рождения лет десять назад. — Голос доносится как через плотный слой ваты.

Чем дольше мама говорит, тем толще вата. Она вокруг меня, облепила уши, рот, нос, мне нечем дышать, я тяну за горло водолазки, ткань рвется, мама ахает, в ее руках хрустит и

ломается печенье. Мы, оказывается, уже пьем чай. Я не заметила, когда мы переместились на кухню. Отнимаю вторую руку от чашки и вижу красные следы.

— Саша, ну что ты как маленькая! — Мама бросается к аптечке. Крем, белый и жирный, покрывает пальцы, и боль немного стихает.

Моя жизнь – четыре стены, продавленный диван, невымытое окно во двор. Каждый день похож на предыдущий.

— Саша, сходи на горшок. — Бабушка кивает в угол.

Я сижу в коридоре на табуретке и смотрю на входную дверь. Сегодня суббота. Приедет мама.

— Саша, скорей, я вынесу и будем ложиться. Она сегодня не придет. — Бабушка вздыхает и пытается подняться с дивана.

У бабушки больные ноги — большие, отекающие, как у слона, поэтому бабушка ходит медленно. Из дома мы выходим один раз в неделю, за продуктами. Обычно я помогаю ей встать. Но сейчас нельзя отрывать взгляд от двери, тогда мама точно не придёт.

Скрипят настенные часы и звонко отбивают семь. Бабушка уже встала и нетерпеливо смотрит на меня.

Ходить на горшок унижительно. Но в туалет на лестнице меня не пускают. Он высокий, с громадной дырой на месте стульчака. Меня пугают, что, если я пойду туда одна, я обязательно провалюсь и буду падать до самого низа, пока не упаду в говно, где и утону. И никто и никогда меня не найдет. Я иду в угол и слышу, как щелкает входная дверь.

Мама, такая красивая, улыбается только мне. Щеки горят с мороза, на узких плечах тают снежинки. Мама много работает, поэтому уже три года я живу у бабушки. «Только до школы, потом я заберу тебя домой».

Часы бьют восемь.

— Целую доча, я побежала, на Новый год заскочу! — Мама держится за ручку входной двери, будто ей не терпится вырваться наружу. Туда, где зима, где гуляют люди, где над домами вспыхивают предновогодние салюты. А тут я в растянутых хлопковых колготках и застиранной майке, худая, бледная, цепляюсь за ее руки, смотрю снизу вверх — забери меня с собой, пожалуйста.

Она отдирается от меня и, торопливо чмокнув в макушку, закрывает дверь с той стороны, потом, вспомнив, заглядывает в приоткрытую щелку:

— Мам, ты хоть иногда проветривай. Пахнет сортиром!

Стук маминых каблучков эхом отдается по гулкому вестибюлю старого дома. Я ложусь на широкий подоконник и смотрю во двор-колодец. Там никогда ничего не происходит. Только ветер колышет голые ветки тополя. И совсем не видно салютов.

Фрагмент романа

Ольга Кухаркова

— Слышь. СЛЫШЬ, эй слышь, але, есть кто дома, слыыыышмыыышь, — проговорила Люся грозным шепотом.

— Леха, отстань. Тебе на математику не пора? — отвечает она самой себе.

— Пора буфера у комара, иди сюда, кое что скажу.

— Отстань, а не то... — Тут Люся запнулась. Ни в реальной жизни, ни в своих воображаемых беседах она не могла придумать ничего такого, что могло бы напугать Леху так, чтобы он отстал от нее. Не то чтобы даже навсегда. Вот хотя бы на одну перемену.

— ... а не то... — В носу защипало, глаза стали теплыми и влажными. — Да, блин, так себе репетиция. — Одна рука в кармане. На всякий случай. На какой? Вторая открывает школьную дверь. В спину — прохладный ветер и первые цветущие яблони, в лицо — теплый запах булочек с сахаром из столовой и дзыыыыыыыынь: звонок, в самый раз, — подумала Люся и переступила порог.

Такое часто бывает в кино, в последней части. Когда кажется, что главный герой уже справился со всеми трудностями, вот уже руками тянется к своему долгожданному сокровищу:

— Мне только пол-коридора пробежать и всё, — радуется Люся. Но нет, конечно же, нет. В кино, особенно в таком, про шпионов, которое любит смотреть дедушка, всегда

случается что-то неожиданное, что мешает главному герою в самый последний момент. В реальной жизни такое тоже бывает.

— Люююююся, ну надо же. — Леха как будто не просто появился из-за угла, а проехался по Люсе на велосипеде.

— Ну да, конечно. Ты, — ответила Люся.

— Куда собираешься? Что в рюкзаке?

— Мне кажется, ты меня уже спрашивал об этом. Вчера. И позавчера. Отстань.

— Не могу. Большая радость эти.. ну, каждая наша встреча, в общем. Всегда что-то можно у тебя забрать.

— Не вижу что-то радости. — Люся отошла к стене и прижалась к ней рюкзаком.

— А ты к главному врачу сходи, — сказал Леха и неприятно заулыбался.

— Леха, отстань, а не то.., — Люся зажмурилась и, кажется, даже немного присела. Коленки дрожали, руки в карманах немного вспотели и очень хотелось пить.

— А то что? — Леха подошел к ней близко-близко. На секунду Люсе вдруг показалось, что Леха не хочет её обижать. Что он даже наоборот. Просто подошел обняться, но как будто бы немного стесняется.

— А то что? — повторил свой вопрос Леха и со всей силы дернул за лямку рюкзака.

Такое часто бывает в кино. В таком, про шпионов, которое любит смотреть дедушка. Главный герой проигрывает в схватке с главным злодеем. А мы сидим на диване, живот болит от страха и волнения. И даже если мы что-то ели, то временно отложили, потому что сейчас очень внимательно надо следить за схваткой. Ведь от этого зависит, победит главный герой или проиграет. Удар, еще удар. Главный герой почти без сознания, но вдруг как будто что-то меняется. И вот он уже не пропускает удар. Блок. Снова блок. И вот у главного героя уже есть маленькая пауза, за которую он может восстановить силы и...

— Леха, я сказала, отстань. А не то я буду драться, — тихо, но очень решительно сказала Люся. Леха не отошел, но задумался.

— В смысле, я не буду драться, я уже начала, — добавила Люся. И пнула Леху по ноге. Он вскрикнул и согнулся.

— А теперь слушай, Леха. Удача изменила тебе. Не думаю, что Елена Петровна отнесется по-доброму к тому, чем ты тут занимаешься. Кивни, если согласен. Кивни! Отлично. А теперь отстань. Будь благородным.

Эту цитату из Джеймса Бонда Люся знала наизусть. Пару раз она даже репетировала ее перед зеркалом. Не зачем-то, а просто так. И вот теперь, волшебным заклинанием из сказки, громко, оно пронеслось по коридору первого этажа школы №108. И хотя бы ненадолго разрушило странное заклятие, объединяющее Люсю и Леху.

Ча-ча-ча

Ольга Федорова

Когда я впервые увидела Женечку, она танцевала. Это был какой-то банкет для семей военных. Мы с родителями опоздали и зашли в зал ресторана, когда между столами уже топтались пары. Мне было четырнадцать, я неловко мялась за спинами взрослых, подпихивала маму вперед, мечтая быстрее оказаться на наших местах. И тут она — Женечка. Моложе моей мамы, с натянуто-прямой спиной, бесконечной шеей. Легкие ноги быстро-быстро рисовали танцевальные петли на полу, переливалось невероятное платье с воланами из золотой парчи. Жар-птица.

Муж Женечки приятельствовал с моим отчимом, они оба были военными майорами, когда-то вместе служили, поэтому скоро мы оказались за одним столом. Женечкин майор был необычайно хорош. Высокий, белозубый, с ухоженной черной бородкой, в отменно сидящем кителе. Он казался иностранным актером, играющим в костюмированном фильме. Женечка же была совсем некрасива лицом: носатенькая, толстая кожа в дырочку, при улыбке влажно оголялась десны. Но общая телесная тонкость и плавные движения танцовщицы придавали ей такую прелесть, что я смотрела на нее с восхищением. Женечка и оказалась танцовщицей: танцевальная студия в детстве, концертные выступления, победы на соревнованиях, хореографическое училище, мечты о преподавании. Потом любовь, замужество и военные гарнизоны.

Кроме майора, у Женечки обнаружился сын примерно моих лет, с незапоминающейся внешностью и именем — Сережа или Володя. Почему-то это стало поводом, чтобы пригласить нас в гости на следующей неделе, да и вообще начать «дружить семьями». Мы с

Сережей-Володей обменялись отчаянными взглядами.

Через пару дней отчим уехал в срочную командировку, но отменять поездку в гости мама не стала. В условленный день женечкин майор прислал за нами военный ГАЗик, и мы с мамой долго и мучительно ехали по заполярной тундре в военную часть со сложным буквенно-цифровым кодом вместо названия. Была зима, и все вокруг затянуло белым, с темными вкраплениями редких карликовых берез и лысых сопок.

Я не сразу поняла, что мы, наконец, приехали. Среди бесконечных снегов вдруг образовались деревянные двухэтажные бараки, а в одном из дверных проемов стояла Женечка в нежно-розовом платье. Она затянула нас внутрь, защебетала, закружила, опьяняя сладкими духами. Две комнаты, между ними выемка в коридоре с газовой плитой и мойкой — кухня. Все что-то ели, взрослые обсуждали свои новости, мы с Сережей-Володей старательно игнорировали друг друга. Позже Женечка вытащила из шкафа объёмистый целлофановый мешок с концертными костюмами. Яркими, блестящими. Стало понятно, откуда все ее удивительные платья. Она ныряла руками в ткань, как в воду, с мечтательной улыбкой вспоминала танцевальные номера, для которых шились эти наряды. Ее взгляд был немного удивленным, словно она не могла поверить, что все это действительно с ней когда-то происходило. «Ах, если бы у меня была доченька. Может быть она...» Они с майором снова танцевали. Не так эффектно, как в ресторане, — не было места — но тоже прекрасно. Эти люди казались нездешними, из какого-то другого волшебного мира.

Потом я захотела в туалет. Зашептала маме, она зашептала Женечке, та привела нас на кухню и закрыла арочный проем шторкой. Шторка была коротковата — внизу я видела ноги Сережи-Володи в серых носках из толстой пряжи, сидящего у обеденного стола в гостиной. Я стала оглядываться в поисках двери в туалет, но Женечка молча указала на деревянный стул у плиты, под которым стояло ведро. Я ничего не поняла и продолжила искать заветную дверь, даже вышла на лестничную площадку, предполагая общий санузел, как в коммуналке. Удивительно, что Женечка последовала за мной, и с любопытным видом оглядывалась вокруг. Затем констатировала, что есть только деревянный туалет на улице и ведро под стулом за шторкой.

Мы с мамой посмотрели на красивого «иностранного» майора и Сережу-Володю и стали натягивать шубы. Никто нас не останавливал, только посоветовали быть осторожнее. Мы вышли из барака, и лицо сразу же болезненно защипало от холода, в глаза полетели острые снежинки. Длинный деревянный туалет-сарай стоял в конце улицы — полторы минуты ходьбы. Рядом с ним на столбе, громко и противно постанывая, раскачивался единственный фонарь. Только сейчас я осознала, что вот эта «улица», три барака слева и четыре справа, и есть все поселение. Здесь жил комсостав с семьями и еще какие-то гражданские. Бараки солдат, пояснила мама, где-то дальше за сопками. Я не увидела сопки, только всё ту же тоскливую белизну. Двери туалетного сарая были распахнуты и скрипели из-за сердитого ветра. «Ничего, закроется, будет не так холодно», — не унывала мама. «Долго без штанов не стой, все делай быстро, а то отморозишь себе...» И замолчала. Двери закрыть было невозможно — внутри сарая narосла ледяная горка из множества грязно-желтых слоев. Высокая, выше колен, выходящая за порог. В далекой глубине под полупрозрачными слоями темнели дырки в деревянном полу. Я поставила ногу на горку, пытаюсь забраться, тут же поскользнулась и еле удержалась за мокрую стену. «Очень удобно, вообще-то, придумано с тем ведром», — пробормотала мама.

Мы остались ночевать в гостиной на диване Сережи-Володи, сам он ушел к соседям.

Я никак не могла заснуть. Слушала нитье метели, отдаленный храп Женечкиного майора, дыхание мамы и ржавые уличные скрипы. Визгливый тембр фонаря распознавался легко, но к нему добавлялись еще несколько голосов, и я все гадала, что же это может быть, помимо двери ужасного сарая. Глухо тукнуло, зашебуршало, кто-то прошел на кухню. По легкости движения я сразу опознала Женечку. Щелчок, за арочной шторкой зажегся слабый свет. Никаких новых звуков не последовало, я придумала себе, что хочу пить, и поползла с дивана.

Женечка стояла возле плиты, завернутая в воздушный голубой халатик, как если бы раздумывала, что среди ночи приготовить. Услышав меня, обернулась с удивленной улыбкой.

— Я тебя разбудила?

— Нет, это скрип. — Я мотнула головой в сторону окна. — Не могу заснуть из-за него. И вообще всё... непривычно.

Женечка понимающе кивнула.

— Непривычно поначалу, — сказала она. — Потом как-то привыкаешь. Ко всему.

Я попросила воды и, не зная куда деться, уселась на стул, под которым стояло ведро. Женечка возилась с чашками, на короткое время застыла, удерживая холодный чайник в руке. На ее щеке качалась тень в такт фонарю-скрипачу, коротко вспыхивал камушек в мочке уха.

— Па-па-па-па, — прошептала она, прислушиваясь.

— Что?

— Четырехдольный ритм, слышишь? — Она постучала кулачком по столешнице. — А теперь так: паа-паа-паа-па-па. Это «Ча-ча-ча».

— Что?

— Танец такой, в латиноамериканской программе показывают. Иди сюда.

Она оставила чайник, сдвинула арочную шторку, потянула меня в полоску коридора, зашептала, преувеличенно двигая губами.

— Правая нога согнута, левая опорная, просто проставляй пятки. Раз-два-три-четыре. Да. Теперь четвертый счет делим пополам. Вот так: раз, два, три, ча-ча. Ага! Вот он, ритм этого танца. Руки согнуты, кисти расслаблены... Тайм-степ. Теперь разворот, аккуратно, не стукнись, шассе влево, ча-ча-ча-ча...

Скупой кухонный свет освещал Женечку кусками: вздернутый подбородок, напряженная лодыжка, ловко вывернутое худое бедро, тонкие подвижные лопатки под тканью халатика. Я зажималась, стесняясь неуклюжего тела в дурацкой растянутой футболке Сережи-Володи, которую мне выдали для сна, как попало топала ногами. «Следи за стопами», — прошептала Женечка. Я опустила глаза вниз и поняла, что меня тоже едва видно. От этого сразу стало свободно внутри, и я расслабилась.

Спал старый барак и его жители, наши тени метались по стенам и потолку, тихо постанывали доски под ногами. За окном все также выло-скрипело-страдало. Но тихое Женечкино «раз-два-три-ча-ча» придавало этой разноголосице общий ритм и мелодику. И я танцевала, представляя себя в парчовом блестящем платье, легкой и красивой, изгибалась и уверенно виляла бедрами, чувствуя как во мне что-то расширялось и лопалось радостными пузырьками. Мы остановились, когда услышали сонный голос мамы из гостиной: «Девчонки, вы совсем обалдели там, что ли?» Стояли так некоторое время, закрывая рты руками и задыхаясь от смеха, пока мама не велела мне немедленно возвращаться в постель.

В следующий раз я увидела Женечку в начале весны. Она приехала по делам в город и

договорилась с мамой о встрече. Я напросилась с ними. Мы гуляли женской компанией по центральному проспекту и потом свернули в скудный парк. Лысье северные деревца, скамейки спрятаны под сугробами — их откопают лишь перед первомайскими праздниками. Женечка остановилась передохнуть возле торчащих из снега чугунных завитков низкой ограды, потыкала пальцем ледяную корку на них и сообщила, что беременна долгожданной девочкой. Она вся сияла. Сияли ее глаза, и тающие снежинки на голубой вязаной шапочке, и Женечкины щеки, и влажные губы. И снег вокруг сиял под солнцем, и даже морозный воздух. Прощаясь, она наклонилась ко мне и заговорщицки прошептала «ча-ча-ча».

Женечка стала часто приезжать — то в женскую консультацию, то на какие-то нужные обследования в городской больнице. Всегда одна, без майора и Сережи-Володи. Но на встречи больше не соглашалась, лишь коротко отзванивалась, словно не желала отвлекаться от своего тихого счастья.

В один из вечеров у нас на кухне обнаружился Женечкин майор. Он много пил, что-то объяснял маме и отчиму, потом закричал «кто-то должен ее убедить». Взрослые надолго замолчали. После его ухода я узнала, что врачи обнаружили у Женечки опасную опухоль и категорически запретили вынашивать и рожать ребенка. Опухоль и девочка зародились в ее теле почти одновременно, как близнецы. И вместе росли. «Это всё так ужасно несправедливо, — сказала мама. — Вообще всё в её жизни... Что же ей теперь делать?» Я представила снежную бесконечность, улицу из нескольких темных барачков, качающийся одинокий фонарь. И улыбающуюся Женечку, которая шьет из розового концертного платья розовые одёжки. Я знала, что девочка будет жить.

«Девочку назвали Оля, как тебя», — сказала мама время спустя. А еще через полтора месяца мы узнали, что Женечки больше нет. После похорон Женечкин майор с детьми уехал куда-то в теплые края, где они с женой всегда хотели обосноваться по окончании его службы. Иногда я вспоминаю ту ночь в затерянном среди снегов военном

гарнизоне, как хорошо и свободно мне было тогда. И Женечку. Представляю, как моя подросшая тезка ловко летает по паркету в

блестящих маминых нарядах. Раз-два-три-четыре. Маленькая жар-птица. Женечкина мечта.

Вообще-то я собиралась покрасить забор

Анна Сысоева

Вообще-то я собиралась покрасить забор, но забор решил, что он не хочет менять цвет. И вот я стою и смотрю на то, как мой забор стремительно убегает, скрываясь за поворотом просёлочной дороги.

— Какого лешего, — задала я риторический вопрос воздуху и почесала голову.

Окей, ладно, я знала, что с этим местом что-то не так, но бегающий забор — это явно лишнее.

— Совсем обнаглел, пять лет стоял спокойно, а тут нате, — услышала я около себя тихий голос.

Наклоняю голову: кот хозяйки участка сидит рядом и тоже задумчиво смотрит вдаль. После бегающих заборов котом меня точно не напугаешь. А вот приездом хозяйки через пару дней очень даже напугаешь.

— Елена послезавтра придет, расстроится. В прошлый раз полдня за ним таскались, еле нашли. Может, уже проще новый поставить?

Кот был явно недоволен и не рад перспективе расстроить хозяйку. Некоторое время мы задумчиво молчали. Мне пришла в голову одна идея.

В такой же тишине я взяла банки с краской и отправилась в дом, убрала их в кладовку и вернулась с пустыми руками. Из-за угла с интересом выглядывала одна доска.

— Эй, деревяшка. Я краску унесла, можешь возвращаться. — Доска спряталась обратно за угол, но забор не спешил.

— Мы не будем тебя красить, — подыграл мне кот, — если все же захочешь, то потом сможешь сам цвет выбрать.

На дороге по-прежнему пусто.

— Любой цвет.

Забор наконец-то решил вернуться. Потрескавшиеся доски с удивительной прытью вернулись на участок и встали на свои места. Мы скептически оглядели результат: забор смотрелся хуже прежнего, краска осыпалась больше прежнего, и у пары досок отвалились уголки.

— Мне кажется, не стоило пытаться его красить, стало только хуже, — сказала я коту, открывая перед ним дверь в дом.

— Да ладно, с новым было бы больше проблем. А этот если нормальный цвет выберет, то будет выглядеть весьма презентабельно. — Кот довольно мурлыкнул, поудобнее устраиваясь у меня на коленях.

— Думаю, ты прав. Жаль, мы не успеем его покрасить до приезда Елены. — Я задумчиво смотрела перед собой, поглаживая кота по голове.

Два рассказа

Раффу Клим

Важный подарок

И создал Бог землю...

Однажды трое пришли к Богу и говорят:

— Слушай, Бог, помнишь, ты обещал нам кое-что. Мы хотим получить это. Мы знаем, что кому-то достанется еще два в придачу. Вот и реши, кто из нас достоин трех, а кто одного.

Бог сразу понял, о чем они говорят. Разумный, Свирепый и Восьминогий часто спорили об этом.

— Хорошо, — сказал он, — а какие аргументы есть у каждого из вас? Убедите меня, что именно вы достойны трех.

Первым заговорил Разумный:

— Я безумно влюблен в одноклассницу Светлану. Моя любовь к ней безгранична. Она не может поместиться во мне, поэтому мне просто необходимо то, что ты обещал подарить одному из нас.

— Ну зачем тебе эти телячьи нежности?! — перебил его Свирепый. — Отойди, а то получишь!

Затем, скаля зубы, он обратился к Богу:

— Я свирепый и кровожадный. Меня все боятся. Никто со мной не хочет иметь дел. А я хочу дружить... Я хочу стать добрее. Сам видишь, что одного мне недостаточно. Дай еще парочку! И потом, я ведь царь зверей! — гордо заявил второй.

— Я учту ваши слова, — спокойно ответил Бог. — А ты что скажешь, восьминогий?

Восьминогий, который все это время робко стоял в сторонке, ожидая своей очереди, заговорил:

— Я стараюсь помочь тем, кто оказался в беде. Мне даже восьми ног не хватает, чтобы всем помочь. Все мои восемь ног творят исключительно полезные дела. Если ты выберешь меня, то я смогу сделать еще больше хорошего другим обитателям моря.

— Я вас выслушал, — сказал Бог, — но мне трудно решить. Я просто в замешательстве. Я не знаю, кто из вас достоин большего. Предлагаю вам испытание: сегодня вы будете жить вашей обычной жизнью, а я буду за вами наблюдать. Завтра я объявлю свое решение.

И все разошлись по своим делам: Разумный — в школу, Свирепый — в джунгли, а Восьминогий — на дно морское.

Не прошло и часа, как Разумный трижды дернул Свету за косичку и с криками «Светка дура! Светка дура!» убежал прочь.

Свирепый бесстыже съел антилопу, даже не поздоровавшись и не извинившись за беспокойство.

В это время Восьминогий донес тяжелую авоську с продуктами до дома старой щуке, помог приколотить полку рыбе-молоту и понянчился с малышами дяди-окуня.

На следующий день все собрались в назначенном месте.

— Ну, кто же из нас получит заслуженный подарок? — спросил Разумный.

— Ждем не дождемся результатов, — подтвердил Свирепый.

— Не смею вас задерживать, — ответил Бог. — Разумный, ты — человек. Что может быть лучше! А ты, Свирепый, сильный и храбрый. Ты — царь зверей. Но ваши поступки меня огорчили. Учитесь, работайте над собой! У вас есть все необходимые для этого качества. А у Восьминогого нет ничего, только его восемь лап, и всё. Но он старается помочь ближнему. Ему мой подарок будет нужнее.

Так у осьминога появилось три сердца.

Дневник Пети и Феги

Нас с братом загрузили в картонную коробку и заклеили её скотчем. Коробку кто-то взял и понес. Слышался стук человеческих шагов. Нас сильно трясло. Через некоторое время тряска прекратилась, стук шагов стих. Вдруг послышалось гудение мотора, и мы тронулись.

На самом деле мы обыкновенные валенки. Меня зовут Петя, а моего брата-близнеца — Федя. Мы родились на фабрике имени И. И. Тапкина. Кто такой И. И. Тапкин, мы не знаем, но предполагаем, что это очень хороший человек, ведь все тапки по натуре домашние, тихие и миролюбивые.

Рывканье мотора стихло, нас выгрузили из багажника и понесли в магазин. На витрине были выставлены ультрамодные новёхонькие белые кроссовки. Увидев нас с Федей, они, хихикая, стали дразниться, высунув свои язычки. Нам нечем было ответить им, ведь у валенков нет язычков.

В магазин зашли женщина с мальчиком лет двенадцати и остановились у нашей полки.

— Мам, ну можно кроссовки?! — ныл мальчик.

— Нет, Витюшенька, кроссовки у тебя уже есть, а валенков — нет. А как ты без валенков в школьном походе?!

Женщина взяла нас с Федей и отнесла на кассу. Витя со вздохом посмотрел на полку с новыми кроссовками и поплелся за мамой.

Мы приехали домой к Вите и его маме. Маму, как оказалось, зовут Маша, и она очень веселая и добрая. Пока мы ехали из магазина, она рассказывала разные интересные истории про походы своего детства. Оказывается, у нее

тоже были валенки. Наверное, сейчас это валенки-старички.

Семейная обувница оказалась просторной — целых три этажа. На верхнем размещались разные модные кроссовки и кеды: с шипами, разноцветными шнурками и даже светящиеся в темноте. На втором этаже уютно устроились очаровательные туфельки мамы и элегантные ботинки папы Вити. А на первом этаже поселили нас.

Соседями по полке оказалась пара валенок, та самая, которую носила мама Вити, когда была маленькой: старый, ворчливый, но добрый дедушка-валенки и добродушная, заботливая бабушка-валенки.

Старички приняли нас очень тепло и накормили ароматным нафталином бабушкиного производства. Мы с Федей очень устали с дороги и быстро заснули.

Ночью нас разбудил топот сверху. Оказалось, что это кроссовки устроили дискотеку и танцуют кто во что горазд.

— Вот молодежь пошла, — ворчал дедушка. — А в наши времена приличная обувь себе такого не позволяла.

Кроссовки долго еще притоптывали своими подошвами и утихомирились только к часу ночи. Тогда в обувнице стало по-прежнему тихо и спокойно.

Сегодня меня погрыз Витин щенок Никки, маленький, лохматый, но такой зубастый. Федя упорно пытался отогнать от меня Никки и пнуть его, но щенок не обращал на Федю никакого внимания.

Сейчас мама штопает меня большой иглой. Немного больно, конечно, но я терплю, ведь мне и Феде предстоит походное приключение.

Вот и настал день школьного похода. Мама собрала Вите огромный рюкзак со всевозможными походными принадлежностями. Витя засунул в нас свои ноги, и мы отправились навстречу приключениям.

На улице было светло и морозно. Лучи солнца освещали огромные пушистые сугробы. Снежинки в воздухе порхали и танцевали, словно балерины.

Группа ребят-одноклассников Вити стояла на лесной опушке. На ребятах были те самые крутые кроссовки из магазина.

— Эй, кроссы, смотрите, кто идет, — в один голос сказала самая модная парочка. — Да еще и заштопанные!

— Ха! На Северный полюс или в Антарктиду собрались! — отозвались другие.

— А вот и посмотрим, кто из нас окажется выносливее! — не выдержали мы с Федей.

Учитель Вити объявил начало похода, и мы двинулись в путь.

В лесу была настоящая зимняя сказка! Сосны укутались в белоснежные искристые шали, которые переливались на ярком солнце. Дернешь за ветку, и тебя окатит снежным салютом с головы до ног. Нам с Федей и Витей было очень весело! Мы любовались зимней красотой, не обращая внимания на холод.

Кроссовки же и их хозяев мороз пробирал до самых костей. Ребята в кроссовках переминались с ноги на ногу, стучали зубами и не могли радоваться зимним чудесам.

Кроссы осторожно пытались обходить сугробы, но все равно захлебывались и тонули в них. А мы с Федей и Витей смело и весело шагали по самому глубокому снегу. Лишь приятный легкий холодок проходил по нашим подошвам.

Наконец, мы преодолели весь маршрут. Кроссовки устали, продрогли и промокли до ниточки. Их хозяева от холода не чувствовали своих ног.

Мы же с Федей были бодры, веселы и счастливы, потому что наш хозяин Витя был счастлив и доволен походом.

Задумались тогда модные кроссовки и поняли, что сибирский валенок не так-то прост.

На следующий год на лесной опушке стоял целый отряд валенков.

Много веселых зимних приключений мы с братом ещё пережили, но всегда Вите с нами было тепло и уютно.

Два рассказа

Александр Васильев

Зонтик

Пыльный угол. Свет еле-еле проникает в комнату. Зонт Афоня лежит в грязной коробке, где хранятся ненужные вещи. После того как семья, живущая в этом доме, пять лет назад переехала, Афоню ни разу не использовали по назначению. За домом следила и проживала в одно и то же время маленькая скрюченная старушка. Она все пыталась придумать Афоне какое-то практичное назначение. Пробовала сажать в него цветы, но почему-то они совершенно не приживались в таком оригинальном месте. И только от грязи заржавели спицы Афони. А потом она решила сделать из него гнездо и тоже потерпела неудачу, когда бедные голуби попадали из него вместе с молодым потомством, перевернувшись от ветра. В общем, бабушка закончила свои попытки и бросила ржавый, весь в дырках, зонт обратно в чулан.

Но вот однажды пришёл хозяин и достал запылившийся зонт. В этот момент у Афони аж жуки в животе взлетели. Да-да, их скопилось немало с момента нахождения разных посторонних предметов. Неужели это он, тот, с кем он провел много часов под дождем, кто аккуратно ставил его в коридоре сушить и не забывал встряхнуть после улицы? Афоня весь светился из-за дырок в нем. Его переполняли эмоции. Он думал: «Сейчас меня возьмут на прогулку под прекрасным дождем!»

Афоню вынесли на улицу, светило яркое солнце, цветы красиво переливались на клумбе, голуби курлыкали и клевали семечки на дороге. Почему-то Афоне стало очень грустно и одновременно радостно. Хозяин ещё раз осмотрел его потертости и, вздохнув, выбросил в мусорный бак.

Компьютерная мышь

У одного известного блогера был прекрасный новый компьютер с современным системным блоком, клавиатурой, колонками, видеокамерой и компьютерной мышью. Когда Блогер уходил, все аксессуары начинали свой ежедневный спор, кем больше раз воспользовались и кто выполняет самую важную роль. Если честно, весь мир для них был миром компьютеров и блогом о путешествиях, над которым они каждый день работали. Бесспорным лидером в их дискуссии была компьютерная мышь. «Он просто не выпускает меня из рук! Все время в работе, тружусь как пчелка!» — вздыхала она. Но однажды мимо пробежала обычная крыса и тут же скрылась. Компьютерная мышь почувствовала родную душу и решила последовать за крыской. Но не пройдя и нескольких оборотов колесика, компьютерная мышь почувствовала, что не может продвинуться дальше ни на миллиметр, ее удерживал шнур. Как будто самый тяжелый камень. В этот момент у компьютерной мыши поменялся цвет, она стала ярко-красной и начала со всей силы тянуть провод. Она думала: «Почему эта крыса способна бегать где угодно, а я что, хуже?! Я вообще лучшая! И все знаю о путешествиях, а сижу здесь как на привязи!» И тут провод оторвался, и мышь улетела на пол под шкаф. Экран, клавиатура и колонки в ужасе ахнули. Под шкафом было очень пыльно и душно. Но мышь не могла ничего сделать, оказывается, этот провод помогал ей двигаться, и теперь она беспомощно лежала. Мимо пробежала крыса, погрызла немного провод и побежала дальше.

«Наверное, мы все-таки разные мыши», —
подумала она.

Коробочка с письмами

Ян Розенблат

Новый год, как этого ждал! Я сидел на диване в своей комнате и так крепко обнимал любимого плюшевого мишку, что его потрёпанный глазик-пуговка чуть не оторвался. Это будет лучший Новый год в моей жизни! Мне наконец подарят Радиоуправляемую Машину, ведь я мечтал о ней весь год! Я начал представлять, как сижу на этом же диване, управляю новенькой машиной. Представлял, как на следующий год я приду в садик с ней, вот все обзавидуются! Плюшевый мишка начал трещать по швам от моих объятий, поэтому я отпустил его. Да-да, это будет лучший Новый год, да и как Новый год может быть не лучшим, когда у нас в дома такая ёлка. Ни у кого такой нет!

Она так сияет, что ее блеск озаряет всю комнату и блестит всеми цветами радуги! А сегодня я даже дотянулся до одной конфетки, что висела пониже, вот чудо-то! В прошлом году я только до ветки мог достать! Я уверен, что когда Дед Мороз принесет нам подарки, он увидит нашу ёлку и так восхитится ею, что наколдует лишний подарок для всей нашей семьи за то, что мы так украсили елку! Она была просто восхитительна. Я услышал мамин голос, под ёлкой появились подарки! Я хотел всех повеселить, поэтому побежал в папину комнату, чтобы надеть его пиджак: он был мне как платье. Я открыл папин шкаф и увидел какую-то коробку. Наша воспитательница, Анна Олеговна, говорила, что копаться в чужих вещах нехорошо, но я не мог не открыть этот манящий ящичек, иначе я просто не уснул бы! Я приоткрыл его и увидел какие-то бумажки. Достав одну, я прочитал начало:

«Дорогой Дедушка Мороз...»

Я достал другую, она начиналась так же. И третья тоже, она была письмом, которое я написал в этом году. Мама сказала, что Дед Мороз отвёз его в свой дом в Великом Устюге и положил на почетное место за то, что я хорошо себя вёл. У меня закружилась голова, в глазах помутнело, мир начал расплываться: я заплакал. Новогоднее настроение сразу улетучилось. Я вытер слезы и отправился в гостиную без папиного пиджака, веселить всех я передумал. В гостиной стояла ёлка. Огромная, чересчур гламурная. Она так ярко и противно блестела, что хотелось зажмуриться и не смотреть на нее больше. Игрушки были какие-то детские, уродливые. Эти улыбающиеся ротки и белые зубки веяли пластмассовостью и наигранностью. Какой-то пряничный человечек так широко и неправдоподобно улыбался, что я протянул руку, чтобы отвернуть его от себя, но больно укололся об уродливые, темно-болотного цвета ветки ели. Фу! Противная ёлка! Мама таким противно-миленьким, овечьим голоском проблеяла: «Сыночек, загляни под елку». Заглянул. Под ней была коробочка, уж слишком аккуратненько упакованная обёрточной бумагой, которую мы с мамой на днях купили в магазине. Каков дурак я был, думал, что это Дед Мороз. А его не существует, меня обманывали! Я схватил коробку и убежал к себе в комнату, сорвал бумагу и увидел ту самую машину. Все тот же елово-болотно-блевотный цвет. Не такой я ее себе представлял. Я взял ее в руки. Запускать её не хотелось. С досады я швырнул её прямо в уродливую морду своего ветхого и дряхлого медведя и громко зарыдал.

Лучший груз

Юра Яценко

40.22.3620

Вахен сидит на мягком водительском сиденье. Но для него оно не мягкое. Просто точка его опоры. Смотрит в лобовое стекло.

Вахен очнулся от забытья, за окном брезжил рассвет. Он бросил взгляд на Тома, и у него сразу прибавилось сил. Ради Тома он через силу съел сухари и запил парой глотков воды.

41.22.3620

Вахен не ел уже третий день. Даже не то, чтоб не было аппетита — еда казалась ему бессмысленной жижей.

С трудом натянул скафандр и вылез наружу. Его встретил красивый пейзаж. Над пустошью вставала Дельта, озаряя всё небо фиолетовыми красками. Вахен обошёл вездеход и снял с багажника записку, но в ней была дыра от пули.

— Том, записка пробита, — сказал Вахен в рацию, — наверное, нам отсюда не выбраться....

42.22.3620

Уже четвёртый день Вахен гнал свой вездеход по пустоши. Вдруг хлопок. Пш-пш-пш — раздалось снаружи.

— Пошлем сигнал бедствия?

— Передатчик остался на базе... Вот был бы у тебя скафандр, Том, может, ты бы мне помог...

— Блин, колесо лопнуло! — сердито сказал Вахен. Сил надеть скафандр и выйти наружу уже не было...

— Точно! Скафандр!

Его взгляд упал на Тома.

Вахен вытащил из вездехода запасной скафандр и веревку. Аккуратно примотал скафандр по периметру колеса и приоткрыл вентиль баллона скафандра. Колесо медленно надувалось, хотя и было странной формы.

— Ох, Том, надеюсь, хоть ты выживешь...

— Получается, Том, но ехать придется аккуратно, — сказал он, пререкрывая вентиль баллона.

43.22.3620

44.22.3620

Вахен ехал по пустоши. Она по своему красива: оранжевый песок с синими камнями. Тоска его уже отпустила, и он весело болтал с Томом.

— Хорошо, что хотя бы ты выжил, Том, будет не так скучно в дороге. Планёр показывает, что ехать ещё неделю, — сказал Вахен.

— Да, долго ехать, — сказал Том.

— Думаешь, доедем?

— Шансы есть. Топлива у нас много. Лишь бы колесо выдержало...

— А еды хватает? У нас только десять банок синтеза и пять батарей.

— Не волнуйся, хватит. Не всегда будем есть свежую еду.

Вахен подъехал к колонии Период-7.

— Откуда? — спросил охранник с плазмой.

— С Гексы.

— Покажите удостоверение.

— Вот.

— К проезду допущен, — сказал охранник в рацию.

Вахен въехал под купол. По сравнению с Гексой, это была огромная колония. Вахен сразу поехал к командосу.

Вахен вошёл в кабинет командоса.

— Ты откуда и зачем приехал?

— Я с Гексы. На нас напали мародеры, выжили только мы с Томом, — сказал он, указав на кактус, который держал в руке.

Такие разные елки

Дарья Богданова

Я смотрел на неё и, наверное, не замечал. Абсолютно серая, пустая и какая-то плоская.

Перевёл взгляд на окно. Я смотрел на эту новогоднюю суматоху и, пожалуй, был рад за людей. Людей, которые торопятся к семьям, тайно покупают друг для друга подарки (кажется, сами получая от этого большее удовольствие), ловят снежинки, скатываются с горок, смеются. Когда-то я и сам был среди них, а сейчас где-то там мои дети и их дети, надеюсь, они так же довольны и ждут Нового года. А я тот странный человек, который каждый раз ждёт фразы «кто хочет поработать на выходных», потому что сидеть в пустой квартире в праздники невыносимо. Чувствую, этот Новый год пройдёт, как и прошлый. Выпью под куранты стаканчик морса и пойду спать.

Я бы так и продолжал, размышляя, смотреть в окно, но тут раздался звонок. Поднял трубку и, наверное, в первый раз за этот вечер улыбнулся — семья.

— Приве-ет. Как ты?

— Привет. Отлично, вот, ёлку уже поставил. Мне интереснее, как вы.

— Ого, а мы ёлку ещё месяц назад поставили, Лёшка очень просил.

Так мы проболтали ещё минут двадцать, но закончился разговор немного необычно:

— Не забудь дома прибраться.

— Как скажешь, — ответил я немного удивлённо.

Затем мы попрощались, но это фраза смотрелась странно на фоне остального разговора. Я вроде не так редко убираюсь, да и всегда в квартире не грязно было. Так непонятно и закончилось 30 декабря.

С утра раздался звонок. Что такого, скажете вы. Но звонили в дверь. Я посмотрел в глазок и только сейчас понял смысл той фразы. За дверью стояла вся семья. Я открыл и какое-то время всё ещё стоял в непонимании. А за толпой в квартиру ввалились сумки, пакеты, упаковки. После объятий и расспросов началась суета. Украшались комнаты, нарезались салаты, мариновалась и запекалась курица, накрывался стол... После ряда неудачных попыток помочь понял, что лучшее, что я могу сделать в данной ситуации, это не мешать. Выходя с кухни, я посмотрел на своего пятилетнего внука. Он стоял и заворожённо смотрел на ёлку. Ту самую, серую... Я тоже посмотрел на неё. Множество глубоких оттенков зелёного плясали от ветки к ветке, некоторые части буквально на секунду принимали то красный, то синий, то жёлтый оттенок и сразу же исчезали, чтобы загореться в другом месте. Мы смотрели на неё одинаково заворожённо, как будто не было между нами тех пятидесяти лет. А за нашими спинами жизнь была ключом.

Я улыбался.

«Somebody To Love»

Таня Ильина

Март, 2003 г.

— Хорошо, тогда скажи мне, в чем смысл жизни? — Я уставилась на Сашу и подумала, что вот теперь-то он точно не выкрутится. Нам всего-то по пятнадцать лет, что он может знать о смысле жизни... А началось все, как всегда, со споров о хорошей музыке.

— Смотря чего тебе хочется, — не думая ни секунды, ответил он. — Ты вот чего хочешь?

— Путешествовать, наверное, смотреть страны, людей. Чтобы одни краски сменялись другими, — после долгого молчания сказала я.

— Тогда тебе в нефтянку.

— В смысле?

— Чтобы денег на путешествия заработать. — Саша говорил спокойно и уверенно, как будто цитировал большую советскую энциклопедию. Это не могло не раздражать.

— А ты чего хочешь? — спросила я.

— Я хочу жить весело. От музыки тоже должно становиться хорошо. Вот ты слушаешь свое «я ломал стекло как шоколад в руке...» Как это вообще? От любви не должно хотеться руки резать...

Сентябрь, 2022 г.

Таня нашла свой дневник, перебирая старые бумаги. Она смотрела на запись марта 2003, и картинка прошлого всплыла перед ней, как обрывок кинофильма из какой-то параллельной жизни, которую она видела, но та как будто случилась не с ней. Она живо представила Сашин дом: зал с тремя маленькими окнами в белых деревянных рамах, завешанные одним полотном тюля через всю стену, советский раскладной диван, низкий и тощий, и стенка неизвестного происхождения с книгами и хрусталем. В середине стенки располагался алтарь Сашиной религии: музыкальный центр, и бесконечные ряды кассет, и внушительная коллекция дисков (все еще редкость для сельской местности). На все вопросы у Саши был ответ. Таня смотрела через тюль на сельскую дорогу и немного завидовала этой уверенности и твердости, у нее-то вопросов не уменьшалось, а ответов не находилось, и «нефтянка» — это тоже был не ответ.

«Смысл жизни, — усмехнулась про себя Таня. — Когда я последний раз думала о смысле жизни? Все занята чем-то: то чертежи сдавать, то командировки, то вечный вопрос, что на ужин».

— Что там у тебя? — Лёша покосился на Таню, застывшую с тетрадью в руках.

— Ничего особенного, старые записи. У тебя что?

— Твой курсовик по африканским мифам. Вот верили же какие-то племена, что не нужно

хоронить мертвых: посыпал пеплом, и они снова живые. Удобно.

— Ну да, точно, — сказала Таня, пряча дневник под бумаги на рабочем столе.

Таня не пошла в нефтянку. Вопреки практическим соображениям она, после блестяще законченного физмата, пошла на культууролога. Это казалось самым близким к путешествиям, если не считать туризма. Но туризм был слишком коммерческим, а натура тянулась к высокому.

Три года спустя Таня вновь всех удивила: отказавшись от места на кафедре, она вышла замуж за никому не известного Лёшу и уехала в Канаду. Там выучилась на дизайнера интерьеров и получила работу в престижной компании, путешествовала то в Штаты, то в Европу. С цифрами и фактами у Тани было тяжело: они плыли и путались в голове, зато воображение и фантазия работали, как волшебный горшочек с кашей. С Лёшей тоже не прогадала: домашний и ласковый, как кот, а главное, любит. Все, кажется, удалось. Но натура, привыкшая к борьбе, как это часто бывает, начинает прокручивать в комфортной среде, разбалтывая пришедший в спокойствие механизм бытия.

«А что же Саша?» — уже в пятый раз раздавалось в Таниных мыслях.

— Хватит на сегодня, — сказала она. — Остальное разберем в другой раз, до переезда еще несколько месяцев.

Таня затолкала наполовину разобранную коробку обратно в шкаф.

— Как скажешь, — ответил Лёша, пожимая плечами, и направился на кухню, прихватив с собой африканские мифы.

У Лёши возникали единичные интересы к Таниным «придурям», но в целом ее мир мифов, легенд и дизайна казался ему не чем иным, как «жениной блажью», которую он

своим рационально-инженерным умом одобрял.

Вечером Таня зашла в ВК и нашла Сашу через знакомых. Страница была закрыта, а с главной аватарки, закинув голову и поверх носа, смотрел Саша. «В целом не изменился, — подумала Таня, — даже прыщи остались. Неужели живот? И рубашка какая-то дурацкая, в клетку». Таня задержалась над иконкой «добавить в друзья», медленно вдавила левую кнопку мыши и стала ждать. Хотя чего ждать? У них же там ночь, в России.

Таня открыла дневник на первой попавшейся странице и увидела слегка поплывшую, небрежную надпись «Новый 2005-ый». Она закрыла тетрадь и отложила.

В понедельник с утра Таня лежала в кровати, закутавшись в одеяло с головой. Она часто так делала. На какое-то мгновение даже удавалось себя обмануть, что проблемы реального мира не могут пройти через одеяло, а потом начинал звонить будильник. Сейчас он звенел уже третий раз, и Таня медленно выползла в реальный мир сначала одной рукой — отключила будильник, а потом и всем телом и, кажется, даже сознанием.

— I'm still loving you ¹, — пробубнила она себе под нос и расплылась в сонной улыбке.

Потом быстро встала, собралась, сварила кофе, бутерброд на скорую руку и побежала в кабинет. Все встречи в зуме с десяти, а значит, у нее целый час, чтобы найти подходящую песню.

С того момента, как Таня задалась вопросом, как там Саша, и добавила его в друзья, прошла неделя. Саша добавил ее сразу же, но оба молчали. Ни «привет», ни «как дела» не подходили. Нужно было какое-то неизвестное слово. За эту неделю Таня с

основательностью частного сыщика изучила Сашину страницу, делая умозаключения из мемов, песен из плейлиста и крупниц фотографий. Саша редко писал посты, 2-3 фотографии говорили о поездке в Казань и Питер, о личной жизни — ни слова.

Таня открыла Сашину страницу, на его стене последним обновлением была песня The Scorpions «I'm Still Loving You», дата — вчерашнее воскресенье. Таня нашла текст песни, прочла и откинулась в кресле с довольной улыбкой.

Time, it needs time

to win back you love again ²

Сентябрь, 2001 г.

Что сегодня было! Директриса привела на физике нового мальчика. Странный такой: волосы торчком, весь какой-то угловатый, до странности аккуратный: спортивный костюм выглажен и пахнет порошком. Он даже носовой платок с собой носит. Учебники принес по всем предметам. Кажется, умный.

Март, 2002 г.

Саша странный. Он слушает попсу времен наших предков. За это над ним постоянно прикалываются. Шипин смеялся над ним, что Модерн Токинг поют «вишивый, вишивый леди» ³. Саша что-то бубнил себе под нос и продолжал точить карандаш. Потом выводил своим тощим почерком аккуратненькие «You're My Heart You're My Soul» ⁴. И как он разбирает текст? Вчера нарыла Оксфордский словарь (наверное, единственный на весь район). Сидела и слушала английские песни. Ничего не понятно. С расстройств пошла к Насте. Нашли старый сборник из серии Romantic Collection и слушали песню про вампиров, разобрали про кровь и любовь. Теперь это моя любимая песня. Я все еще слушаю КиШа ⁵, но Сашка это не одобряет. Говорит, что — лажа полная. Вoney М — тоже,

говорит, фигня, попсытина страшная, даже неприлично, а мне понравилось. Модерн Токинг, кстати, тоже попса, но ТО качественная — у Сашки всегда есть аргумент. А вообще, слушаем Скорпов и Квинов в последнее время.

Таня мысленно перебирала песни, которые она слушала в школе. «You're My Heart You're My Soul» не подходит, нужно что-то менее попсовое. Скорпов нельзя, иначе будет слишком очевидно. Таня погружалась в водоворот песен из 80-х, каждый новый трек вспыхивал воспоминаниями из школьной юности: это когда мы сидели с Сашкой у речки и слушали его плеер — один наушник мне, другой ему, а это когда танцевали на школьном огоньке, а это ночью в сарае у дедушки, когда мы с сестрами откопали старую радиолу размером со шкаф и искали радио «Юность», единственное, которое можно было поймать в нашем селе. Нашли. Полуночная сельская идиллия с лаем собак, сверчками и звуками ламповой радиолы разлетелась вдребезги от телефонного звонка Али, Таниной напарницы. Она и клиенты ждали Таню в зуме уже десять минут.

— Да, Аля! Извини, технические неполадки. Еще минут пять. Начни со вступления по датам и о чем будет в презентации, а там я уже подключусь.

Таня выбрала The Queen, «Somebody To Love» ⁶. Как и лирический герой песни, Таня чувствовала себя полностью погрязшей в работе и остро нуждалась в любви такой силы, которую только способна представить разгоряченная фантазия скучающего человека. Сделав пост с песней на своей странице в ВК, Таня в наилучшем расположении духа погрузилась в работу.

Сентябрь, 2002 г.

Сегодня после школы пошли к Сашке. Он купил новый диск The Queen, правда, только первую часть. Вторая почему-то в дефиците. Ели макароны. Он отдал мне все зажаренные, самое вкусное! Потом сидели перед музыкальным центром и крутили диски. Когда

заиграла «I'm Still Loving You», он сказал, что хочет со мной потанцевать. Было тепло и уютно, и нестерпимо хотелось упасть в его объятия, чтобы они сжали со всей силы, и перехватило дыхание. Но я не уверена, что так можно, поэтому старалась держаться ровно и сдержанно. Постоянно потели руки. Я все думала, пахнет ли от меня жареными макаронами... А потом он меня поцеловал...

Прошло несколько недель. Таня вставала каждое утро и первым делом проверяла, есть ли песни. Иногда они были, и это был хороший день. Очень быстро музыка на завтрак превратилось в привычку: Таня и Саша поливали друг друга песнями так усердно, как будто хотели вырастить палисадник пионов в засушливый год. Из текстов и названий можно было сложить их пылкий диалог, если, конечно, верить, что диалог этот действительно был. Однако для Тани в этом не было никаких сомнений. Иначе как еще можно было объяснить, что после Таниной «Need Somebody To Love» Саша тут же выложил «Born To Be Yours»⁷. Признание в любви было настолько очевидным для Тани, что у нее внутри летали не бабочки, а бешено прыгали теннисные мячики. Жизнь превратилась в постоянный поиск песен. Таня непрерывно мониторила фоновую музыку в кафе, шоурумах и по радио, из которой она отлавливала жемчужины и самородки с подходящими текстами.

— Аля, стой! — Таня замерла с сияющим лицом.

Аля остановилась посреди магазина плитки, где они с Таней уже несколько часов тщетно пытались подобрать серую плитку с идеальным рисунком и оттенком.

— Скажи мне, что ты нашла её, — процедила Аля сквозь зубы.

— Да, наконец-то, я нашла её! В смысле песню. Слушай!

Аля закатила глаза и, сгорбившись, побрела вдоль рядов серой плитки, которая вся была неправильного оттенка, пока ее подруга и напарница с диким блеском в глазах бегала по магазину и искала, где лучше зашазамить играющий по радио трек.

По вечерам Лёша получал список песен и вынужден был их прослушивать, пока Таня, не мигая, следила за его реакцией на ту или иную композицию.

— Как тебе? — спрашивала она, просверливая Лёшу взглядом до самого глазного дна, отчего ему становилось не по себе. Он уже привык, что на Таню периодически находили какие-нибудь увлечения, и тогда от нее сложно было отделаться. Однажды она начала вышивать крестиком, и Лёше пришлось узнать все о разных узорах и традициях вышивания, а также каждый вечер комментировать Танины успехи в вышивании подсолнуха. И хотя подсолнух был всего десять сантиметров в диаметре, Лёше показалось, что вышивала его Таня всю свою жизнь. А потом так же внезапно вышивание исчезло, и если бы не висящий на стене подсолнух, можно было бы подумать, что его никогда и не было.

— Не знаю, обычная песня, что в ней такого, — виновато отвечал Лёша, не понимая, за что его так мучают. Он пытался вспомнить, когда началась эта песенная одержимость, но больше всего его волновало, когда она закончится.

В песне, конечно, ничего такого не было, кроме, может быть, удачного сочетания трех слов, которое Таня пыталась найти и которое в точности передавало её мысли и удачно подходило под реплику в её воображаемом диалоге с Сашей. Оставалось надеяться, что Саша обязательно поймет, ради каких трех слов Таня выбрала эту песню.

Таня гнала от себя мысли, к чему может привести эта игра в поддавки. «Это только

песни, — думала она, — Что тут может быть плохого. А у меня мир цветной и звучит!» Мелькнула мысль, что, может быть, слетать в Россию, и там на месте уж точно будет все ясно. Нужно только увидеться, и сразу все будет понятно.

Однако, неожиданно сменившийся тон песен застал Таню врасплох. В последнюю неделю заголовки песен сменяли друг друга, все больше приобретая склочный и обвинительный тон. Саша вытряхивал пыльный мешок залежавшихся обвинений. Таня не уступала: ей тоже было что вспомнить.

Вот уже два дня Таня молчала. Кажется, это была финальная Сашина ремарка — «Tainted Love» Soft Cell⁸. Слова песни все еще крутились в голове, как застрявшее в грязи колесо:

Run away, I've got to

Get away from the pain you drive into the heart of me⁹.

«Это плохо, очень плохо, — размышляла Таня, разворачивая тонкую плитку черного шоколада. — Ну что, я правда рвану к нему сейчас в Россию?» Эта мысль все еще казалась фантазией из интернета, однако распечатанный билет на самолет Торонто — Москва лежал тут же, на краю стола, поверх всех остальных бумаг и дел. Таня покосилась на распечатку — ещё целый месяц до вылета. Лёша не первый раз отпускал жену одну в Россию на две-три недели, а то и на месяц. Месяца Тане едва хватало, чтобы повидаться со всеми своими родственниками и подругами, раздарить подарки за все пропущенные праздники, вляпаться в одну-две истории — одним словом, Лёша был спокоен, что Тане совершенно некогда было заводить роман на стороне, да и зачем: все же и так хорошо.

Таня вздрогнула от мысли, что слова и музыка закончатся, сжала руки и почувствовала, как треснула забытая в руке плитка шоколада. К вечеру, переслушав

половину ютуба, Таня скопировала ссылку и разместила ее у себя на странице, а потом, довольная своим поиском и находкой, поставила песню на повтор. В наушниках заиграла Ayokay «I Still Need You».

Yeah, I still need you 'til the end

Yeah, even if you turn me down

I still need you as a friend¹⁰

Ноябрь, 2004 г.

Сегодня был гребаный КВН. Нет, не тот, который идет по телеку. Наш, сельский, в районном ДК. С тех пор как Сашка начал ходить в этот драмкружок, все разговоры только о том, как там круто и какие там все талантливые. Сам Саша выступает там как ведущий и на эпизодических ролях в КВНских миниатюрах, зато полностью отвечает за музыку. С каким самозабвением он мне рассказывал про эту Ленку, и как она круто поет «I Will Always Love You» Whitney Houston. Конечно, я ходила на КВН. Видела Ленку. Хорошо поет. Я так не могу. Я вообще никак не могу. Зато я знаю, о чем в песне, и что она поет с акцентом.

На Сашиной стене не появилось ни одной песни с Таниного последнего «I Still Need You». Таню это неприятно беспокоило, и она против воли проверяла Сашину страницу при каждом удобном случае. Хотелось хоть на секунду отвлечься от этого навязчивого поведения, но все остальное казалось серым, и, что хуже всего, серым неправильного оттенка.

Лёша уже упаковал половину дома, а Танины коробки все еще стояли посреди комнаты.

30 декабря 2004 г.

Новый год! Как я его ждууу! Родители собираются в гости. Я сказала, что не пойду и приглашу друзей, на самом деле только Сашку. Он согласился! Правда, сказал, что у предков еще спросит. Моя мама, как всегда, с подозрением все выпрашивала, но согласилась, даже решила оставить нам бутылку шампанского и салаты, так что мне только плейлист на вечер подготовить: Скорпы, Квины все как обычно, все только любимое.

Новый 2005-й

Он не пришёл. Позвонил в восемь и сказал, что его «мама не отпускает». Это что, оправдание? Я выпила все шампанское, прямо из бутылки, потом врубила радио «Юность» и танцевала под «галимую попсу» с бешеным самозабвением, чтобы не было слышно мыслей. В полночь волна зашипела — записанный эфир кончился, и статический шум повис в воздухе. Я перебирала движок радио, но везде шипело. Даже на радио все ушли праздновать! Я бросилась на диван и зарыдала. Несколько раз подходила к зеркалу, трогала опухшее красное лицо и от жалости к этому печальному существу в зеркале принималась опять реветь. Потом села за комп и удалила все песни, которые с такой тщательностью подбирала несколько часов назад, и врубила «Я хочу быть с тобой». Бутусов и я пели сдавленным голосами непонятные для Саши строки: «Я ломал стекло, как шоколад в руке...».

5 января 2005 г.

Он пришел на следующий день, или через день. Это уже неважно. Занес подарок. Новый альбом Мадонны «American Life». Я не слушаю Мадонну.

— Тебе понравится, — сказал он. — Как откроешь, дашь послушать, ладно?

— Конечно, ладно.

Я предложила поесть. Салатов не осталось, родители третий день ходили по гостям. Из еды были только приготовленные мной макароны. Они выглядели как один большой макаронный

блин, поджаренный снизу. Саша отказался. Сказал, что не любит зажаренные.

Через неделю Саша неожиданно сменил фотографию. Теперь он смотрел на Таню с улыбкой и, кажется, наконец-то был счастлив. Клетчатую рубашку сменили пиджак и галстук, а рядом, уютно завернувшись в фату и его объятия, стояла избранница. Таня замерла перед монитором, щеки вспыхнули, руки стали влажными и холодными.

— Бывший, что ли? — шутливо спросил Лёша, заглядывая через Танино плечо.

— Да нет, одноклассник просто. Женится вот...

— Когда выкинешь-то? — Лёша пнул ящик со старыми бумагами.

— Да выноси уже, — неожиданно для себя сказала Таня.

— Даже перебирать не будешь?

— Нет, а то сомневаться начну, захочется оставить. Столько лет мне это было не нужно.

Таня и Лёша выгрузили несколько коробок старой макулатуры.

— Пойдем ужинать. Я макарон пожарил, — сказал Лёша, выкидывая последний короб.

— Все поджаристые мне?

— Вот еще! Поровну, как обычно.

— Представляешь, некоторые люди зажаренные макароны не любят.

— Эти люди ничего не понимают, как и те, в твоих мифах, которые мертвых закопали. Могли бы пеплом посыпать, но им послание богов неправильно передали, представляешь! — Лёша сделал паузу и добавил: — Древний пример недопонимания.

— Может быть, эти последние все-таки что-то понимали.

Лёша пожал плечами и пропустила Таню в дом.

Июнь, 2005 г.

Выпускной. Наконец-то школа закончилась, и можно уже валить из деревни в город. Мы всем классом ломанулись в строяк. Я, правда, как отщепенец — в культурологи. Выпускной прошел в лучших сельских традициях, с концертом местной самодеятельности. Саша светился там, как ведущий. Финальная песня — The Scorpions, «Wind Of Change». Саша выбирал. Даже пел в общем хоре, хотя сам же знает, что не певец.

В столовой Саша сел рядом со мной. Жаловался, что котлеты наполовину из хлеба, и в целом был немного печален. Я пыталась быть в хорошем настроении. Я заслужила: сдала все экзамены на пятерки, сшила себе платье на выпускной из белой парчи с серебряной нитью и сделала свою прическу, пока всех остальных выпускниц штамповали в парикмахерской по лекалу пучок-кудряшки.

Хорошее настроение пришло в пакете под столом. Саша отказался пить вино, а наша

небольшая компания переместилась за ресторан. После закрытия ресторана, захмелевшие и веселые, мы решили, что нельзя просто взять и разойтись, и собрались встречать рассвет. Сначала разбежались по домам переодеться, вернулись не все, всего человек семь энтузиастов. Саша не пришел.

Я не знаю, на что мы надеялись. Настя даже говорила пару раз, что кругом туман. Но мы перли по влажной скользкой траве вверх на чистом оптимизме в надежде, что там, наверху, будет солнце. До верха дошли трое: Петюня, Настя и я. Грязные и мокрые, мы стояли на невысоком холме, окруженные туманом, а где-то там вставало солнце.

— Отсюда рассвета не увидишь, — грустно сказал Петюня.

Я кивала и улыбалась. Это было только начало.

1. Я все еще тебя люблю /англ./[↑]

2. Время, нужно время

Чтобы вернуть твою любовь (англ.) — слова из песни The Scorpions «I'm Still Loving You»[↑]

3. Пародия на «Cheri Cheri Lady», «Дорогая, милая леди» — название песни группы Modern Talking[↑]

4. Текст из одноименной песни Modern Talking[↑]

5. «Король и Шут» — советская и российская хоррор-панк группа[↑]

6. Найдите мне любовь (англ.) — песня группы The Queen[↑]

7. Рожден быть твоим (англ.) — песня Imagine Dragons and Kygo[↑]

8. Испорченная любовь (англ.) — название песни британской группы Soft Cell[↑]

9. Сбежать, уйти от боли, которую причиняешь моему сердцу[↑]

10. Да, ты все ещё нужна мне до конца
Да, даже если ты откажешь мне

Ты все равно мне нужна, как друг[↑]

И трубы Воспоют

Алла Михайлова

В школе тетю Иру побаивались. «Иерихонскую трубу принесло», — говорили учителя, когда мама Игоря — громогласная, грузная, — появлялась после очередной записи в дневнике с тремя восклицательными знаками.

Папы у Игоря не было, жили они в двухэтажном деревянном доме на восемь квартир: тёмные брёвна, запах борща на лестнице, перила, захватанные поколениями жильцов...

Мы с Игорем дружили, часто возвращались домой вместе — нам было по пути. Я знала, что ему нравится девочка из параллельного класса, красивая и своенравная Оксанка. А тётя Ира не знала и думала, наверное, что нравлюсь я, поэтому время от времени приглашала меня на концерты в местный Дом офицеров, и мы ходили на них втроём: я, Игорь и его мама.

После выступления она всегда просила: «Деточки, погуляйте, я покурю немного...» И мы топтались где-нибудь недалеко, болтали и смотрели, как вспыхивает в темноте огонёк сигареты.

Однажды тётя Ира застучала Игоря с папиросой и страшно накричала на него: «Я курю не от хорошей жизни, понимаешь? А ты?»

«Я тоже не от хорошей», — бурчал Игорь и продолжал курить тайком.

День рождения у тёти Иры был в начале марта. А в том году даже не просто день

рождения, а юбилей — ей исполнилось пятьдесят лет.

Тётя Ира работала директором самого крупного в городе продовольственного магазина, что по тем временам, в конце восьмидесятых, было не какой-то там должностью, а Должностью с большой буквы. Празднование намечалось с размахом. Я однажды заскочила к Игорю и увидела коридор, забитый ящиками со всякой снедью: «К юбилею готовимся. Мать сказала, я тоже могу пригласить кого хочу. Как думаешь, Оксанка придёт?»

Вредная Оксанка ожидаемо отказалась, зато одноклассники перспективой попасть на настоящий взрослый юбилей вдохновились, начали обсуждать подарок, собирать деньги.

Купить подарок мы так и не успели: незадолго до юбилея тётю Иру обокрали. Вынесли всё. То там, то здесь в коридорах школы перешёптывались об импортном кассетном магнитофоне, телевизоре «Рубин», гдээрзовском, в бензиновых разводах, сервисе «Мадонна», чешском хрустале, коврах, мутоновой шубе, песцовой шапке, золоте и, конечно, о ящиках со снедью к юбилею.

Все пришли к выводу, что обокрал кто-то из своих, знавший о подготовке к празднику.

А ещё через несколько дней школу сотрясло новое печальное известие: тётя Ира умерла. Сердце не выдержало.

Хоронили её в день рождения, в юбилей. Мы пришли всем классом к дому Игоря. В

школу он не ходил. Пока взрослые хлопотали наверху, мы вышли на улицу и встали с ним у подъезда: мальчики рядом, девочки чуть подальше. Игорь ни на кого не смотрел, куртка болталась на нём незастёгнутая, промозглый мартовский ветер трепал её, выворачивая полы, Игоря била дрожь...

Кто-то из девочек передал варежки, кто-то снял с себя шарф, кто-то из мальчиков надел на него свою шапку — замотали, застегнули, сбились в кучу.

Стояли молча, не знали, что говорить. Да и что говорят в таких случаях? Ничего, всё пройдет? Время лечит? Держись?..

Игорю протянули зажжённую папиросу: он взял её, поднёс ко рту и вдруг дёрнулся, будто его прошило судорогой. Замотал головой, бросил папиросу под ноги, а потом отвернулся к стене и заплакал...

На кладбище нас не взяли. Мы проводили автобус и молча потянулись по дороге к школе, темные, сторбленные, как единицы в классном журнале после контрольной. Меня захлёстывало то горе, то гнев, слёзы застывали в глазах, царапались льдинками. «Как же так, как же так! — кричала я живой тётке Ире, а не той незнакомой, страшной, которую везли сейчас в ознобном, чёрном автобусе. — Зачем всё это, все эти сервисы, шубы, хрусталь, зачем же из-за них, а что теперь будет с Игорем, а как же он, тётя Ира, как же он?..»

Игорь вернулся на учёбу не сразу. Его взял к себе дядя, мамин брат, он жил теперь в другом районе, но продолжал ездить в родную школу. Никто из нас не говорил с ним о смерти матери — невозможно было говорить, немислимо. Закончился девятый класс, пролетело лето, а дальше был выпускной десятый, экзамены, аттестат, снова экзамены, работа, жизнь...

Иногда мне снится наша старая школа: тополя перед входом, лестничные пролёты на четыре этажа, длинный школьный коридор, и в самом конце, вполоборота ко мне, стоит тётя Ира и курит в открытую форточку.

И я, сама уже взрослая тётка, начинаю частить: «У Игоря всё хорошо, тётя Ира, всё как у людей: поступил после школы в военное училище, женился на Оксанке, через год развелся, потом снова женился — не на Оксанке, тётя Ир, на другой, нормальной. Двое детей — мальчик и девочка. Такой стал большой, громогласный — настоящий полковник! Не курит, тётя Ир, представляете, совсем не курит, больше никогда...»

«А этих, тётя Ира, тех, кто тогда... — не могу договорить я и каждый раз сбиваюсь, — так и не нашли...»

«Ничего, я встречу их *здесь*», — отвечает она и тушит сигарету.

Июнь бюджет

Дуня Беляева

— Мой дорогой и любимый S. K., где ты, чёрт возьми, шляешься? В каком море? Сегодня было столько жёлтых листьев. Тебе бы понравилось. Здесь осень приходит позже, чем в Питере. Хотя ты сам не видел питерской осени уже... сколько?.. По идее, ты должен сейчас подходить к Панамскому каналу. Блин, хоть бы одну нотку твоего голоса услышать... Кусаю мочку уха, там где серёжка.

Ольга отодрала лист от календаря — в ведро полетел комок из августа, сентября и октября 2022 года. Это уже ритуал — открывать следующее трёхмесячье в надежде, что на этом развороте они с S. K. точно увидятся. Новые девяносто тюремных клеток с чудесными немецкими праздниками Allerheiligen и Weihnachten. В них всё будет как всегда — работа в крупной компании на высоком этаже, любящий гладкий муж, сидящий пожизненно в банке и в свои тридцать семь планирующий активности на пенсии, брусчатые улицы, гномы и ангелки в садах, начищенные свежие пенсионеры, стучащие на тебя, если не моешь лестницу раз в месяц и говоришь на «тарабарщине» на балконе. В восемь тридцать на работу пешком вдоль парка, в час обед, в шесть отбой, они с мужем загружают посудомойку, занимаются сексом в миссионерской позе, ездят на острова, рожают детей, разгружают посудомойку, ходят на свадьбы, где Ольга всем говорит — вот мой муж, ездят в отпуск с его родителями, не занимаются сексом, ходят в рестораны с коллегами, где всем говорят — вот наши дети, и так далее, прямо к пенсии — идеально, никаких вэриаблс, умирать можно прямо сейчас.

Пятнадцать лет назад Ольга мечтала именно о такой жизни. В сентябре 2007 года она приехала покорять Германию — к молодому человеку, от которого сбежала через

месяц с одним пластиковым пакетом в руках. Денег не было, а получить бакалавра в Людвиг-Максимилианс-Университете в Мюнхене, входившем в десятку лучших в Европе, — хотелось! В Мюнхене как раз проходил Октоберфест — на октябрь он почти никогда не выпадает — где мигранты и отчаянные немцы гребли деньги лопатой. С университетской подругой из Питера Ольга ходила от палатки к палатке — все эти гигантские Paulaner, Augustiner, Löwenbräu, — ища работу. Для официанток они не годились — слишком тощие (надо унести за раз, подперев бюстом, восемь литров пива), а на продажу сувениров — самое то. Сентябрь был нежаркий, и палатку продувало вдоль и поперёк. По двенадцать часов в день Ольга с подругой прочёсывали ряды и зазывали сначала чинных, а потом блюющих и лапающих их немцев купить футболки по двенадцать евро и кепки по десять. Повопив так неделю, Ольга слегла с бронхитом в подвале. Вообще им с подругой обещали красивую двухкомнатную квартирку у метро, но когда они стояли у её двери, оказалось, что квартирка не готова, а лендлорд любезно предложил просторный подвал, где явно кто-то ещё жил. Ольга лежала в бреду, наблюдая подошвы мелькавших над ней ног. Врач приехать отказался — немецкая философия: если не при смерти, должна прийти сама. Через неделю Ольга думала, что умерла — она валялась одна в полной тьме, подруга работала. Ольга поклялась, если выживет, никогда не быть одинокой, нищей и не жить в подвале. Наконец, подруга вычитала что-то в гражданском кодексе, наорала в трубку — приехали, дали антибиотик. Ольга снова ходила по Октоберфесту, качаясь от температуры, и, безголосая, свистела в свисток, пожертвованный официанткой.

Они с мужем только что вернулись из отпуска на Мальдивах. Хотя на самом деле

Ольга была там, конечно, с S. K. — поправляла ему дайвинговое снаряжение, гуляла вдоль воды — с ним, пела ночью — ему, занималась любовью — с ним, читала «Войну и Мир» — ему. Но большую часть времени Ольга проводила в общих с S. K. воспоминаниях — слизывая с его щеки мороженое у Петергофского Самсона, разглядывая с ним нескромные фотографии в Эрарте, танцую вальс в Московском отеле среди разбросанных чемоданов, в Мариинке — сжав его руку от ощущения влажного языка в ухе, в Стамбульской мечети, где они пытаются закрыть её голые плечи малюсеньким шейным платком, в какой-то церкви в Петербурге, ставя вместе свечку. Чаще всего она видела Невский — как море, всегда другой. Кафе были закрыты из-за короны, и они просто шли, шли. На канале Грибоедова S. K. купил все розы у торговца и вино в нелегальном подвале, Ольга села на каменную скамейку, скинув босоножки, а он целовал ей щиколотку и декламировал что-то. Его голосу, светящейся воде и белому небу не было конца. Наверное, умирать надо было тогда, счастливей уже точно не стать.

Нежно-красную медаль «родившейся в Ленинграде» Ольга всюду возила с собой, и та неизменно закатывалась за шкафы во время переездов. Ольга любила Петербург, как любят только родное — поверх морщин, шрамов и дикого характера. Только Петербургу было позволено быть гордым, парадным, сквозняковым, с нетопящимися котельными и некончающейся зимней темнотой, а денег — на суп, гречку с подливой от мяса и театральную галёрку. И только Питер преображался в сказочную витрину Елисеевского магазина, золотую лестницу Эрмитажа и совершенные пропорции улицы Росси, только в нём были кружение на машине по двухметровому Невскому льду и солнечное безумие, когда этот лёд вставал в апреле, пыль на бархате театральных подлокотников, зачарованные лица сфинксов, чтение стихов с бомжами и шампанским на набережной, раскаты песен «Сплина» в переходе и нирвана светлых ночей между половинками мостов, колоннами Казанского, львами, танцами на Стрелке и утренним сквером с шавермой. Ольга уехала из Петербурга, ещё не закончив университет, и Питер навсегда остался для неё юным, дерзким и неосуществлённым. Германия была очередным приключением, Ольга не планировала уезжать насовсем — она

хотела выучиться, поработать и вернуться на крутую должность в международной компании, снять квартиру в центре и заниматься творчеством, на которое до сих пор не хватало денег — писать рассказы, рисовать, может, даже танцевать. Но вышло не так. Германия засосала удобством, гигантской зарплатой и какой-то необъяснимой инерцией, жертвой которой становится каждый второй изнывающий здесь иностранец.

Ольгин запас энергии иссякал, и она паломничала в Петербург, оставляя во Франкфурте солнечного мужа под очередным визовым предложением. Он мешал её поиску чего-то... или кого-то. И Ольга нашла S. K. — в сердце июня, в концертном подвале, на выступлении группы школьной подруги. S. K. пошёл провожать Ольгу, и, растерянные по чужбинам, они вдруг нашлись в толпе Невского и не смогли друг друга отпустить. Неисхоженные питерские улицы, не встреченные утра, неизсуженные кафе, не исчитанные на двоих книги, недосмотренные театры, неотмечтанная юность, не отлюбленное так, как хотелось — в душу, дотла, невыбранная мебель, нерождённые дети, зовущие её на родном языке — Ольге хотелось всего, хотелось с S. K.

— Я готова, S. K., я точно знаю! Пусть скорее будет темно и холодно, потому что тогда ближе декабрь и наша встреча. И мы не расстанемся... Да куда же ты подевался? Почему так долго молчишь?

— Значит так, S. K. мой, квартиру во Франкфурте я подыскала — на том самом сайте, там будем жить три месяца, пока твоя виза не истечёт, я как раз успею закончить дела. А потом в Питер, как задумали. Всё будет, пойдём в оперу.

А ведь в 2013 году Ольга решила больше не любить. Она закончила бакалавра на «Милках» и «Рэдбуллах» ценой плюс пятнадцати кило, поступила в магистратуру в Штутгарте и параллельно нашла подработку на Даймлер-Бенц — всё по инерции. И всё искала любовь. Но Германия была сурова и не нуждалась в Ольге — любви не было ни в Мюнхене, ни в Штутгарте, ни в универе, ни на

Даймлере, ни в ведомстве по делам иностранцев, ни вообще. Толстый гном среди отборных блондинок — ещё и умных и с приставкой «фон» к фамилиям, — Ольга была на Даймлере, видимо, для дайвёрсити. Даже не чуждый глубин души колумбиец в соседнем кабинете, по которому Ольга сходила с ума два года и с которым напивалась три раза в неделю, в конце концов сказал, что влюбился в коллегу-блондинку с перспективным папой. В ту ночь Ольга проснулась на полу общежития в блевотине после шести «Москоу-Мюллей» и поняла, что любить — роскошь. А ей нужен партнёр — чтобы было удобней и дешевле в мире, сделанном для партнёров: в отпуске делить номер, в квартире — аренду, в ресторане — счёт, и чтобы говорить, как король Людовик, — мы поехали, мы купили, мы родили. Переехав во Франкфурт-на-Майне и устроившись в банк, из которого она сразу замечтала сбежать в рекламное агентство, Ольга встретила будущего мужа. Он любил рутину, любил Ольгу, был умным и хорошим — идеальный партнёр. Муж-якорь, муж-константа, как учили коучи по отношениям: после ядерного взрыва он выйдет на кухню ровно в восемь и сделает себе бутерброд с сыром и хамоном.

— Как вообще это возможно, что два месяца уже нет связи? Ты мне обещал Мариинку, на Вагнера тебе хочется... Эта грёбаная Колумбия Шипмент, что за бардак у вас там, они никогда не могут ничего сказать. Что ты плаваешь, я и так знаю... Понимаю, что война, сложно с визами, замену не найти, но что они, вас вечно в море без связи держать собираются?

...

— S. K., ты в курсе, что твои нереальные розы до сих пор приходят в офис? Это что за приколы? Цветы от Маяковского? У коллег настоящий квест, никто здесь в принципе цветов не получает вот так, тем более каждую неделю. Спекулируют, от кого, шеф спрашивает, не харасят ли меня. Да лучше б харасили, чем эта боль. Больно без тебя — цветы есть, а тебя нет, понимаешь?

...

— Надо было тогда — в жизни для всего есть момент, и мы наш упустили. Я была готова, ты знаешь, уже тогда, когда прилетела и рыдала тебе в трубку, что беру обратный рейс, что не вынесу ни секунды в одной постели с ним — не после нашей с тобой Москвы. А ты начал как всегда: рано, где мы будем жить, нужно разобраться с детьми, отпустить старое, взвесить... Довзвешивался? Теперь где ты?

И почему S. K. не понимал, что Ольга давно готова? В Германии она не любила уже ничего. Несмотря на постоянную самооптимизацию в более тихую и комплаенсовую версию себя, она осталась дикой славянкой. Кроме того, Ольга достигла предела своего развития. В немецком обществе у каждого чёткая ниша — у рабочего, отучившегося иностранца, неотучившегося иностранца, потомственного юриста тире банкира, аристократа. Чтобы идти дальше, надо выйти замуж или хотя бы спать с нишами выше — здесь Ольга исчерпала свой потенциал. Обещанные свободы тоже разочаровали: можно спокойно ходить в грязных кроссовках в мишленовские рестораны и целовать взасос другую девочку посреди универа, но считать, что солнечная энергия ненадёжна, глобальное потепление — отвлекающий манёвр, вакцины не нужны, а трансженщины — не женщины, оказалось, нельзя и светит кансэлингом. Эмансипация — тоже фейк, женщинам платят на тридцать процентов меньше мужчин и они почти перестают работать, когда рожают. В высшие эшелоны им не пробиться, поэтому там для них ввели квоты и полуругательный термин «Квотенфрау».

— S. K., сегодня шесть месяцев с нашей последней встречи — полгода! Ты считаешь, это нормально? Все разговоры о четырёхмесячных контрактах — туфта. Я тихо схожу здесь без тебя с ума.

...

— «Ниоткуда с любовью, надцатого марта, дорогой, уважаемый, но неважно даже кто, ибо чёрт лица, говоря откровенно, не вспомнить уже...» Помнишь? А теперь это про

нас! Ты понимаешь, что я забыла твоё лицо.
Понимаешь, что это пытка?!

...

— Слушай, знаешь что, я, может, вообще умерла уже! Это так ты меня любишь? Я всё должна прощать: детей твоих — прощать, время не на меня — прощать, и жизнь без тебя — прощать?! Да не пошёл бы ты к чёрту?! И вообще: может, так и лучше. Как с тобой жить? Через четыре месяца ты снова в море и неясно, когда вернёшься. С мужем стабильность, а ты что дал — разрыв сердца, вечную тоску? Мне нужен план, я не могу ждать, ждать, ждать! Конечно, с тобой поэзия, душа, высокое... К чёрту высокое! Нету сил страдать!

Ольга перерабатывала S. K. как физическую боль — раскладывала на части, прочувствовала их и затупляла временем, дробила в сны и слёзы, прерываемые коллами с клиентами, во вздохи в чернеющем парке и при виде мелочей, напоминавших о нём — подаренных S. K. серёжек, открыток, высохших цветов на рабочем столе, дерева, у которого, полуголая, делала для него селфи. Она напичкала свою жизнь поездками, презентациями, суетой. S. K. светился ей в каждом аэропорту и вокзале, потому что часами был в её ухе, когда она куда-то ехала. Она возвращала его этим аэропортам и станциям, прочитанным друг другу книгам и стихам, улицам Франкфурта, которые исходила, разговаривая с ним по ватсапу и, наконец, клумбе у супермаркета, на которой мёрзла вечерами с S. K. на видеосвязи, сказав мужу, что пошла бегать. И так Ольга вернула его всего тому родному и подсознательному, из которого он вышел. В конце концов Ольга решила, что S. K. никогда не было.

— Да собрала я, собрала, и подарки взяла. Сначала к твоей матери, потом к кухне. Да испеку я, отстань. — Ольга изо всех сил давила на чемодан, но каблучки не встраивались в чемоданный тетрис и выпирали через ткань молнии. Ещё недавно ей нравилось быть пригретой доброй галдящей семьёй мужа — чуть ли не основная причина, почему она с ним не разводилась. Впереди еда, много еды и ещё больше разговоров о ней — тоска.

...

Стоит питерский июнь — тот самый, в который не веришь в декабре. Ольга сидит на широком кухонном подоконнике однокомнатной квартиры на набережной Фонтанки. В распахнутом окне — завитушки фонарей, старые крыши и светлая ночь — та, в которую бывает всё. Ольга пьёт вино, тербит мобильник. Мобильник отсчитывает часы — осталось два. Скоро она сбежит в лёгких босоножках с пятого этажа, выйдет к Фонтанке, сзади останется круглый цирк, в который она ходила ещё маленькой, дальше — прямо, к коням на Аничковом мосту, от коней она нырнёт в Невский, узнает себя в лицах, отразится в глазах, окнах, колоннах Казанского, в крыше Дома Книги. Дальше — направо, в арку главного Штаба, перелетит через Дворцовую, в простор, в ветер с Залива, к мосту. В ночь на семнадцатое июня, на первой разводке Дворцового моста, в час десять. Так они условились на случай, если оборвётся связь. Он будет там. Она его сразу узнает. Морские глаза и серёжка в левом ухе. Он будет. Его не может не быть.

...

В гостиной Франкфуртской квартиры не было ничего, кроме складного стула, календаря на стене и распластанного на полу чемодана. Последнюю мебель вывезли утром. На стуле раскачивалась Ольга, положив ногу на ногу и уставясь в пустой календарь. Был ещё свинцовый привкус расставания с мужем — он плакал, говорил что-то про сумасшедших русских и, кажется, что Ольга спустила себя в унитаз. Был билет в Петербург и съёмная квартира на Фонтанке. То ли потому, что она первый раз за последние пятнадцать лет сделала по-настоящему свой шаг, то ли потому, что ей слишком давно хотелось выехать из их с мужем насколько красивой, настолько же чужой квартиры с лепниной, Ольга, как когда-то в своей питерской юности, ощущала, как внутри поднимается, щекочет в низу живота, разрастается забытое, острое, неумное желание — жить, прямо сейчас.

На связи

Елена Алферова

В ноябре темнеет рано. Моя комната утопает в сумерках, но я не включаю свет. Злой ветер завывает в щелях панельной шестнадцатизэтажки, моей ровесницы, надрывно дребезжат стекла в деревянных рамах, качаются долговязые силуэты деревьев, больше похожие на мертвецов с раскинутыми в стороны руками-ветвями. Я опустила руки на колени и ощутила что-то теплое, мягкое, шелковистое. Это Персик, мой кот. Оказывается, я совершенно забыла, что он заснул у меня на коленях. От долгого сидения у меня затекли ноги, да и все тело, но я продолжала сидеть в прежней позе, почти не дыша, чтобы не вспугнуть Персика. Он теперь все время спит, свернувшись калачиком и прикрыв хвостом нос. Персику уже семнадцатый год, и за последнюю неделю он сильно сдал: сначала у него вывалился зуб, которым он чуть не подавился, потом он перестал есть и сильно отощал, превратился в бледную тень, в которой с трудом узнавался прежний рыжий озорной кот-разбойник, гроза дворовых голубей. Теперь он лежал совсем тихо, редко прерывисто дыша, глаза полуприкрыты, кончик розового языка вывалился наружу.

Может быть, он так и уйдет во сне, и я ничего не успею сделать? Страх потерять его прямо сейчас сковал меня. Надо бы отнести его к ветеринару, но что-то мешает мне это сделать. Помню, как лет пятнадцать назад мне позвонила среди ночи Мирка и сказала, что у нее умирает Плюшка — она перестала есть, не притрагивалась даже к своему любимому потрошеному минтаю, из которого Мирка собственноручно удаляла все кости. Плюшка стойко переносила болезнь, опухоль мозга, как я потом узнала. Но, несмотря на все старания Мирки, Плюшку пришлось усыпить, иначе она бы умерла от истощения. Мирка не скрывала своих чувств и щедро делилась

подробностями, от которых я содрогалась и плакала и которые хотелось скорее забыть. У Мирки хватило сил пройти этот путь одной, хватит ли у меня? А если я ей позвоню, спрошу, что делать... И что сказать? «Привет, извини, что не звонила сто лет, не могла бы ты мне помочь?» Нет, нет, так не пойдет, особенно после того, что я сделала. Прости, Персик, что беспокою, но мне пора ложиться спать.

Промозглое утро не принесло облегчения. Голова была все такой же тяжелой, набитой вялыми неповоротливыми мыслями, будто старый сундук — ненужным хламом. Персик спал на полу под горячей батареей, от которой у него начинали слегка завиваться вибриссы. Сейчас он выглядел таким спокойным и умиротворенным, что я улыбнулась, глядя на него. То, что с ним может что-нибудь случиться, казалось теперь невыносимым, невозможным. Не такой уж он и старый, кажется, коты и до двадцати лет доживают. Вот сменю ему корм, куплю витамины, и он обязательно поправится. Правда, Персик? Я потрогала его сухой горячий нос, глаза он так и не открыл, а к миске с едой не притронулся. Может быть, у него температура, как и у меня?

Сама я вторую неделю подряд сидела на больничном. Меня мучили перманентные головные боли, температура, слабость, апатия. Перед этим я совершенно нелепо растянула связки под коленом и хромала с гипсом на ноге почти месяц. Череду неясных болезней, недугов и недомоганий тянулась почти два года. Болезни то появлялись, то бесследно исчезали, и никогда нельзя было их предсказать. По сути, я даже не болела чем-то определенным, просто неудачное стечение обстоятельств, слабый иммунитет, нервное перенапряжение, ничего серьезного, но в

совокупности все эти случаи складывались для меня в одну картину, одно целое. И это, как я начала догадываться задним числом, была моя карма, моя память, мое напоминание об утрате.

Два года назад я перестала общаться со своей лучшей подругой Миркой. Она приглашала меня на презентацию своей первой изданной книги семь лет назад, но я так и не пришла. Я сгорала от стыда и зависти. От стыда, что я сама не могу написать ничего стоящего, несмотря на многолетние мечты и старания (больше мечты, чем старания), а зависть в объяснениях не нуждается. Я замкнулась в себе, перестала отвечать на сообщения. А потом у Мирки случилось несчастье, на фоне стресса она заболела и перестала выходить из дома. Наверное, она ждала, что я позвоню и приеду к ней сама, но я так и не позвонила. А теперь уже поздно.

Под вечер я выбралась в аптеку за жаропонижающим для себя и в зоомагазин за витаминами для Персика. На обратном пути мне позвонила мама.

— Аленушка, как ты там? — Голос у мамы был тихий, подавленный.

— Да, как всегда, мам, все одно и то же, а что случилось?

— Давно от тебя ничего не слышали. Ты что-то совсем не звонишь, не пишешь.

— Я никому не звоню и не пишу, потому что я очень устаю. — Я начала раздражаться.

— Мы с папой волнуемся. Когда ты к нам собираешься? Помогла бы нам? Мы так соскучились. Целыми днями работаем, бабушку кормим, в сад ходим. Ты бы приехала, яблочек поела, папа мед бы наш достал.

— Мам, не сейчас, давай позже. Не могу же я взять, сорваться и уехать.

— Конечно, приезжай как сможешь. Только не затягивай.

— Да, да, конечно...

Я долго стояла перед дверью, не решаясь вставить ключ в замочную скважину. Что-то в разговоре с мамой заставило меня беспокоиться. Она сказала, не затягивай, но я уже все затащила настолько... Мысль о том, что с Персиком могло что-то случиться, пока меня не было рядом, сковала руки и ноги. Очень медленно я открыла дверь. Персик лежал на полу посреди коридора и не шевелился. Может быть, он просто устал и прилег вздремнуть? Я наклонилась, прислушиваясь, и различила сиплое, затрудненное дыхание. Значит, еще не поздно. Я схватила большую походную сумку, уложила на дно безвольное тело Персика, накрыла полотенцем и вылетела в холодную промозглую ночь. Может быть, позвонить Мирке, спросить, к кому лучше обратиться? Нет времени...

Я быстро добралась на такси до круглосуточной ветклиники, отстояла короткую очередь из трех владельцев собак и наконец-то осторожно передала сумку с Персиком в руки ветеринара. «Обещать ничего не буду, — сухо сообщила ветеринар, немолодая женщина с усталым, невыспавшимся лицом, — но мы постараемся сделать все, что возможно. Ждите». Потянулись долгие минуты и часы ожидания. Так вот и Мирка, наверное, ждала в больнице, не зная, что будет дальше и как потом жить. Как она справилась с потерей, я не знаю. Я с трудом припоминаю тот период, потому что сосредоточилась на себе и на своем самобичевании, проблемы других людей казались далекими. Однако в случае Мирки я, скорее, отстранилась от нее намеренно. От того ли, что ей легко удавалось то, о чем я только могла мечтать, или от того, что она буквально притягивала смерть и я боялась быть втянутой в этот страшный водоворот. Мирка потеряла обоих родителей в течение нескольких лет: они сгорели, будто спички, от рака один за другим. А я, испугавшись тяжести ее ноши, бросила ее один на один с этим невыразимым ужасом и одиночеством. Я боялась позвонить, я много раз собиралась, но так и не смогла себя заставить. Я боялась ее

горя, ее слез, ее рассказов о муках и о смерти. Но предательство страшнее смерти, и за это я до сих пор не могу простить себя и позвонить Мирке. Просто позвонить и сказать «прости»...

Вышла ветеринар и с совершенно пустым лицом сообщила, что у моего кота отказали почки, а во время операции остановилось сердце. По ее глазам было видно, что она не спала уже несколько дней, а в коридоре ждут другие пациенты, и ей нужно идти. «Тело можете забрать сейчас или, по желанию, оставить в клинике для кремации, решайте сами, но самостоятельно хоронить запрещено». — Ветеринар вздохнула и скрылась в кабинете.

В первую секунду мне захотелось закричать, упасть на пол и зареветь. Слезы уже

наполнили до краев глаза, но крик застыл в горле. Страх кончился. Не дав себе одуматься, я набрала Миркин номер и стала ждать. Вначале в телефоне слышались долгие томительные гудки, затем в динамике что-то щелкнуло, и сквозь шелест помех пробился знакомый, чуть хрипловатый голос.

— Алло, Леночка, это ты? — Голос Мирки совершенно не изменился с тех пор, как я его помню, будто мы расстались только вчера.

— Да, Мира, это я! Как ты? Я боялась, что не дозвонюсь.

— У тебя что-то стряслось? К тебе приехать?..

Секрет

Дарья Фомина

У Кати волосы тонкие, светло-русые, коротко стриженные, и незнакомые взрослые часто называют ее мальчиком. Очень худенькая, в ненавистных полинявших футболке и джинсах, которые приходится донашивать за старшей сестрой, на ногах — кроссовки, купленные на вырост. Все сотрудники у мамы на работе, увидев Катю, сразу начинают ее чем-нибудь кормить и потом высказывают маме: «Что ж она у вас такая худенькая? Ветер подует — улетит». Мама только горько улыбается и разводит руками.

Катя живет все лето на даче с бабушкой и старшей сестрой Дашей, толстой и красивой. У Даши есть то, о чем Катя пока только мечтает — длинная и густая русая коса. Даша гордо перекидывает тяжелую косу через плечо и любит свое отражение в зеркале. И Катя тоже любит встать на стул перед большим зеркалом, надеть на голову разноцветные колготки, заплести из них длинную косу — длиннее, чем у Даши. Вот теперь я красавица, думает Катя и улыбается.

Завтраки на даче всегда под открытым небом. Бабушка разливает по стеклянным стаканам горьковатый чай с мятой и черной смородиной, он обжигает руки и губы. Бабушка наливает его в блюдце, чтобы скорее остывал. В стеклянной вазочке по центру стола семь конфет «Красная шапочка» — но это только для тех, кто всю кашу съест. Катя смотрит на них и облизывается: вот бы хоть одну прямо сейчас. «Сначала кашу», — грозит пальцем бабушка. У нее не забалуешь.

От манной каши в алюминиевой миске идет густой пар, а в блюдце с чаем плавает облако пломбирного цвета. Оно похоже на лохматого львенка, а еще на большую черепаху. Катя рассматривает его, наклоняется, щекам становится горячо. «Ешь! А то остынет!» — Грозный окрик бабушки заставляет Катю вспомнить про кашу. Катя зачерпывает чуть-чуть на кончик ложки и старательно дует. Считает до ста, рассматривает узор на алюминиевой миске. Интересно, как его сделали? Нарисовали алюминиевым карандашом?

Даша уже съела свою порцию и просит еще. Бабушка одобритительно кивает, щедро кладет ей добавку, а на Катю грозно посматривает: «Ешь давай!» Катя вздыхает, опускает глаза и перекладывает слипшиеся комочки манки из середины к краям тарелки, пробует один на вкус и тут же выплевывает, скривившись: холодный и мерзкий. Катя старательно размазывает клейкую кашу по краям — так ее кажется меньше. Даша с удовольствием соскребает со стенок миски остатки, облизывает ложку и тянется к конфетам. Теперь можно.

«Господи-боже-мой! За что мне такое наказание — кормить этого ребенка». — Бабушка бросает ложку на стол и поджимает губы. Брови ее сгущаются, превращаются в одну строгую полоску. — Сладкого не получишь, пока кашу не съешь». Даша уплетает вторую «Красную шапочку», потом третью, четвертую, пятую. С Катей не делится. Ну и что. Подумаешь! Не в конфетах счастье.

Конфеты — это радость и праздник. Их, в разноцветных шуршащих фантиках, всегда дарят на день рождения, их кладут в мешочке под елку на Новый год. Даша разворачивает третью конфету «Красная шапочка», целиком кладет в рот, тщательно разглаживает пальцами прохладную серебристую фольгу. Шоколадный батончик приятно и сладко скользит во рту.

Пятый «А» на перемене играет в салки. Дашу не зовут играть. Она стоит одна возле кабинета математики. На Даше мамина юбка 48 размера — неудобная, колючая, резинка впивается в живот.

— Бочка! Эй, бо-очка-а! Жир-трест! — Одноклассники Никита и Макар дергают Дашу за толстую косу, вырывают из рук пакет со сменкой и выкидывают его в открытое окно.

Даша горько плачет. Но не из-за улетевшей в окно сменки. А из-за того, что ее никто не любит. А любит одна только бабушка.

Бабушка — большая и добрая, с круглым животом под кухонным фартуком, от нее так вкусно пахнет грибным супом. Бабушка обожает кормить. Даже горбатый велосипед Рыжик, которого дедушка принес из котельной, за две недели превратился у нее в толстого наглого кота. Бабушка всегда защищает Дашу перед строгой мамой: «Пусть ест. Что за привычка — попрекать ребенка едой!»

Бабушка переворачивает на другой бок розовые, поджаристые кусочки колбасы. Колбаса на огромной чугунной сковороде весело шипит, брызгается горячим маслом.

— Весь день у мартена, — приговаривает бабушка и поворачивается к Даше. — Налить тебе еще супчику, Дашуль?

Даша уже съела грибной суп с майонезом, салат Клеопатры — из тыквы с грецким орехом и медом, гречку с жареной колбасой. Живот раздулся, как гигантский воздушный шар, но впереди еще три бутерброда, щедро намазанные шоколадной пастой «Нутелла», Дашиной любимой. Уж для них-то всегда найдется место в животе. Сестра Катя все еще сидит над остывшим супом, выбирает из него слизняки-грибы и, пока бабушка не видит, складывает их горкой на столе. За это она скоро получит подзатыльник от деда.

А пока бабушка ставит перед дедом сковородку. В ней гречка и колбаса плавают в кипящем масле. Кашу маслом не испортишь, любит повторять бабушка. Дедушка съедает сначала гречку, потом колбасу. Затем берет горбушку бородинского, хорошенько натертую солью и чесноком, макает в оставшееся на сковородке масло. Дедушка шевелит седыми усами, откусывает кусочек и жмурится от удовольствия. Дедушка с бабушкой — дети войны. Дедушка часто рассказывает, что в войну ели кислый суп из щавеля и горькие лепешки из лебеды. А больше кушать было нечего.

Папа — это тебе не бабушка. С ним разговаривать тяжело. Он за ужином теперь все чаще затевает серьезный разговор.

— Ты позоришь меня! Позоришь всю нашу семью! Мне стыдно за тебя перед соседями!

— Пап...

— Ты когда начнешь следить за собой? Посмотри на себя! Стала жирная, как свинья.

— Ну, пап...

— Ты никому не нужна такая, ты понимаешь? Никогда замуж не выйдешь, если

не похудеешь, я тебе это как мужчина говорю.

— Пап. Мам, ну скажи ему...

— Дашуль, папа прав. Мы же тебе только добра желаем.

Даша демонстративно кидает ложку на стол и уходит к себе в комнату, встает на весы. Весы показывают трехзначное число. Даша закрывает лицо руками, ее плечи дрожат от рыданий. Все, завтра же на строгую диету.

Даша осмотрела свой живот, больше не выпиравший из обтягивающего коктейльного платья, улыбнулась отражению в зеркале и вышла на улицу. Наконец-то родители за нее рады. И она себе нравится. Три летних месяца на одних яблоках — и вот результат. Голодная, зато красивая.

В вечернем автобусе пассажиров почти не было: бабулька с сумкой на колесах и с девочками-близняшками лет десяти, и патлатый парень лет двадцати, вальяжно жуящий сосиску в тесте. Запах горячей сосиски разлетался по всему салону, щекотал нос. У Даши застучал по стенке желудок, усилилось слюноотделение, но она заставила себя отвернуться и не смотреть на еду. Ехать было минут пятнадцать, она уселась поудобнее на кожаное сиденье, но сидеть спокойно не могла, постоянно ерзала от нетерпения и дрыгала ногой. Сладко ёкало сердце — скоро Олег ее увидит. У него наверняка челюсть выпадет от удивления. Это будет первая их встреча с весеннего турслета. Даша вспомнила зеленые и синие палатки, расставленные на поляне, большой костер, сложенный колодцем, и красавца Олега в оранжевой бандане из «Декатлона». Сколько раз он ей снился в эротических снах. Хотя в последнее время она сбилась со счета и не могла точно сказать, что снится ей чаще — руки Олега, обвивающие ее талию, или торт со взбитыми сливками. Кажется, все же торт.

Автобус завернул за угол, встал на светофоре. В открытую форточку влетел шустро ветер, а с ним аромат капучино и картошки фри. Люди — кстати, совсем не толстые, — сидели за столиками, с аппетитом поглощали бургеры. У Даши закружилась голова, ладони вспотели и в желудке предательски заурчало. Она погладила живот и прошептала: «Терпи! Ты же хочешь быть красивой?» Но желудок и не думал униматься — забурлил и заурчал еще громче. Даше казалось, что все — бабушка, парень с сосиской в тексте и девочки-близнецы, — оборачиваются на этот звук. Она достала из сумки чахлое зеленое яблоко и надкусила. По подбородку потек кислый, едкий сок. Кожица яблока была жесткая, долго не разжевывалась. Даша поморщилась и засунула яблоко обратно в сумку. Ну почему все, от чего не толстеют, такое невкусное? — подумала она и тяжело вздохнула.

Даша приехала рано — вечеринка только начиналась, и никого еще не было, кроме Наташки, турклубовской души компании, а еще Олега и Макса. Они сидели на диване и, отчаянно жестикулируя, о чем-то спорили.

— Ух, Дашка! Какая ты стала, прямо секс-бомба! — закричал Макс. Он чуть не выронил банку с пивом, когда она вошла в комнату. — Олег, смотри, как Дашка похудела!

— Дашуль, поделись секретом своей диеты, — улыбнулась Наташка, присаживаясь на подлокотник дивана рядом с Максом и с аппетитом разжевывая большой кусок пиццы с ветчиной и сыром, и с набитым ртом добавила: — Тоже хочу немного сбросить, бока убрать.

Они стояли на балконе одни. Олег молча курил, а Даша, покрасневшая до ушей, смотрела в пол.

— Ты думала, что я не зову тебя на свидание из-за того, что ты толстая? — Глаза Олега уставились на Дашу, будто два заряженных пистолета. — Да с чего ты вообще взяла, что меня интересуют девушки?

Олег с силой вдавил окурок в пепельницу, будто собирался переломить ему шею, и ушел с балкона, хлопнув дверью.

Даша стояла как оглушенная чем-то тяжелым, с тонну весом. Ее пронзило невыносимым холодом. Она медленно надевала в коридоре плащ, лишь с пятого раза попала руками в рукава. Пальцы дрожали, и ей трудно было справиться со шнурками. Даша чувствовала, как ледяная игла проникает все глубже. Казалось, она промерзла и заледенела насквозь, до доньшка сердца. Кто-то из знакомых спрашивал: «Ты что, уже уходишь? Так рано?» — и пытался ее растормошить, трогал за плечо. Даша не реагировала. Она хлопнула дверью квартиры, вышла из подъезда и на автомате пошла к метро. В ушах все еще звучал голос Олега: «С чего ты взяла, что меня интересуют девушки?»

— Какая же я идиотка, — проговорила Даша вслух; идущая мимо женщина удивленно оглянулась.

У Даши клокотало в животе. Терпеть голод больше не было сил. И не было смысла. Смысла больше не было ни в чем. Даша зашла в Бургер Кинг, заказала картошку фри, чизбургер, наггетсы, потом еще и еще. Желудок стонал — он не мог вместить больше, но Даша все равно ела и ела, словно пыталась заполнить едой внутреннюю пустоту.

Вечер. Полупустой джаз-клуб. Приглушенный свет, негромкие мужские голоса, тоненький женский смех. Контрабасист и саксофонист убирают инструменты, собираются уходить. Даша и мужчина средних лет, с седеющими висками, чем-то похожий на крокодила Гену из мультфильма, сидят на кожаном диване за столиком. Даша медленно тянет из трубочки мохито и то и дело заправляет за ухо выбивающуюся прядь.

— У тебя парень есть?

— Нет.

— Почему?

Даша неопределенно пожимает плечами.

— Даш, ты мне очень нравишься.

— Не верю.

— Почему?

— Потому что не может никому нравиться это жирное тело. Как можно любить и хотеть вот этот целлюлит? — Даша с отвращением проводит рукой по своему животу и бедрам.

— Мне. — Мужчина берет ее руку и гладит. Дашино лицо становится томатного цвета, она вырывает руку и быстро уходит.

Даша сидит на велотренажере и изо всех сил крутит педали. Глаза опухшие, лицо заплаканное. На столе таблетки для похудения. Рядом обертки от пяти сникерсов.

Звонит мобильный. Даша быстро вытирает слезы, нажимает на кнопку и тихо говорит: «Да, Катя».

— Даш, не бросай трубку, пожалуйста. Я хочу тебе помочь.

— Ну чем ты мне поможешь?

— Через неделю ты ложишься в Клинику питания. Я обо всем договорилась.

— Думаешь, поможет?

— Уверена! Там очень хорошие диетологи. У них худеет даже дед Мороз.

Железные прутья забора. Яблоневый сад Клиники питания. Асфальтированная дорожка по кругу. Пациенты парами идут по дорожке. Даша в растянутых трениках и худеет, ужасно голодная, тоже уныло бредет, потом без сил опускается на скамейку. Она замечает, что с соседней лавочки на нее посматривает полноватый молодой человек.

«Чего смотришь? Знаю, ты сейчас думаешь: эта жирная наверняка много ест. Угадала? Ну почему, глядя на стройную девушку, уплетающую пирожные, у вас, мужчин, не возникает подобных мыслей? Вы думаете о том, как она сексуально слизывает с пирожного взбитый сливочный крем. А при виде толстушки, даже с яблоком в руке, ваше воображение рисует громадный торт, жирного цыпленка-гриль и тонну картошки фри, которые исчезают за минуту у нее во рту.

Так беспардонно изучаешь мой живот. Настырный какой. Ни малейшего представления об этикете. На себя лучше посмотри, а? Ты сам далеко не худой.

Если б ты только знал, сколько я всего делала, чтобы похудеть. Ведь красота требует жертв, и девушка обязана быть стройной. Если она полная, то о какой вообще красоте может идти речь? Лишний вес — это уродство. Вот что нам всем вбивают в голову с детства. То ли дело мужчина! Ему можно всё. Чем больше мужик, тем лучше. Чем больше, тем кажется сильнее. Хорошего человека должно быть много. Готова поспорить на что угодно, что это придумали мужчины. Для мужчин, в этом мужском мире. Бог, который его создал, и тот мужчина.

Ну, елки-палки, сколько можно на меня смотреть? Что, больше смотреть не на что? Гляди куда-нибудь еще. Вон через дорогу палатка с мороженым. Ее изучай. Ох, ну почему везде вокруг эта еда? Чтобы устроить мой личный ад уже при жизни? Как в той загадке — висит груша, нельзя скушать.

Если хочешь знать, я всю жизнь потратила на диеты. Я знаю о них всё. Я пробовала каждую на вкус, цвет и оттенок голода. И про изнуряющие тренировки в спортзале я тоже знаю все. Поэтому меня бесят эти заботливые комментарии: “А моя знакомая убрала из рациона сладкое и мучное — и так хорошо похудела”. Или вот это еще, аж трясет, когда говорят: “А попробуй по утрам делать зарядку, больше двигаться, и вес уйдет”. Так и хочется взять и придушить этих советчиков, честное слово. Ой, он идет ко мне... Что ему нужно?»

— Меня Даша. Очень приятно. Ты сейчас пошутил или серьезно? Угощаешь? М-м-м... Я люблю Филадельфию и Калифорнию. В кунжуте.

Спустя десять дней лечения в Клинике питания, похудевшая ровно на один килограмм Даша бродит по залам Третьяковки. Останавливается перед «Красавицей» Б. Кустодиева. Долго в задумчивости изучает ее.

«Ну вот, картина начала двадцатого века, и на ней полная женщина. Художник это тело считает красивым, он явно им восхищается. Похоже, это его идеал красоты — вон и “Купчиха за чаем”, какая дородная, с толстыми руками. И на картинах Рубенса ни одной худышки. Все как на подбор — с животиками и пышными попами. На Руси всегда считалось, чем девушка полнее, тем красивее. Полнота была признаком здоровья, плодородия. Худых и в жены-то не брали. Ну действительно, кого она своей грудью может вскормить? Разве что спонсора. Вот и Пашка все время повторяет, что тощие его совсем не возбуждают: “Что я, собака, что ли, на кости бросаться?”

Какая же я дурочка была... Сидела то на одних яблоках, то на кефире, мучила себя диетами, почем зря».

Даша ловит в зеркале свое отражение, подмигивает ему, поправляет тяжелый русский клубок из волос. Подумаешь, складки на талии. Зато какая аппетитная грудь!

Даша опустила руку в почтовый ящик. Привычный лист квитанции. Но вместе с квитанцией ее пальцы нащупали еще что-то — небольшое, гладкое и объемное. Белый конверт, тщательно упакованный. «Странно, я ничего не заказывала, — подумала Даша. — Да и день рождения у меня еще не скоро. А может, кто-то подсунул наркотики?»

Вскрывать было страшно, но любопытство победило, и Даша, зажмурившись, быстро отрезала верхушку конверта, достала серебряное кольцо с нежно-розовым камнем в

форме сердца. Ножницы вывалились из ее руки, со стуком упали на пол. Даша примерила на безымянный. Кольцо село идеально. «Интересно, кто мог прислать этот подарок?» — подумала Даша и взглянула на конверт. Ни подписи, ни имени отправителя. Даша подняла глаза к потолку и вдруг засмеялась, быстро набрала номер и, услышав «алло», затараторила: «Колечко — просто огонь! Спасибо!» «Рад, что тебе понравилось», — раздался мягкий баритон из трубки, и Даша почувствовала, как Пашка на том конце улыбается широко-широко, до ушей.

Паша вбегает на кухню, обнимает сзади жену, которая стоит у плиты. Он вдыхает такой аппетитный запах ее кожи, смешанный с ароматом борща и котлет, и горячо шепчет ей на ушко:

— Дашка, ты беременна?

Даша внимательно рассматривает свой пухлый живот, обтянутый тканью домашнего платья шестьдесят второго размера.

— Нет. С чего ты это взял?

— Дочь сказала. Говорит, у вас есть какой-то секрет, от которого животик растет.

— Ах, секрет! Да, есть один. — Даша, давась от смеха, идет к шкафу и достает большую банку шоколадной пасты «Нутелла».

Сториз

Антон Егоров

Уже неделю каждая вторая сториз у моих друзей — «последнее фото в России». На моем последнем фото выцветшая лужайка, светотень, опавшие листья. 20 сентября — в тот день стояла отличная погода, и в обеденный перерыв я решил прогуляться в парке. Я только что договорился с другом снимать квартиру в Москве: ему был нужен сосед, а мне — возможность отвлечься и сменить обстановку. Новая компания позволяла работать удаленно, и к тому же в Москве мы собирались делать спектакль с театральным проектом, где я участвовал. Я щурился на осеннее солнце и думал, что жизнь — это все-таки не «живи сегодняшним днем», жизнь — это планы, надежды, мечты. На следующее утро в России объявили частичную мобилизацию, и погода испортилась. Я смотрю на это фото, но все-таки не выкладываю его: не вижу смысла. Мой отъезд — не повод для гордости и не политическое заявление. И одна фотография ничего не объяснит.

Первый раз решение об отъезде я принимал в марте. Тогда я работал в крупной международной компании, и нам предложили релокацию в одну из стран СНГ. Я согласился. Вообще о переезде я думал уже давно: если ты гей и живешь в России, то думаешь об эмиграции примерно раз в неделю, потому что настолько часто ощущаешь себя вырезанной сценой из фильма. Например, удаленным в российском прокате титром из «Рокетмена», в котором говорилось, что Элтон Джон нашел свою любовь, вышел замуж и воспитывает детей. Я всю жизнь прожил в Туле, но часто бывал за границей, и еще чаще — в Москве. Я ходил в московские театры и на бродвейские мюзиклы, гулял по Гайд-парку и обедал в пабах с радужными флагами. Этих вылазок в большой город и большой мир мне хватало, чтобы возвращаться домой, где были друзья и родители, и делать здесь что-то важное. Но в

2020 случился ковид, границы закрыли, и остался только маленький мир Тулы. А 24 февраля 2022 не стало и мира. Я согласился уехать.

О начале мобилизации я узнал на работе. В офисе все нервно шутили, и, кажется, никто до конца не мог поверить, что это происходит в действительности и коснется кого-то из нас. Вечером я приехал к родителям, и они перечислили мне все причины, по которым я на фронте не нужен. Ночью, вернувшись в свою квартиру, я вышел на балкон и долго смотрел на Тулу: с восьмого этажа весь город как на ладони. Это был не просто маленький мир, это был мой мир, и я честно хотел сделать его лучше. В тот день я так ничего и не решил.

В марте, пока мы ждали инструкций по релокации, я чувствовал, что каждый день с кем-то, с кем-то прощаюсь. Мне всегда казалось, что я по натуре одиночка и разлуку с друзьями перенесу легко. Но было совсем не легко, а я ведь еще никуда не уехал. Абсолютно все в моем окружении были в растерянности, все чувствовали одно и то же. Мой друг поставил в своем магазине издательские цены на антивоенные книги. Еще один друг вышел на площадь и отсидел пять суток. Мы писали посты, потом удаляли посты. Мне хотелось обнять каждого. Я устроил что-то вроде прощальной вечеринки, поставил фильм «Гордость» — о том, как ЛГБТ-активисты объединились с бастующими уэльскими шахтерами и что-то изменили. Мы были все вместе и ничего не могли изменить. Так прошло три недели, а потом компания, где я работал, просто закрыла российский офис. Никого не релоцировали. Уезжать самостоятельно я не стал.

На четвертый день мобилизации я, ни с кем не советуясь, купил билет до Еревана: понял, что больше не понимаю, зачем здесь оставаться. И все равно успел передумать еще раз десять. На работе обещали помочь, если будут технические проблемы с удаленкой. Маша, с которой мы пять лет делали в Туле независимый театр, сказала: «Все правильно!» — и обняла. Женя, мой несостоявшийся сосед, которому мобилизация не грозила по причине казахстанского гражданства, написал в конце нашего разговора: «Ты совсем приуныл, Антон». Родители опять привели десяток аргументов, почему мне ничего не грозит, но в итоге отвезли меня в аэропорт, как отвозили раньше, когда я летал в отпуск. Я прошел паспортный контроль. Выдохнул. Купил кофе. Вылет задержали на сорок минут. В очереди на посадку мне запомнился мужчина, который говорил в телефон: «Мама, ты не понимаешь!» — одну эту фразу, снова и снова.

В аэропорту Еревана меня встречает Нина — хорошая подруга, чья компания успешно релоцировалась полгода назад. Она разрешила мне пожить несколько дней в ее квартире, пока я не найду жилье. Ночь по-летнему тёплая, и мы сидим на ее балконе до пяти утра, разговаривая о России, об Армении, о всех наших планах, которые рухнули в этом году. Под нами — широкий проспект, по которому даже в этот час гоняют автомобили. С утра я работаю, а в обед выхожу на улицу — и сразу попадаю под обаяние этого шумного, но одновременно спокойного в своей будничной суете города. Чувствую, как хорошо вдруг побыть посторонним, непричастным тревогам и заботам этого чужого места. Как здорово, вместо страха и ступора последних месяцев, иметь список понятных дел: обменять деньги, купить симку, позвонить риэлтору.

На третий день в Ереване, когда я осматриваю очередную квартиру, мне звонит шеф. Выяснилось, что на моем проекте работать из Армении нельзя: политика заказчика. Но выбор у меня есть: остаться без работы, вернуться в Россию или срочно вылетать в Казахстан, откуда работать можно. Вернувшись к Нине, я пересказываю ей новости. Она на мгновение задумывается, а потом объявляет: «Пошли в бар, все решишь завтра! Сегодня все равно пятница». Я слабо протестую, но желание отложить новые судьбоносные решения до утра берет верх. В

баре Нину встречают другие знакомые из России, прилетевшие раньше меня. Мы пьем самбуку и смеемся, словно все самое страшное уже позади. Каждый хочет рассказать свою историю, и я тоже становлюсь одной из историй — историй про тех, кто что-то решил и возможно ошибся, а возможно нет, но сегодня пятница, и можно жить пятницей.

Утром я звоню Жене, как единственному среди моих друзей эксперту по Казахстану. Я боюсь, что он до сих пор обижен на меня за то, что я не стал его соседом. Я боюсь, что он скажет мне возвращаться. Но Женя в восторге: «Казахстан — лучшая страна на Земле! По крайней мере среди тех, куда пускают без визы». Правда, сам Женя несколько лет назад переехал из «лучшей страны» в Москву из-за отношения казахского общества к ЛГБТ. После я звоню шефу и еще раз обсуждаю все варианты. Потом покупаю билет и иду гулять по Еревану.

Вечер четверга, и в баре почти пусто. Играет лаунж. Я пью сидр за стойкой, когда двое ребят — москвичи — предлагают мне поиграть в настолку. Мы берем «ИлиТо» — игру, где нужно выбирать одну из альтернатив и объяснять свой выбор. Я играл в нее на этот Новый год с Женей. «Что бы вы выбрали: всегда жить в одном месте или постоянно переезжать?» За две недели в Алматы я снял квартиру, ходил в кино (и никто не вырезал из фильма мимолетный поцелуй двух девушек), нашел автомат по продаже воды и этот ЛГБТ-бар. Здесь с моего балкона виден большой тенистый двор, где после обеда всегда галдят дети. «Что бы вы выбрали: всю жизнь жить с родителями или всю жизнь жить одному?» Москвичи — они пара и собираются дальше ехать в Турцию — так долго думают над каждым вопросом. Я отвечаю быстро, но не всегда то, что отвечал десять месяцев назад. А я тогда еще подумал, что в эту игру будет неинтересно играть второй раз. «Что бы вы выбрали: каждый день забывать всю прошлую жизнь или знать всю свою жизнь наперед?» Все, что я сейчас знаю наперед, — что в субботу иду в местный театр. С его актерами дружит Маша, она просила передавать им привет. «Что бы вы выбрали: возможность вернуться в прошлое или отправиться в будущее?» Я выбираю сейчас: этот вечер, это место. В одном сериале герой — чернокожий гей, первый раз оказавшийся в гей-баре, —

произносит: «Мне не нужна революция. Я просто хочу место, где можно выпить и на минутку расслабиться». И хозяин бара ему отвечает: «Так в этом весь смысл!» Я фотографирую барную стойку со старомодным светильником и блестящими в его свете

стаканами, выкладывая фото вместе с цитатой из сериала в сториз. Бар закрывается, мы прощаемся с москвичами. Из такси я пишу Жене: «Я тут квартиру снял за огромные деньги, мне очень нужен сосед».

Третий

Татьяна Климова

1

Две полоски. Три месяца назад у меня закончились месячные, а сегодня — две полоски. Два. Три. Двадцать три. Двадцать четыре. Две тысячи двадцать два. Двадцать четвертого февраля две тысячи двадцать второго я сделала тест — следила за тем, как обновляется новостная лента в айфоне, как отображаются полоски, — одна — явственная — алая, вторая — бледная, розовая, пурпурная. Я чувствовала, что начнется война. Я знала, что беременна. Но не могла поверить — ни в то, ни в другое.

2

Я чувствую тебя. Ты еще не шевелишься, но из-за тебя ломит спину, я не могу подняться на четвертый этаж пешком — начинаю уставать на втором. Опять — второй, четвертый, двадцать четвертый. Что мне с тобой делать? Пока я решаю — ты во мне растешь. Я так часто откладываю что-то несложное, но важное. Откладываю до того момента, как важное сбивает нас снежным комом, так, что я не смею пошевелиться. Пока я буду решать — жить тебе или не жить — ты из меня родишься. Мне страшно.

3

Вообще-то у меня есть муж. Вернее, он будет, когда я разрешу стать ему моим мужем, приму его предложение никогда не расставаться и закрепить это в здании со странной аббревиатурой (я не знаю, как она расшифровывается). Я боюсь быть женой. Я не собиралась рожать ребенка, кто рождает детей в тревожные времена? Во времена — «а вы куда уезжаете?», «как планируете спастись?», «мы в белграде», «привет, я на постоянке в тбилиси», «у нас гуманитарная виза в германии», «я бы на твоём месте сбежал как можно скорее». Все — не на моем месте. Я беременна от человека, который меня любит. Я хочу прервать ее, эту беременность, будто ее никогда и не было.

4

Тетя звонила. Не научилась пользоваться картами, деньги от квартиранта — квартиросъемщика — получала наличными. Тыкала в кнопки мобильного телефона, в смартфонах разобраться не умела. «Алло? Алло! Привези мне тысячу до конца месяца, нам с Глебом не выжить». Приезжаю. Пью остывший чай. Трехлетний Глеб, завернутый в три кофты, скользит по линолеуму. Тетя шумит около плиты, готовит ужин. Замуж, говорит, пора мне. Я киваю. Вальке, дочке тети Любы, оказывается, всего двадцать пять, а она переживает, что в таком возрасте в девках ходит. Шумно ставлю чашку на стол. Мне ведь уже двадцать семь, а о замужестве не задумываюсь, в ее время, вот это да, женщины в двадцать семь старородящими считались. Разглядываю маникюр, вчера сделала, свежий. У нее выкидыш, надо же, был в моем возрасте, ребенок вышел кровью из подола. Хочу уйти, я не люблю про выкидыши и детей, протягиваю ей тысячу — бумажную, зеленую. Хватает

купюру, шепчет — а мать твоя аборт сделала. Проглатываю слюну. Зачем она мне это сказала?

5

Вот что выяснилось, послушай. Или — послушайте? Может, там двойня? У матери должен был родиться третий. Первая — я, второй — брат, третий — кто-то. Кто-то не родился. Исчез. Мама была замужем — за моим отцом. Она не сказала отцу, что забеременела третьим. Сказала только тете. Тетя — «ребенок вышел кровью из подола» — не смогла вытерпеть, что у мамы третий. Стала уговаривать, заговаривать — они не выживут втроем, ты не вытянешь втроем, муж умрет и мать умрет, как ты вытянешь втроем?». Папа и бабушка были живы. Этот — третий — не выжил, потому что мама послушала тетю. По телевизору рассказывали про дефолт. Третий должен был родиться в девяносто восьмом. Я с ним так и не познакомилась, с этим третьим.

6

Сегодня хуже, чем в девяносто восьмом. В Ростовской области рассекают небо военные самолеты, в Краснодарской — самолеты падают на дома. Вереницы мужчин поднимаются по трапу в каждом городе России. Остальные — на автобусах — к военной части. Оттуда — на передовую. С передовой... не хочу думать, куда. Ты появишься в страшное время. Если не исчезнешь, как бывает, знаешь же, что исчезают. Я боюсь впускать тебя в этот мир, мне страшно, что он тебе не понравится. Не хочу, чтоб ты в нем пропал.

7

Ты — кто? Брат или сестра? А может, и сестра, и братик? Я хочу к вам обратиться. Хочу заговорить вас, хочу заставить спуститься и предстать передо мной. Но я не могу к вам обращаться, вы не обрядились в человеческое, застряли в эмбрионном. Я не верю в ваши души. Я не верю, что вы были. Уверена, для матери вы — невоплотившиеся, несуществовавшие. Она не давала вам имен, не придумывала характеры, не знала, кем вы будете, когда вырастете, и как поступите — на бюджет или на платное, к либералам или консерваторам, кофе или чай, черное или белое, бумажная книга или электронная, андроид или айфон. Вы не увидели то, что произошло после дефолта, вы не познакомились с новым президентом, не пошли в школу с букетом из выращенных дома цветов. Вам не давали десять рублей в неделю на школьные обеды, вы не позорились в дурацком платье, доставшемся в наследство от троюродной сестры, вас не ругали за двойки и тройки, вы не плакали в туалете от несправедливости, наша мама не приходила на ваш выпускной, наш папа не умирал у вас на глазах. Вы легко отделались — не писали сочинения, не стояли у доски, вспоминая формулу дискриминанта, не выписывали в тетрадь 48 л. термины по биологии, подчеркивая их фломастером, чтобы запомнить, но ничего не запоминалось. Вы не ссорились с лучшей подругой, мальчик, который понравился вам, а может, девочка, в которую вы были влюблены, не говорили вам, что вас не любят. Вы не хоронили бабушку, не приходили на ее могилу в родительский день, не клали кулич около ее фотографии. Ваш дядя не вернулся из Чечни изувеченным. Вы не наблюдали по телевизору новости о терактах. Ваши друзья не напивались на вечеринках и не умирали от депрессии, передозировки и суицида. Вы не сдавали ЕГЭ, не поступали в институт, не были отчислены с позором из института. Вы не плакали в туалете от стыда. Вы не пошли работать официантами, чтобы снимать задрипанную комнату в столице. Вы не рыдали в туалете от усталости. Она спасла вас — от неизвестности, от страха, от пустоты, от безденежья, от боли — всепроникающей. Вы должны сказать ей спасибо?

8

Тебе будет непросто, ты придешь туда, где останется пустота. Не знаю, будет ли имя у твоей страны, не знаю, будешь ли ты любить свою страну и меня — твою мать — за то, что обрекла тебя на такую жизнь.

9

Будут банты и первая учительница, ссадины и заметки в дневниках, запах весны и вкус яблок, простуды и разочарования, друзья и враги, слезы и смех, праздники и будни, часы

и календари, пустота и гармония, кошки и собаки, лимонад и алкоголь, стихи и проза, платя и джинсы, фейерверки и тишина, дяди и тети, шоколад и супы, монеты и купюры, клатчи и чемоданы, Пушкин и Лермонтов, мороженое и глинтвейн, мама и папа, войны и мир. Жизнь и смерть.

10

Сейчас октябрь две тысячи двадцать второго. Девятый месяц войны. День твоего рождения.

Ты же моя подруга

Виктория Григорьева

2001 год. Она открыла дверь и возникла — вся в зеленом, но благородном зеленом, разных оттенков камней и трав. Я это помню и через двадцать лет, через сотни разговоров на кухне первые годы за водкой, потом за кофе; через белизну младенческого одеяльца в темноте ночной детской, за уловленным боковым зрением плачущим ее лицом, — вместе смотрим фильм, а смотрим только те, где в конце нужно плакать. Вошла и назвала имя редактора.

— Его нет сейчас, а вы по какому вопросу? — Мне тут же стало стыдно за оборот речи, как у булгаковских секретарш.

— Неважно, — ответила она. — Я Алёна Канаткина, автор.

Она осталась ждать редактора. Мы пили кофе и, едва знакомы, говорили о Феллини и Тарковском, и о том, как однажды редактор пришел в разных носках. Алёна закурила и держала сигарету так красиво, что я стрельнула у нее, хотя бросила неделю назад. Редактор позвонил, что сегодня его не будет. «Спасибо вам за интересную беседу», — сказала я Алёне.

— Давай на «ты», что мы, собственно, — бросила Алёна, как только вошла на следующий день. — Поможешь мне с двумя бумажками? У меня от этой бюрократии судороги начинаются.

2007 год. Телефон зазвонил и высветил: «Алёна Канаткина». Привычно напрягся живот. Я собираюсь на день рождения к другу, а Алёна звонит, если что-то случилось

— Няня заболела. Сможешь сейчас приехать, посидеть с детьми?

— Я не могу, бабушка Сережи нездорова, я обещала отвезти ей продукты. — В голове молниеносно сложилось, что развлекаться я не в праве, а вот больная бабушка весома.

— Приезжай после. Мне нужно на работу. Я зарабатываю на жизнь своих детей. Если меня уволят... Речь идет об их жизни, понимаешь. — Голос Алены становился свинцовым.

Алена была моим компасом, с ней жизнь становилась понятной. Вот это хорошо, вот это плохо. Алена и ее дети настоящие, живые, а моя жизнь — болото, которое я пытаюсь оживить пустыми тусовками. Я быстро ходила взад-вперед по комнате, взращивая чувство правоты своего «да» Алёне, успокаивая пульсом бившееся «не хочу». Сняла с веревки недосохшую одежду, надела.

Друга, на чей день рождения я собиралась, я больше не увидела. Он погиб в том же месяце.

2010 год. Я везла прогулочную коляску с двумя близняшками Алены, чтобы забрать старшего из сада. Мы опаздывали, от спешки я сделала крутой поворот, и коляска перевернулась на бок, в сугроб. Дети опешили на секунду, потом засмеялись. Позвонила Алена, я попыталась нажать рукой в варежке на зеленую трубку, но промахнулась и сбросила звонок. Когда мы переходили проезжую часть, телефон настойчиво звонил снова

— Знаешь, что я подумала, когда ты сбросила? — сказала Алена, когда я наконец перезвонила. — Что ты упустила коляску, и дети под машиной.

Вечером Алена вернулась домой, заплатила мне за очередной день работы. Я несколько лет помогала Алене «по дружбе», а потом, когда я увольнялась с очередной работы, она позвала меня поработать у нее няней — за деньги. Мы пили чай, Алена говорила о фильме Миядзаки, а я молчала, думая о коляске, которую я перевернула днем на узенькой тропинке между сугробами. А если бы это произошло на проезжей части? Нет, не могло. Но Алена считает меня способной на такую неосторожность.

2012 год. Я работаю редактором в маленьком издательстве.

Я развожусь с Сережей.

У меня женатый любовник, Макс.

И сообщение от Сережи: «Живи с Аленой. Может, у вас и дети появятся».

После работы я еду к Алене — помочь с детьми, сменить няню. Алена будет поздно: ей надо иногда выдохнуть, и она идет на фильм Триера. А вечером, когда она вернется, я расскажу ей про Макса.

— Как ты могла не оценить «Меланхолию»? — сказала Алена с порога.

— Почему, мне же понравилось.

— Ты сказала, что это неплохой фильм. Ты должна была сказать, что он гениальный!

В горле пересохло, и даже «пока» получилось отрывистым. Я проглотила и набрякшие слова о Максе, и те, которые рвались в ответ Алене.

2017 год. Мы сидели на кухне у Алены. Она развелась недавно со вторым мужем, а я собиралась замуж за француза Патрика. Шел третий час ночи, дети спали по своим комнатам, Алена была влюблена и плакала, потому что это был совершенно не вариант. Этот Слава, которого я никогда не видела, оброс для меня плотью и кровью из обрывков переписки, нерезких фотографий, которыми делилась со мной Алена. И когда я почувствовала эту историю телесно — со сладком жаром в солнечном сплетении, — из подсознания всплыл мой собственный «не вариант» — Макс.

И я начала рассказывать историю наших коротких отношений с Максом. И вдруг заметила, что, рассказывая, я повторяю Алену — говорю с ее интонациями и пафосом. Алена смотрела на часы, то и дело вставала, чтобы проверить, спят ли дети, и наконец сказала:

— Не рассказывай больше.

Она пояснила, что, рассказывая, я воскрешаю эту историю, и что это может плохо обернуться для меня и Патрика. Но потом уронила:

— Ты играешь.

Для меня это прозвучало: ты фальшивишь. Ты фальшивка. Я сжала в руке стакан, подняла, чтобы треснуть по столу, но потом поставила на место. Тихо, чтобы не проснулись дети, я сказала Алене:

— Сука.

Мне показалось, что глаза Алены стали еще ярче.

2020 год. «Прости за то, как я себя тогда повела. Я серьезно больна», — и сообщила Алене диагноз, услышанный утром от французского врача.

Каждый день, который я провела в больнице, я получала Аленино «Как дела?». Я пыталась поудобнее устроиться на кровати, чтобы не тошнило, но не получалось: меня тошнило. И все же удавалось написать ответ: о трубке, которая у меня торчит из носа и уходит в желудок, о том, как сильно хочется газировки, и не простой, а советской, которую пил Шурик в «Операции Ы» (мне было запрещено не только есть, но и пить, меня питали через капельницу). Я не узнавала Алену. Ни слова о соседке, с которым Алена судилась, о детях, которые не моют посуду, о подругах, которые совсем офигели. Только о фильмах, которые я могу посмотреть на маленьком экране телефона, чтобы не думать о трубке. И все же почему-то, когда я видела очередное «Как дела», мне хотелось запихнуть телефон поглубже в сумку. Слишком по расписанию, будто Алена исполняла обязанность.

2021 год. Я в ремиссии и доехала до России. На даче у Алены мы запекали камамбер на мангале, пламя освещало лица Алениных выросших детей. Я рассказывала им, какие они были в детстве, они вспоминали что-то, что не помнила я. Я прочитала Алене рассказ, который победил в конкурсе вместо моего. Алена сказала, что автор совсем не умеет писать, а я талантливая. Я почувствовала, что время, когда я кидалась помогать Алене по первому звонку, миновало, а теперь мы будем просто читать тексты друг друга, ругать более удачливых авторов, а при встрече жарить камамбер и смотреть кино.

2022 год. «Ты подготовишь Женю к экзамену по русскому?» — пришло от Алены.

Я написала: да, хорошо, но мне надо вспомнить все правила, я ничего не помню, конечно, со школы.

Я скачала и открыла школьные учебники. Там были дебри. Я прикинула, сколько времени мне потребуется, чтобы подготовить саму себя, чтобы потом подготовить Женю к экзамену. Еще мне почему-то вспомнилось, как я лежала в больнице с трубкой, торчащей из носа, а в палате перед моими глазами висели огромные часы. Я написала Алене: «Извини, у меня совершенно нет времени». И почувствовала, как будто у меня все оторвалось ниже сердца.

От Алены: «Я обратилась к тебе, как к другу».

От меня Алене: «Мне очень хотелось помочь, но речь идет о моей жизни».

И от Алены: «А, ну если о жизни, то мне нечего сказать», и следом: «Я очень на тебя обиделась», «Ты же моя подруга».

Чай, кухня, младенческое одеяльце, детские игры, температура под сорок на градуснике, «Умница Уилл Хантинг» на мониторе, камамбер на мангале, повестка в суд по распрям с соседом, смех Алены, смех детей, их же слезы и снова улыбки. И вдруг все это было брошено на одну чашу весов, а на другую брякнулось одно маленькое металлическое «нет». Чаши заходили вверх-вниз, да так и не остановились.

Я шагала взад-вперед из сада в дом, из дома в сад, я начала писать Алене: «Считаю, что за все годы я выполнила и перевыполнила свои дружеские...» — и на следующем слове осеклась.

Эйфория

Екатерина Морозова

Четыре иконы, опирающиеся на две пустые бутылки «Бон Аква», раскрытый Псалтырь на церковнославянском, два ломтя хлеба с воткнутыми в них горящими свечами, альбомный лист с длинным списком имен умерших родственников.

Я стою перед зеркалом. На мне черное мамино платье и кружевной платок, завязанный на затылке. Делаю пару селфи.

Через открытое окно кухни слышно проезжающую машину. Старуха-плакальщица тяжелым шагом бежит в прихожую: *ну чего там, привезли? Нет еще, не они*, кричит ей мать. Я стою перед зеркалом и крашу себя: крашу губы нежно-розовой помадой, подчеркиваю нижнюю линию глаз голубым мерцающим карандашом.

Переехав в Москву четырьмя годами ранее, я подстригла волосы, выкинула косметичку и стала носить оверсайз из мужских отделов. Я жила между станциями «Университет» и «Проспект Вернадского», оставалась до закрытия в читальном зале первого гума или в библиотеке на седьмом этаже ДСВ.

После защиты диплома я на пару недель приехала домой. Через несколько дней отца очередной раз положили в больницу. Ближе к обеду в четверг 20 августа мы с матерью пошли в магазин. Повернув на Ленина в сторону школы, мы зашли в «Колизей». Внутри было душно. Мать взяла хлеб и коробку пшенной каши в пакетиках. Когда мы расплачивались, у нее в сумке зазвонил телефон. Она взяла трубку. Через минуту я увидела ее бледной и что-то мычащей. Она

посмотрела на меня: *отец умер*. На нас уставилась продавщица, крупная женщина в фартуке грязно-сиреневого цвета с белыми каемками: *что-то произошло?*

За два дня до этого я проезжала мимо больницы на велосипеде. Вглядываясь в окна и стараясь понять, в какой палате находится отец, я кричала: *je te déteste, j'espère que tu vas crever*.

Я начала ненавидеть отца с десяти лет. Может быть раньше, но только в десять я начала вести личный дневник. В нем нахожу: истории о школьных друзьях, вырезки из газеты с фотографиями нашего поселка, вклеенные записки-признания в любви, которые одноклассник Рома кидал мне на уроках, рисунки сердечек с его именем, истории о том, как меня бесит младший брат, какая у меня красивая мама, какой у меня злой отец, как я переживаю о прыщах на лице, как мама просит меня отравить отца, как я ненавижу отца, как я хотела бы, чтобы он умер, как я мечтаю уехать подальше из дома. Там же на специальной странице нахожу список слов, которыми ко мне обращались дома: гнида, кобыла, шлюха, мразь, гермафродит, тварь, спиногрыз, дармоед, уебище, сволочь, дрянь, гадина.

Он звонил мне раз в пару месяцев по субботам. Обычно я в это время делала уроки в общаге. Если я брала трубку, приходилось сквозь зубы что-то произносить в ответ. В выходные перед днем защиты диплома он позвонил, когда я чертила дорожку амфетамина на экране телефона. Я ответила и поставила на громкую: *мамка сказала ты домой скоро приедешь, водку будешь пить?* Я молча посмотрела на телефон. *Ало? Ну ты там*

где брать? Я завершила вызов, снюхала дорожку и продолжила работать.

Когда я закончила бакалавриат, он с другом приехал в Москву, чтобы забрать из общаги мои вещи. В пять часов утра он стал названивать мне, чтобы я объяснила дорогу. Во время очередного звонка он, находясь у главного здания МГУ, сказал: *тут перед нами какая-то огромная многоэтажка со звездой наверху. Нам куда дальше?*

В зале, который фактически был его комнатой, пахло застоявшимся перегаром. Пробоины в стенах из ДСП были заклеены квадратиками обоев, которые отходили у уголков. Коричневая велюровая обивка старого дивана лоснилась от грязи. Сиденье было продавлено: широкое овальное углубление повторяло форму тела. Мы вернулись из «Колизея» и тут же стали собирать его вещи. Не разговаривая друг с другом, мы бросали в черные мусорные пакеты его одежду, пустые пластинки таблеток, тонометр, кривые очки для дальновзоркости, скомканые медицинские справки. Из-за дивана мы вытащили несколько пустых бутылок водки и смятых пачек сигарет, из проемов между частями спинки — несколько заточенных с одного конца спичек, две грязных вилки, обрывок газеты и заднюю крышку пульта от телевизора.

За несколько дней до этого я поливала огуречник. В желто-зеленой духоте огорода прело пахло навозом. Когда я пошла в сарай, чтобы вернуть лейку на место, я увидела отца. Он сидел в дверном проеме бани и упирался руками в пол. Его тело, его огромное красно-коричневое складчатое тело тряслось и наклонялось вперед. Я спросила: *все нормально? Да хуево, Кать*, сказал он, глядя на меня снизу вверх.

Я кладу помаду и карандаш в косметичку и выхожу из дома через сарай. Остановившись у входа в баню и глядя на пустое крыльцо, я включаю IC3PEAK и начинаю танцевать.

Я хотела бы тебя как тогда обнять, в день, когда я вижу тебя, плачущего, на полу зала. В доме никого — мама только что выбежала в

слезах и с криками, брат в садике. *Катя, я не хотел это делать, я не хотел. Она сама. Я не хотел, Кать*, говоришь ты, глядя мне в глаза. Я хочу приблизиться к тебе, папа, я никогда не видела тебя таким. Мне хочется тебя успокоить, но мне страшно, папа — и я стою на месте, прижавшись к дверному проему.

Он умер в туалете. Слишком сильно напрягся, сидя на унитазе, и его сердце не выдержало. Его нашли в кабинке, мертвого и посиневшего. Ему было 46 лет.

Я сижу на кухне и смотрю в окно. Несколько людей курят на улице. В зале человек тридцать, они крестятся и кланяются вместе с тремя старухами-плакальщицами. Еще несколько шепчутся и плачут в прихожей. Я слышу, как мама с кем-то разговаривает: *Я не понимаю, кого хоронят-то? Сашу хоронят, Ирин. Как Сашу? Ирин, давай пойдём выпьем успокоительное.* Ко мне подходит незнакомая пожилая женщина. Вытирая слезы и заправляя мои выбившиеся волосы в платок, она говорит: *ты ведь доча его, да? Какой светлой души человек был, я таких добрых людей в жизни не видывала! У меня ведь когда денег не было на молоко, он мне всегда взаймы давал. Она достает из сумки кисть засохшей рябины. И улыбался как! Какой светлый человек, это надо же...* Она наклоняется ближе, кладет сморщенную ладонь на мое плечо и шепчет на ухо: *ты возьми рябинку, ее в угол под потолок повесь, чтобы он не приходил по ночам.*

Когда я думаю о своем детстве, в моей голове темно. Иногда эта темнота просвечивается лампочкой кухни: похожая на меня девочка стоит на коленях рядом с лежащей на полу мамой и пытается закрыть ее своим телом. Огромная мужская нога пинает женщину в живот. Огромная мужская рука оттаскивает девочку в сторону.

Несколько мужчин выносят открытый синий гроб из дома. Из старого деревянного дома выносят мертвое тело его хозяина. Открытый синий гроб ставят на три лакированные табуретки. Люди становятся вокруг в несколько рядов, я остаюсь у забора. Мама и брат подходят к отцу, плачут и целуют мертвое тело в лоб. Дедушка держится левой

рукой за боковину, а правой крестится. Вдруг он останавливается. Падая на колени, он ревет.

Священник с усилием всовывает свечку в заочневшие ладони. *Если вы храните обиды на усопшего раба божьего Александра, время его простить.*

Я до крови кусаю щеку. Я до боли сжимаю пальцы.

На выходе из церкви рыдающая сестра отца кричит мне и брату: *ну что, сиротами вы теперь остались!* Я оборачиваюсь и вижу смотрящую на нас маму.

Я беру свою горсть земли. Вот где ты теперь, папа: глубоко в земле, и я осторожно подхожу, стараясь не испачкать красивые черные туфли. Мне нравится быть здесь, нравится смотреть на мои длинные стройные ноги, под которыми — трёхметровая яма, где на глубине лежит мой мертвый отец. Я беру свою горсть земли и бросаю ее: *mon désir a été plus important que ta vie, papa*

Вечером после похорон и поминок я возвращаюсь домой с шампанским. Мама и брат сидят на кухне. *Как дела?* Брат поднимает голову. Он заплакан. Я сажусь рядом с мамой: *Мам, это же то, что ты всегда хотела. Теперь ты одна, и ты можешь делать что угодно. Мам, ты теперь можешь делать что угодно. Ты можешь даже переехать, ты всегда хотела переехать. Мам, мы можем продать этот дом и купить новый, новый дом, где ничего не будет напоминать тебе о старом, где не нужно будет заниматься огородом, мам, ты представляешь, как это будет здорово. Мам, ты можешь уехать из этого места, навсегда, мам, я помогу тебе, мам, у тебя будет новая жизнь, мам, ты меня слышишь? Ты меня слышишь?* Мама держит меня за руку, мама молчит. Мама начинает

говорить: *Катя, это ты можешь ехать куда ты захочешь, я так не умею... И я должна здесь остаться, в знак уважения к нему... Я держу маму за руку, я молчу. В знак уважения к нему, мам?* Мама встает и уходит. Брат продолжает плакать.

Через неделю после похорон к нам в дом стучится человек. Я открываю дверь. Я узнаю, что отец должен несколько сотен тысяч рублей.

В полиции нам рассказывают, что он воровал металл, что однажды его раскрыли и поставили на счетчик, что его сообщники заставили его взять кредит на себя, потому что они работают в администрации и им светиться нельзя. Полиция ничем не может помочь.

Как только мы расплатились с долгами, я стала собирать документы для визы в Бельгию. Вечером перед днем отъезда мы с братом долго разговаривали. Он говорил: *Я останусь здесь, Катя, с мамой, не поеду в Нижний. Ей тут нужен кто-то, чтобы помочь по дому. С дровами, с печкой, с огородом...* Я отвечала: *да, Вань, это было бы хорошо.*

Я захожу в кафе Брюссельского университета, чтобы поработать, и говорю бариста: *Un expresso, s'il vous plaît.* Мне звонит мама: она больше не может так жить, она наложит на себя руки, она не понимает, почему отец сломал ей жизнь, почему мы должны были выплатить столько долгов, почему мой брат так себя ведет, почему он пьет и орет на нее, я должна что-то сделать, поговорить с ним, объяснить ему, ведь это мой брат.

Не дослушав, я кладу трубку. Трясущимися руками я снова добавляю мамин номер в черный список.

Электронный журнал «Пашня» — ежемесячное издание литературных мастерских Creative Writing School. Тексты, представленные в «Пашне», написаны в рамках работы очных мастерских и онлайн-курсов Creative Writing School или созданы специально для литературных конкурсов школы. «Пашня» — это возможность встречи текста и его автора с читателем, возможность посмотреть на мир глазами современных литераторов.

Выпускающий редактор Юлия Виноградова

Художественное оформление Евгения Буравлева, Елена Авинова, Юлия Виноградова

@Creative Writing School, © 2023

@Евгения Буравлева, © 2023

@Елена Авинова, © 2023

